

МИР

№4-1926

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗД-ВО
« П. П. СОЙКИН »
ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
«ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ»,—очерк Н. П. Боголепова, рисунки М. Мизернюка	1
«КОРОЛЬ, ДАМА, ВАЛЕТ»,—неопубликованная детская сказка Андерсена, с датского, с иллюстрациями	35
«ПРОБНАЯ ПОЕЗДКА»,—рассказ П. К. Губера, с иллюстрациями	43
«ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА»,—решение задачи № 3 и задача № 4	55
«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ»,— VIII. «ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ»—рассказ К. Фезандие, с иллюстрациями	57
«НА САРАНЧЕ»,—очерк В. Аристова, с иллюстрациями	89
«АВТОМАТ СРЕДИ АВТОМАТОВ»,—очерк М. Л. с иллюстрациями	101
«РАДИО-СКАЗОНКА»,—новелла Отто Рунга, с датского, с иллюстрациями	115
«ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ»,—рассказ Андреаса Ейе, с иллюстрациями	127
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!», Решения задач №№ 8 и 9	137
«ДЕЛО О ТЕЛЕНКЕ»,—рассказ М. Декобра, с иллюстрациями	139
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи №№ 14 и 15	143
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». Сткровения науки и чудеса техники: Механизация конторского труда, с иллюстрациями	145
Погоня за морскими сокровищами, с иллюстрациями	155
Русское изобретение	156
Ковер-самолет и сапоги-скороходы, с иллюстрациями	157
Современная сверхреклама, с иллюстрациями	158
Не подумав, не отвечай! Задачи №№ 16—27.	
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	на 3-й стр. обложки.

Обложка худ. М. Мизернюка.

К сведению подписчиков, подписавшихся на журнал „Мир Приключений“ через местные почтово-телеграфные учреждения.

Многие из подписавшихся на журнал „Мир Приключений“ через местные почтово-телеграфные учреждения обращаются в Главную Контору журнала „Мир Приключений“ с просьбой о перемене адреса, с заявлением о неполучении № журнала или приложения, или высылают доплату по подписке и т. п. В виду этого Главная Контора журнала считает необходимым дать разъяснение: при подписке через местные почтово-телеграфные учреждения следует обращаться непосредственно в то же учреждение, в котором была произведена подписка, так как почтово-телеграфное учреждение, принявшее подписку, сообщает через Ленинградский Почтамт Главной Конторе журнала лишь количество экземпляров, потребных для удовлетворения подписчиков, не сообщая фамилий и адресов подписавшихся.

Очерк Н. П. БОГОЛЕПОВА. Иллюстрации М. Я. МИЗЕРНЮКА.

От Редакции. В конце 1925 г. вернулась с Севера экспедиция инженера Самойловича, которая, впервые в истории полярных путешествий и исследований Новой Земли, обошла на парусно-моторном боте вокруг всей Новой Земли. Об этой экспедиции много говорили, ей были посвящены лекции, доклады и статьи в газетах и журналах.

В числе участников экспедиции был и наш сотрудник Н. П. Боголепов. Его знакомство с Севером, однако, далеко не ограничивается этой экспедицией. Северный послужной список Н. П. Боголепова обширен и интересен. С 1916 по 1917 г. он впервые зимовал на радио-станции о. Вайгача (в Карских воротах). Здесь он полюбил Север и стал стремиться туда снова. С 1918 по 1920 г., два года подряд, Н. П. Боголепов зимовал на радио-станции Югорский Шар, с 1920 по 1922 г. участвовал в различных гидрографических экспедициях с зимовками в Северных окраинах, в устьях рек Оби и Енисея. С 1923 по 1924 г. участвовал в постройке радио-станции на Новой Земле—Маточкин Шар. Наконец,—1925 год провел в экспедиции инж. Самойловича.

Влюбленный в Север, Н. П. Боголепов за время своих скитаний, впродолжение более 6 лет, ни разу не хворал и уверен, что в том климате вообще заболеть невозможно.

Его личные трофеи:

Десятка три белых медведей, несколько сот тюленей и изрядное количество песцов.

Его намерения и планы:

— В этом году, хотя бы и пешком, но уйти снова на Новую Землю. Здесь сижу и задыхаюсь.

Его мечты:

— Новые русские поселения на Новой Земле и систематическая, государственно-организованная разработка богатейших промыслов Севера для блага населения С.С.С.Р.

Из обширных литературных материалов Н. П. Боголепова—мы берем описание природы и приключений на Севере. У автора—большая и чуткая любовь к природе, отличная, художественно изощренная наблюдательность. Веет живой, интересной и колоритной жизнью от безхитрого повествования, которому автор очерка попытался придать беллетристическую форму.

Для городского читателя настоящий очерк—короткий, но прекрасный отдых в далеком уголке России, где сильны и люди, и звери, где извечная борьба за существование носит еще и теперь такие первобытные формы, где человек живет одной жизнью с окружающей могучей природой и научается понимать, любить ее и побеждать ее...

Автор сделал много любопытных фотографических снимков. Отчасти они послужили материалом, натурой для рисунков нашего художника.

От автора. Под покровом глубоких арктических льдов и снегов, ревниво оберегаемые от вторжения „неизбежного белого человека“ полярной ночью, морозами и страшными снеговыми штормами—раскинулись наши окраины Севера, и дремлют тысячелетним сном, ничем ненарушимым, полным фантастических призраков и грез.

Великое безмолвие полярной пустыни! Безконечные пространства тундры... вечный снег и лед... грандиозная игра холодного пламени северного сияния... штормы со снегом, сбивающие с ног и засыпающие глаза снегом; летом—жалкая растительность, температура чуть-ли не на точке замерзания и вечный, неумолкаемый шум и гул морских волн о берег, а кругом мертвая, безстрастная пустыня...

И тем не менее за время моих скитаний по северным окраинам, мне приходилось сталкиваться со многими людьми, побывавшими год—два на Севере, и эти люди уже никуда не уйдут от величия и красот Севера. Они „ушиблены“ Севером, они носят неизгладимую печать Севера и ничто не в силах вырвать их из этого очарования.

„Полярник“ похож на компасную стрелку. Вывезенный на год в центр отдохнуть, он проводит этот год с тоской и нелюбовью; он, как стрелка компаса, всегда думает и бредит своим севером и всегда стремится только на север.

Я боюсь, что не сумею рассказать Вам, как велик и прекрасен, как могуч и интересен Русский Север.

Одинокие.

Пароход постепенно удаляется, качаясь, словно пьяный, на могучих седых волнах Карского моря. Серая масса корпуса судна постепенно сливается с холодными, зеленоватыми тонами моря; еще один поворот и судно скрывается за далеко выдающимся в море каменным мысом.

Холодный северный ветер низко над землей гонит косматые тучи. Падает мелкий нудный дождь. Волны яростно бьются седыми гривами о прибрежные утесы и бесильно откатываются назад, глухо ворча и шелестя мелкими камешками и галькой, которые подхватывают в своем неистовом беге. Полярные сумерки быстро окутывают темнотой мрачные скалы Новой Земли, покрытые кое-где нетающими площадями льда и снега. Над полосой прибоя, низко над волнами, выются крикливые чайки, пронзительно и деловито переговариваясь между собой. Береговой песок усеян плавником и морскими водорослями, наполняющими воздух терпким, но здоровым запахом.

На мрачном и пустынном берегу сиротливо стоят две человеческих фигуры и смотрят вслед ушедшему судну. Самоед Василий Пырерко одет в свою традиционную малицу, пропахнувшую ворвань, рыбой и донельзя засаленную. Рукава малицы пусты и неестественно повисли, так как Василий, в минуту раздумья, по самоедскому обычаю, руки держит на груди. В талии он стяннут широким кожаным поясом, на котором болтается острый, как бритва, промысловый нож в ножнах, и маленький точильный брусочек—тоже в ножнах. Пояс „богато“ разукрашен медными пуговицами и четырьмя клыками белого медведя. Кривые ноги обуты в нерпичьи пимы и крепко стоят на камне. Меховой

головной капюшон малицы откинут, обнаруживая почерневшую от грязи шею. Черные, твердые волосы острижены в скобку, ветер играет ими. Безстрастное, скуластое и приплюснутое лицо обращено к стоящему рядом человеку. Раскосые и узкие глаза самоеда смотрят внимательно и немного сострадательно на соседа.

Этот „Руссак“ (так самоеды зовут всех русских колонистов)—высок ростом, хорошо сложен и одет так же, как и Пырерко, хотя его одеяние и не воняет, как самоедское. Серые, стальные глаза, резкий энергичный профиль лица и упрямый подбородок делают его не совсем заурядным типом. Такие лица запоминаются. Жизнь центров с их суевой, нервозностью и вечной спешкой—ему непонятна и неприемлема. Ценой многих хлопот, усилий, трудов, ему, наконец, удалось срубить себе домишко на восточном берегу Южного Острова Новой Земли, на берегу Карского моря; снабдиться от Госторга двухлетним запасом продовольствия, приобрести десять штук ездовых собак, а главное взять опытного промышленника Василия Пырерко к себе в компаньоны.

Летков облегченно вздыхает—судно, наконец, скрывается за мысом, а с ним скрылись и все эти шумливые, безтолковые люди—масса ненужных и неинтересных человеческих пятен.

— Ну, Василий, одни теперь с тобой будем на целый год!—говорит Летков, хлопая Пырерко по плечу.

Под „братским“ прикосновением длани Леткова, самоед приседает, но, радостно осклабившись, лопочет:

— Ой бяда, Семеныч, какой рука-то у тебя тяжелой, да крепкой! Вот ужо промышлять с тобой добро станем—сильной ты! А руссак то плохой весь ушел пароходом,—заканчивает Пырерко свою мысль.

— Да, ведь, чортушка ты такой! ведь я тоже руссак — возражает Летков.

— Какой ты руссак? ты так самой настоящий самодин! кровь пьешь, мясо сырой, рыбу ешь. Собакам ладно (хорошо) правишь, винтовкой совсем ладно стреляш! Какой ты уж руссак? Вот со мной самодином стал вместиж жить, всё добывать (промышлять) и наживать вместиж станём—нет, ты, Семеныч, наш уже теперь!—и самоед радостно хохочет.

Такое признание самоеда Леткову очень приятно. так как русские крайне скверно до сих пор относились к самоедам вообще. Пользуясь массовой безграмотностью безобидных и простодушных самоедов, русские купцы и спекулянты беззастенчиво обирали все продукты промысла и пушнины от самоедов, держа их вечно в долгах. У кого и где здесь, в стране безмолвной тундры,—самоед мог найти справедливость и суд? Волей и не волей он снова шел за продуктами первой необходимости к тем же кулакам.

— Ну. Василий! поздно и темно стало, пойдем-ка домой!

— Подём, подём Семёныч! жонка мой чай дома приготовил, обырдать (есть сырым мясо и рыбу), станем.

Пройдя шагов триста, они поднялись на небольшой песчаный холм, с разбросанными по нему каменными глыбами. Холм был окружен с трех сторон скалами и прикрыт от северных ветров. Собаки с радостным лаем и скулением высыпали на встречу своим хозяевам. Прыгали, толкались и старались лизнуть лицо.

— Ля, ля! (тише, смирно) притворно сердито закричал на собак Пырерко.—Ой, бяда! Ой, бяда! Серко, Лебедь, Ла!!

Около Леткова, потираясь о его ноги и тыкаясь холодным, влажным носом в его руку, идет Торос—лучшая собака во всей упряжке и свирепый медвежатник.

— Ну, ну, Торос! Пошел на место! А рука сама собой тянется погла-

Около печки возится самоедка Анна. Семка поглядывает на Леткова и отца.

дить и потрепать за ухом твердую и густую шерсть любимца. Собака изгибает хребет и ласково урчит.

Домашний уют.

Подшли к дому—небольшому деревянному строению из крепких лиственничных кряжей. Две комнаты, обширная кухня с громадной русской печью, и небольшая кладовка при доме. Рядом стоит обширный, деревянный сарай, где хранятся все запасы продовольствия, упряжь для собак, нарты (ездовые сани), сети, невода и другие промысловые снасти. Промышленники вошли в кухню и стали снимать с себя малицы. Около ярко топящейся печки возится с чайником и едой опрятная самоедка Анна, жена Василия. Маленький шестилетний Семка, сын Василия, еще непривыкший к Леткову, быстро ретируется за сарафан матери и оттуда поглядывает своими черными глазенками на Леткова и отца. По деревянным, вкусно пахнущим свежим деревом, стенам кухни развешаны мережи, пушальницы (сети для лова рыбы),

сыромятные ремни, винтовка Ремингтон и две русских трехлинейки. Симметрично расположены гарпуны и остроги. Простая, но яркая лампа освещает и медную посуду, поблескивающую на полках, и довольные лица обитателей.

Пырерко пьет девятый стакан и блаженно потеет целыми ручьями. Чай, как и водка, слабость самоеда. При еде вилок не признают, а взяв кусок сырого мяса в зубы, резким взмахом острого ножа снизу, из под губ, отрезают мясо и едят. Того и гляди губы и нос себе отрежут.

На „десерт“ Анна приносит из кладовки кости оленя. Они тут же разбиваются, а сырые мозги поедаются с громким чавканьем и наслаждением. Это самое вкусное блюдо на Новой Земле.

Семка, уничтожив четыре куска сахара, засыпает, блаженно улыбаясь. Мать уносит его в комнату.

— Ну, а теперь и спать пора!—И Летков, сняв малицу, пошел в свою комнату, так же неприхотливо убранныю, как и остальное помещение. Только на стенах висели дешевенькие масляные картины, стоял грубо сколоченный письменный стол, шкаф, умывальник, да много чучел птиц и зверей висело по стенам. За то над кроватью была развешена превосходная коллекция холодного и огнестрельного оружия—слабость Леткова.

Летков уже полуразделся, когда тихонько раскрылась дверь и в комнату вошел Василий. Он как-то неловко переминался и кряхтел.

— Тебе, Василий, что-нибудь нужно?—спросил Летков.

— Ты, Семеныч, парень-то ведь ишшо молодой да сильный!—начал самоед,—без бабы-то тебе плохо—ну, вот, так значит, я тебе Анну-то сейчас дам на ночь, добро ведь так будет?!

Изумлению Леткова не было границ.

— Да ты одурел, Василий, что-ли?!—закричал он на самоеда. И как тебе не стыдно? Идиот ты эдакий! пойми, что ты городишь.

Пырерко был очень напуган и смущен окриком Леткова.

— Не сердись, Николай Семеныч,—заговорил он, ведь у нас, самодей, обычай уж такой. Ежели мы с тобой так вот жить зачали, что все пополам, а у тебя баба нет. Анна-то ведь баба доброй, жирной! Откажешь, так она сердиться шибко будет—обычай у нас такой—уговаривал он Леткова.

Возмущенный, взбешенный Летков долго убеждал и ругал Пырерко за такое предложение. Наконец Василий ушел из комнаты, глубоко обиженный отказом Леткова.

Промысел на моржа.

Верстах в пяти от берега находились четыре небольших островка, где наши промышленники сколотили временную хибарку. Пролиты между островками были очень глубоки, и вот теперь там появилась масса белух, гнавшихся за рыбой. В проливах промышленники поставили специальные белушьи сетки—стоянки, на больших якорях. В течение двух недель хода белухи, Летков с Василием добыли до 25 штук громадных зверей, достигавших весом до 80 пудов. Для того, чтобы вытащить зверя на берег, пришлось там же, на островах, построить специальный деревянный ворот, с помощью которого с трудом только удалось вытащить белуху на более мелкое место, а снимать с нее сало и шкуру приходилось по колено в холодной воде. Сало и шкуры зверя перевозили к дому в большой лодке. В среднем с одной белухи добывали сала до 20-ти пудов, плюс шкура, из которой выделяется превосходный сыромятный ремень.

Промышляют белуху, главным образом, летом и осенью, когда бывает ее „ход“. В узких проливах и бухтах появляются сотни и тысячи этих зверей. Белуха гонит перед собой и истребляет громадные стаи рыбы. Ее можно сразу заметить по небольшому столбу воды и пара, которые она выбрасывает

Свирепая морда огромного моржа смотрит на самоеда маленькими, налитыми кровью глазами.

при вдыхании и выдыхании на поверхности воды, издавая звук—ухх! ухх! Тело ее было видно хорошо в воде. Промышляют белуху двояким способом.

Проследив направление хода стаи белух, выезжают на двух-трех лодках и перерезывают зверю путь, затем стреляют из винтовки спереди, сзади и сбоку зверя. Удара пули о воду белуха очень боится и, направляемая цепью пуль, бросается в сторону. Таким путем ее постепенно прижимают к берегу. Здесь ее бьют из винтовки самые лучшие стрелки, так как голову зверь высовывает из воды только на секунду. Стреляют белуху ниже большой жировой выпуклости на затылке. Жир белухи, перетопленный, довольно вкусен и может вполне идти на пищу человеку.

Другой способ промысла таков: загнав большое стадо белухи в узкий залив, устье этого залива перегородивают специальными белушьями сетями. Несколько лодок с промышленниками остаются около

этой стенки и не дают зверю прорваться обратно, стреляя в воду или в воде длинными шестами и веслами. Остальные промышленники бьют зверя в заливе из винтовок и гарпунами.

Однажды Пырерко поехал в лодке на острова за белушьями сетями.

Солнце ярко светило. Море ослепительно блестело и шумно взыхало водяной грудью. Василий блаженно потеет в лодке, механически вскидывает веслами. Тихо, тепло... Острова уже близко... Громадный столб воды, глухой рев и резкий удар о борт лодки... Самоед окаменел. Свирепая морда большущего моржа, не далее как в полуаршине, смотрит на самоеда маленькими, налитыми кровью глазами. Страшные бивни-клыки опираются на борт лодки. Смердящее дыхание зверя обдаёт Василия,

— Ой, бяда! Совсем пропал, мелькает мысль у самоеда, сейчас опрокинет лодку, да и меня потопит!

Тяжело тянутся гнетущие секунды. При малейшем движении морж перевернет лодку... Самоед замер.

Наконец, морж медленно снимает с борта клык и погружается в воду. Корма лодки высоко задирается в воздух—это морж нырнул и чешет спину о киль. Бешено работает Василий веслами. За лодкой пенится вода. До берега уже 80 или 100 шагов. Вдруг лодка со всего размаху останавливается. Слышен треск дерева и два клыка проламывают борт. Потоки холодной воды хлынули и залили лодченку. Быстро сбросив малицу, Пырерко поплыл к острову. Морж яростно бьет клыками разбитую лодку, вода кипит и покрывается пеной. Василий плывет, напрягая все силы. Ледяная вода сводит руки и ноги, и соленая, горьковатая, обильно попадает в рот.

Уже близко... Вдруг самоед чувствует толчек и прикосновение тела моржа. Ужас смерти придает ему силы и энергии. Еще несколько взмахов, и Пырерко, шатаясь, вылезает на камни берега, где и садится в изнеможении.

— Ой бяда, ой бяда! Совсем уж пропал было—шепчут побелевшие губы.

Высоко высунувшись из воды, на самоеда зло посматривает морж.

Василий тупо смотрит на него, и вдруг, подняв камень, со злобой бросает в голову зверя, осыпая моржа язвительными насмешками и бранью. Клянет и за разбитую лодку, за малицу, за собственный испуг, а главное за утопленную винтовку.

Зверь давно уже исчез, а Пырерко все еще беснуется на берегу, отводя душу в ругательствах. Наконец Василий забирается в хибарку и, разложив огонь в чугунной печурке, сушит свою одежду. Поздно вечером, увидав на берегу костер, разложенный Василием, Летков в большой лодке перевозит самоеда домой. Дома еще раз всласть и дружно проклинают моржа, слушая рассказ Василия.

Промысел на моржа самый опасный из всех видов морских про-

мыслов. Сам морж очень велик,—некоторые достигают до ста пудов веса,—очень подвижен и храбр в воде. Всего безопаснее, это добывать моржа на берегу или на льдах, где они отдыхают. Лежит он крепко и подходить можно смело. Стреляют его обычно из военной винтовки или штуцера. Убойные места у моржа—это височные кости и затылок. В остальных частях морж мало уязвим. Конечно, его можно ранить, и даже смертельно, но при его изумительной живучести и свирепости, из воды его достать очень опасно и трудно. Смертельно раненый морж как только увидит лодку, обязательно нырнет и бросится, чтобы перевернуть ее или ударить клыками. То и другое одинаково страшно и опасно, в особенности, если промышленник один. В этом случае только быстрый ход лодки, при ежеминутном изменении направления, может спасти промышленника от гибели. Хорошо, если можно ко льдине, на которой лежит морж, подойти незаметно, но если он увидал охотника и нырнул, то самое лучшее удирать, или моментально высадиться на ближайшую большую льдину, обязательно втащив лодку за собой, и, пользуясь моментом появления зверя на воде, стрелять. Зимой и летом убитый морж держится на воде очень короткое время, а затем тонет, так что нужно успеть его загарпунить.

Зимой, при промысле с припая, нужно смотреть в оба, опасаясь внезапного появления моржа. Ныряет он очень далеко. Кажется никого нет, как вдруг он выныривает около самой кромки льда, или рядом с лодкой. Конечно, „волков бояться—в лес не ходить“, но с моржом надо быть ой—ой как осторожным, ведь не даром его шкура почти в три раза стоит дороже медвежьей. Шкуру и сало моржа снимают и обрабатывают, как и другого черного зверя. Клыки с черепом тщательно препарируются и прилагаются к шкуре.

— Самая опасная скотина этот морж!—замечает Летков. Лучше

сразу дело иметь с тремя белыми медведями, чем с одним моржом на воде!

За дикими оленями.

Воспользовавшись в конце Сентября первым выпавшим снегом, охотники погрузили на нарты продовольствие дней на пять, запрягли всех десять собак и двинулись вглубь острова, в горы, за дикими оленями. Анне было оставлено две заряженных винтовки. Учить ее стрелять было не нужно, так как почти все самоедки прилично владеют огнестрельным оружием. Гром и протесты Семки, его плач и просьбы взять с собой на охоту—остались втуне, и промышленники еще долго слышали его вопли на пороге дома. Собаки весело и дружно тащили легкую поклажу и нарты по свежему снегу. Оба промышленника шли впереди нарт, решив не утомлять собак, так как предвиделся длинный путь и крутой подъем на гору. Темные мрачные горы и тундра покрыты снегом. Кое-где сиротливо торчали из-под снега кустики мха—ягеля, да рыжей Ново-Земельской травы. Кругом высилась горы и скалы, местами пересеченные равниной тундры, да речками и ручьями.

Вот, одна гора взвилась к небу своей острой вершиной и как-бы вызывает о помощи, под тяжестью соседней оплывшей громадины—горы, навалившейся на нее. Там, дальше, две горы как-бы столкнулись в стремительном беге, да так и застыли в своем тысячелетнем поединке.

Тихо кругом—тихо невообразимо! Словно присутствуешь на первозданном новом Мира—до того необычайна обстановка! Вблизи с вершины, по склону горы, срывается масса подтаявшего снега, с грохотом и глухим ворчаньем сползает вниз в ущелье. Долго еще осыпаются камни и земля, нарушая жуткую, почти мистическую тишину, и снова безмолвие тысячелетий. Безмолвие пустыни прерывается лишь шумным дыханием собак, да резким зву-

ком от трения железных шин полозьев нарт о камни.

Отошли от дома уже верст на двадцать и поднялись на последнюю высокую гору. Отдыхают. Собаки, раскрыв пасти и вывалив языки, растянулись на снегу, тяжело поводя боками. Между пальцами лап сырой снег скатался и обратился в льдинки, которые собаки старательно выкусывают. От псов валит пар. На горизонте видна черная полоска моря. Отдохнув минут десять и покурив, тронулись далее, по сплошному вечному снеговому плато горного хребта. Пырерко уверенно идет впереди и показывает путь. Прошли еще верст шесть.

Пырерко тихонько говорит:

— Не кури! вон видишь горка-то, там большой долина будет, олени верно есть—след свежий видел я.

Закрепив тщательно собак стальной цепочкой общего хомутика к камням и дав им корму, промышленники осторожно, на животе, ползут по снегу к намеченному холмику, таща за собой винтовку. Добравшись до камней, Летков вынимает двенадцатикратный бинокль Цейса, осторожно поднимает голову и начинает осматривать долину, лежащую у его ног.

— Семеныч, возбужденно шепчет Пырерко, вона, маленько левее озера смотри, видать оленей два стоят!

Зоркие глаза самоеда без всякого Цейса уже увидели дикарей.

Летков пристально всматривается. Два грациозных оленя стоят на небольшом возвышении и посматривают по сторонам, остальные олени бродят ниже и, опустив ветвистые рога, загребают копытами снег и щиплют мох.

— Василий, двадцать семь дикарей тут ходит, вот добро-то!—шепчет Летков.

— Ой бяда! сать саво (очень хорошо), ладно-же мы попали,—шепчет Пырерко.

Часа полтора прошло, пока Леткову удалось доползти до намеченного холма, отстоявшего тысячи на два шагов от оленей. Сердце бурно билось в груди и дыхание преры-

валось от трудного пути. Каждый неосторожный шаг, движение, или сорвавшийся из-под ноги камень, могли испугнуть дикарей. Едкий пот обильно струится по лбу и щекам, попадая в глаза. Осторожно, положив маузер на камни, Летков осматривает поле действия в бинокль. Олени все так же мирно продолжают щипать мох, передвинувшись немного на юг.

После тщательного наблюдения Летков рассмотрел какую-то серую массу в камнях, совсем вблизи от оленей.

— Ну и Василий! вот молодчина! поди шагов на двести подобрался... В этот момент один из оленей-сторожей делает громадный прыжок и падает на землю. Один есть!—мелькает у Леткова и вместе с тем до него докатывается звук выстрела. Все олени быстро—быстро несутся на Пырерко, пытаюсь уйти из долины через южный проход. Почти одновременно раскатываются еще два выстрела, гулкое эхо звенит в горах. Результатов выстрелов Летков уже не видит, все его внимание поглощено дикарями. От двух последних выстрелов Пырерко, олени резко поворачивают и бешено мчатся к Леткову. Заломив ветвистые рога на спину и вытянувшись в воздухе в нитку, впереди несется, очевидно, вожак.

Рано еще, далеко... соображает Летков, беря вожака на мушку.... Поди шагов тысячу еще есть! Звучит еще один выстрел, посланный Василием вдогонку. Летков весь живет в правом глазе и черной мушке, неумолимо идущей за оленем:

Вдруг олень вожак, а за ним и все стадо, резко поворачивают, сильными бросками начиная подниматься в гору, где оставлены собаки. Эх ты, черти!... Учужали,—мелькает у Леткова и он уверенно нажимает на собачку.

Ррраз! резко отрывает маузер, и вожак, перекувырнувшись через голову, остается на месте. Быстро, быстро посылается новый патрон в казенник, а пустой вылетает, с силой ударившись о камень.

Бббах! Бббах! Бббах!—рывает маузер. Олени уже поднялись на гору. Еще один... последний... и Летков лихорадочно схватывает на прицел последнюю рогатую фигуру..... Бббах!

С горы несется дружное и свирепое завывание упряжки. Очевидно, олени выперли прямо на собак.

— Ну, теперь будет каша—говорит Летков вслух, отирая пот, и спешит спуститься вниз, в долину, где сходится с Василием.

— Семеныч! бязим к собакам, а то бяда, оторвутся да пойдут за оленями!—кричит Пырерко и оба снова бегут и карабкаются в гору. Миновали мертвого вожака, вот еще лежит олень и судорожно бьет ногами—не до него теперь. Вой псов переходит в неистовый звериный рев и вдруг сразу затихает. От сильного напряжения и подъема на гору не хватает дыхания, в глазах идут красные и зеленые полосы..... еще немного... еще... поднялись. Собак на прежнем месте нет.

— Эка бяда, пропали теперь мы, как без собак-то будем—еле-еле выговаривает Василий.

— Молчи!... Слушай — прерывает Летков.

Где-то далеко слышится повизгивание и ворчанье. Промышленники бегут туда. В середине большой кучи камней и скал лежат кверху полозьями нарты, все из них вывалилось и разсыпалось по снегу. Вся куча собак темным пятном ворчит и копошится над чем-то.

— Ну, еще хорошо окончилось! на бегу кричит Летков. Видишь, дикаря схватили!—Собаки, в упряжке, рвут и пожирают оленя вместе со шкурой, шерстью. Внутренности дикаря разорваны. Среди крови и кишек хозяйничает Торос, весь вымазавшийся в крови. Остальные псы усердствуют по соседству.

— Ой бяда, бяда. Ля! Ля!—кричит Пырерко и оттаскивает собак от оленя. Соединенными усилиями удаётся кое-как водворить порядок и оттащить рвущихся к оленю собак.

— Ой какой собака-то сильной! Прямо звери ведь. Нигде Новой

Собаки рвут и пожирают оленя вместе со шкурой, шерстью.

Земля такой собака нет, как у нас, Семеныч,—пыхтит Василий. Попорченного оленя тщательно свежуют и кормят собак до отвала.

Полярные сумерки быстро падают на покрытую снегом землю.

— Давай, сами станём обырдать маленько, да спать, завтра уже оленей всех собирать будем сегодня не пойдем—предлагает Василий Леткову.

Кое-как установили и направили примус. Вскипятили чайник. Плотно подкрепляются сырой оленьиной, обмакивая ее в собранную кровь. Василий с наслаждением поедает желудок оленя с полупереваренной пищей—это самое лакомое блюдо у самоедов. Летков сосредоточенно трудится над лопаткой. На крепкие зубы ему вдруг попадает пуля.

— Вишь—ты, дьявол! чуть всю челюсть не своротил!—Они ведь, Василий, схватили моего последнего, сильно раненого оленя.

Псы сытые и довольные, свернувшись клубочком и уткнув носы в пушистые хвосты—спят, влаивая во сне.

В последнее время дикого оленя на Новой Земле вообще стало очень мало. Олень зимой питается мхом, а летом ест охотно траву. Чтобы добыть мох, олень должен разгрести снег ногами, и если ударит гололед, то, разбивая лед копытами,

он повреждает себе ноги, и от этого гибнет, лишенный возможности добывать себе в дальнейшем корм. От гололедов, покрывающих зимою прибрежную полосу земли, олень уходит вглубь острова, летом-же, наоборот, в глубине гор или тундры его начинает беспокоить мошкара, имеющая склонность отлагать в носу у оленя свои яички, и он вынужден выходить на холод, к берегам моря, снегам или ледникам. Теплая зимняя и густая шерсть летом у оленя вылезает клочьями и выпадает. На смену ей вырастает новая, темная. Рога, такие ветвистые и красивые зимой, летом у него тоже падают, вырастают новые, маленькие, покрытые нежной кожей. Самоеды очень любят также... летние рога оленя. Уверяют, что тоже: „Ой бяда, какой сладкой!“ Мясо летнего оленя далеко не так вкусно, как зимнего, особенно осеннего. Год от году „дикаря“ становится все меньше из-за неистового истребления. Так годов сорок назад, оленей на Новой Земле были тысячные стада. Самоеды их беспощадно и неразумно истребляли. Старики рассказывают: „Ой шибко много было же оленя! Собак оленями кормили даже. Шкуры не успевали домой вывозить с тундры. Там зря и гнили. Вот сколько много было!“ Конечно, благодаря такому нера-

зумному истреблению, а также по причине гололедов, олени сильно поредели. Чтобы остановить их окончательное истребление, необходимо запретить охоту на оленей на десять-пятнадцать лет.

Напившись чаю и поевши, промышленники надели сверху малиц совики (верхняя меховая одежда мехом наружу) и, окружив себя собаками, улеглись спать.

Туман клубится над вершинами гор. Поднимается легкий ветерок, снег крупными хлопьями покрывает, как саваном, спящих людей и собак.

Беседа с богом.

Утром Летков был разбужен возней и ворчаньем собак. Отряхнув с малицы и совика снег, вытер лицо снегом, заметил отсутствие Василия.

— Наверное за оленями ушел— подумал Летков.

Между тем Пырерко недалеке, забив деревянный колышек в землю, вымазал его кровью и салом, ходил около него и бормотал:

— Сядай (так самоеды зовут своих идолов), ты хорошо вчера делал нам! Дикаря добыли! мясо теперь станем обырдать — ладно!! Целой зиму мясо станем есть. Ой, совсем хорошо! Ты хорошей, Сядай. Василий Пырерко тебя шибко любит. Всегда так нам делай—мясо тебе ишшо даём! Если, стерво, омманывать будешь, промысла давать не станё, кряду бить палкой тебя стану крепко, а потом другой Сядай сделаю—тебе ничего уж жрать не будет!

Покончив свои несложные отношения и счеты с „божеством“, Василий вернулся к Леткову.

— Ты, Василий, оленей ходил смотреть?—спросил Летков.

— Пошто? олени ведь мертвой! я с богом ходил говорил, поди и ты говори ласково с Сядаем, тогда нам уж обоим всегда хорошо будет!—уговаривал Пырерко Леткова.

Много усилий стоило Леткову, чтобы не расхохотаться, глядя на „бога“ и слушая объяснения Василия.

С помощью чуткого Тороса всех убитых оленей быстро разыскали. Семь туш тщательно освежевали, мясо погрузили на нарты, хорошо закрепив ремнями. Тридцатипудовый воз отдохнувшие собаки легко тащили по старому следу нарт домой.

Нашествие белого медведя.

Ночью усталые промышленники подъехали к дому. Здесь их ждал сюрприз. Шагах в пятидесяти от крыльца лежал убитый громадный белый медведь. Собак пришлось посадить на ночь на цепи, чтобы они не испортили шкуру зверя. Анна рассказала, как был убит ошкуй.

— Я стирала белье в кухне, а Семка катался на дворе на нарточках, которые ты, Николай Семеныч, ему сделал, ладно, вдруг Семка бежит и кричит:

— Мамка! давай-ко дядину длинну винтовку! ко мне ошкуй в гости пришел!

— Ты чего, Семка, дуришь? поди на двор, да не мешай тут—говорю.

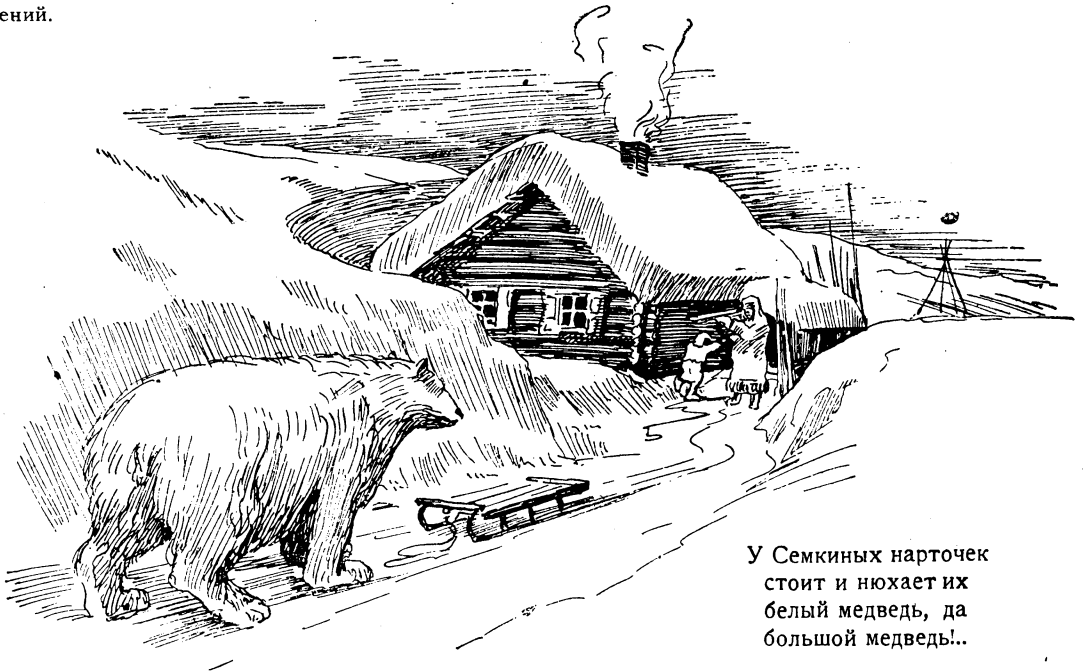
— Верно, Мамка, ошкуй пришел! да вот, гляди, он стоит!

Растворила я маленько дверь-то, гляжу... верно! у Семкиных нарточек стоит и нюхает их ошкуй, да большой ошкуй! А Семка все орет:

— Давай ружье—самтрелять буду!

— Замолчи ты, говорю, еретик, (самоедское ругательство), ведь ошкуй то нас обоих сожрет! Самахватила ремингтон, прицелилась хорошенько, пальнула... Ошкуй заревел да к дверям ближе пошел,—плохо, видно, попала. А Семка уж другу винтовку тащит. Ну, второй-то раз как пальнула, ошкуй и пал. Ище, поди, с час времени все хрипел да лапами ворочал, потом сдох. А меня такой страх забрал—прямо бядя! в комнату заперлась, да боюсь выдти, дрожжу.... вдруг слышу... ббух! опять кто то из винтовки. Ну, думаю, вы оба пришли. Выбежала в кухню, а тут Семка стоит, винтовку то бросил на пол, да за щеку держится.... орет!...

— Что ты, окаянный, сделал? говорю.

У Семкиных нарточек
стоит и нюхает их
белый медведь, да
большой медведь!..

— Да я, мамка, тоже в ошкуя стрелял, да видно не попал, пуля то мне в..... рот попала...ревет слезами! Эка, думаю, бяда то! Раскрыла рот охотнику, а у него двух зубов нет. Как пальнул он, а винтовка то отдала и выбила два зуба, а пуля то вишь в потолок пошла! Вот еретик-то! Смотри за ним, да смотри!

— Семка, да ты молодец прямо! Ведь, поди ты и винтовки то не мог поднять? Как же ты в ошкуя то стрелял? спрашивает Летков.

— Да я, дядя, винтовку то на стул поднял, да так... тянет Семка.

— Ну ладно! хорошо хоть в потолок то еще попал... а промышленник из тебя будет лихой, страху в тебе нет, а ведь это главное. Винтовку больше в руки, смотри, не бери, а то батька ремнем поучит— журил Семку Летков.

Когда Анна вышла за чем-то в кладовку, Василий шептал Леткову:

— А ладной да храброй у меня баба то, ошкуя сама убила! — и с гордостью поглядывал на жену и сына.

Зимовка.—Приключение с морским зайцем.

В первых числах Ноября задул с моря первый зимний шторм со снегом и морозом до 12-ти градусов Реомюра и продолжался подряд

четверо суток. Работать на дворе не было возможности. Чтобы собаки не страдали от шторма, их перевели на чердак, где они чувствовали себя великолепно. Кухня превратилась в столярную мастерскую. Летков с Пырерко делали немудрую мебель для дома, а также смастерили легонькую парусиновую лодочку, всего весом в двадцать семь фунтов, для зимнего промысла на тюленей. После шторма наступила тихая и ясная погода. На дворе зима. Речка и озера стали. Черных пятен земли уже не видно из под снегов. Около дома и сарая навалило большие снежные сугробы. Вдоль берега моря образовался лед—припай, шириною сажени в две, тянувшийся вдоль берегов всего залива. На снегу масса песцовых следов; собаки бегают по этим следам, радостно визжа и валяясь на свежем снегу. Летков с Пырерко отправились заряжать и направлять капканы и пасники. Разделив собак по пять штук в упряжку, в нарты нагрузили медвежьего мяса для привады, и отправились каждый по своим ловушкам. С моря все чаще напирала Карские матерые льды. Белыми призраками они неслись с моря, призраками самых причудливых форм и очертаний. С глухим шумом, трением и звоном, тесни-

Семка положил винтовку на стул и выстрелил в белого медведя.

лись и ползли на берег зеленовато-голубые льдины, усеивая своими трупами широкую полосу прибрежного песка и нагромождая хаотические здания и дворцы из кусков и глыб прозрачного льда.

Со льдами пришел и морской зверь: морской заяц, тюлень, морж и белый медведь.

В тихий морозный день, с трудом переправив лодки на нартах через груды ропаков и торосьев, Летков и Василий очутились на гладком припае, о который разбивались волны моря. Собак в упряжке и нартах закрепили за рапак на припае, а сами, усевшись в лодки, поплыли вдоль льда. Нерпа „выставала“ почти рядом с лодками. Поверхность воды раступалась и оттуда высывалась удивленная голова зверя. Охотник не спеша вскидывал винтовку.... Ббах! и тюлень, слегка дернувшись, переворачивался сверху брюхом и плавал на воде, заливая все кругом густой алой кровью. Охотники подъезжали к нему на лодке и, взяв на буксир убитого зверя, привозили к припаю. Здесь с него сдиралась шкура с салом, имевшим толщину до двух дюймов. Таким путем промышленники добыли уже до тридцати штук тюле-

ней, когда около лодочки Пырерко вынырнул громадный морской заяц. Василий быстро прицелился и выстрелил. Пуля попала зверю в горло, тяжело раненый заяц заметался по воде, барахтась в собственной крови. Пырерко подплыл к раненому и нырявшему зверю возможно ближе и всадил в зайца гарпун, к которому был привязан длинный сыромятный ремень, до пятидесяти сажень длиной.

Заяц, получив удар гарпуна, высоко выпрыгнул из воды и затем глубоко нырнул, увлекая за собой гарпун. Ремень в лодке Василия бешено раскручивался и уходил в воду; вдруг самоед заметил, что витки ремня обвились вокруг его ноги. Быстро попытался он сбросить ремень, но в ту же секунду ремень натянулся, как струна. Сильный толчок — и Василий, перевернувшись вместе с лодкой, почувствовал, что предательский ремень увлекает его вглубь ледяной зеленовато-голубой воды. Ледков греб изо всех сил, спеша к месту катастрофы. Ледяная, страшно холодная вода, приняла самоеда в свои цепкие объятия... воздуха не хватало... последним усилием Василий вытащил нож и перерезал ремень. В почти безчувственном состоянии вынырнул он на поверхность и услышал громкий выстрел — то Летков добил вынырнувшего зайца.

В следующий момент сильная рука Леткова ухватила самоеда за капюшон малицы и приподняла над водой. Лодка Леткова была мала и двух человек не поднимала, поэтому Василию пришлось добраться до припая на буксире, как нерпе. Онемевшие руки и ноги не действовали и были сведены судорогой. Посиневший рот пытался что-то сказать и не мог. Уложив Пырерко на нарты, Летков во всю прыть погнал собак домой. Одежда Василия быстро обледенела, он превращался в ледяную статую, тогда Летков растолкал его и заставил бежать за нартами. С трудом передвигая ногами, падая и снова поднимаясь, Василий бежал, бежал... Ледяная, полузамерзшая фигура, среди леса из ропаков и льда...

Раненый морской заяц
потянул за собой
самоёда. Василий
перевернулся вместе
с лодкой...

Наконец — дома. Сдав мужа на руки Анне, Летков вскочил на нарты и помчался обратно на припай. С громадным трудом Леткову удалось вытащить на лед перевернутую лодку Пырерко и подтащить к припаю убитого зайца. Зверя пришлось снимать в воде, так как одному двадцатипудовую тушу нечего было и думать пытаться вытащить на лед. Работать голыми руками зимою, в морской воде, очень не весело. Руки стынут, суставы ломит от холода. Только ночью Леткову удалось перевезти все добытое к дому. В это время Василий, оттертый женой сперва снегом, а затем чистым спиртом (что греха таить — хорошую дозу спирта он „втер“ и внутрь) и укрытый шкурами, спал сном праведника. На другой день Пырерко встал как встрепанный, никаких последствий вчерашнего ледяного купания он не чувствовал. Добытого зверя промышленники закопали глубоко в снег, чтобы уже летом, когда снег растает, очистить со шкур тюленьё сало и погрузить его в бочки.

Полярная ночь и Северное Сияние.

В половине Ноября наступила полярная ночь, продолжающаяся здесь до середины Февраля. Солнце со-

вершенно не показывалось. На дворе было светло не более двух часов, впрочем и днем на небе были видны звезды. В доме круглые сутки горят лампы. Наступили сильные, до сорока градусов, морозы. Снег, плотно утрамбованный бешеными штормами и сильным морозом, смерзся, как лед. Речка промерзла насквозь, до дна. Чтобы натопить из снега воды, самый снег приходилось пилить пилой — до такой степени он был тверд.

Вечером и по ночам высоко в небе играло Северное сияние. Сначала в редких тучах зарождается расплывчатое светлое пятно; от него, как бы нащупывая дорогу среди облаков, белесоватые полосы. Они постепенно принимают форму лент, поставленных в воздухе ребром. Ленты в поперечнике окрашены в зеленый, красный, фиолетовый и другие цвета. Все эти цвета в ленте быстро изменяются, заменяя место друг друга, перебегают с одного конца ленты на другой. Фантастическая, светящаяся лента изгибается как живая, принимает правильную форму полукруга, замыкается в круг. По бокам ее и внутри круга создается еще несколько лент. Все это живет, трепещет и буквально как-бы дышет красками и переливами.

При Северном сиянии на дворе было светло — свободно можно было читать мелкую печать.

В лунные, ясные ночи, жутко смотреть на покрытую снегами и льдом землю. Всюду бело и мертво кругом! Миллиарды снежинок иск-

рятся в мертвенном свете луны. Тишина тысячелетий и мертвящей полярной пустыни изредка нарушается гулкими ударами колющегося от мороза льда на заливе. Высятся белые призраки и изломы торосьев и рапаков на берегу. Тишина.... Скрип снега под ногой слышен за две версты. Собаки, удрученные непривычной обстановкой, по ночам долго и страшно завывают, подняв свои острые морды к луне. Жуткий хорал!

Полярная мышь—пеструшка почти исчезла, очевидно, ушла в места, более богатые пищей—мхом и травой. Голодный песец в такие ночи усиленно рыщет в поисках пищи и в изобилии попадает в ловушки промышленников. Сейчас песец совершенно вылинял и у него чистая белая и длинная шерсть. На сорок пасников Леткова ежедневно приходится по пять-шесть песцов, тогда как в железные капканы Пырерко попадает не более двух-трех песцов. Очевидно, зверь, хотя и голодный, все же чует и боится предательского железа капканов. Случается, что старый опытный песец, попав лапой в железный капкан, сам отгрызает ту часть лапы, которая ущемлена капканом, и во свояси убегает на трех лапах. В этих случаях Василий страшно ругается, кляня на чем свет стоит хитрого зверька.

Белые медведи. — Их повадки. — Охота.

Однажды, уже в Январе месяце, Летков отправился осматривать пасники. На последних ловушках он увидел на снегу громадные следы белого медведя.

— Ну, пропали песцы и пасники, все медведь разворотил! — думал Летков.

Собаки, почуяв медведя, бешено рвались по следу и не слушали сидока. Наконец, увидел Летков и самого медведя, да еще не одного, а двух. Зверь, разметав пасник, вытащил оттуда песца и пожирал его. Другой медведь крутился около, сердито рыча. Металлические части вин-

товки на страшном морозе жгут руки, на коже остается белый след, словно от ожога. Надо торопиться, так как свободный медведь неуклюжим галопом, высоко подкидывая задом, бежит прямо на упряжку. Собаки ожесточенно воют и рвутся к зверю. Стрелять приходится прямо с ходу, с нарт. Выстрел.... Зверь валится, расгребая снег сильными лапами. Рычит и пытается еще подняться. Летков с трудом, на бегу, переворачивает нарты кверху полозьями и, воткнув в снег хорей (длинный деревянный шест для управления собаками при езде) останавливает остервенившихся псов. В это время другой медведь вскакивает, и, тяжело переваливаясь, подбегает к сраженному товарищу и начинает его обнюхивать. Все это происходит не далее, как в двадцати шагах от Леткова. Лихорадочно промышленник выбрасывает гильзу и вдруг: резкий звук и стальная хрупкая пластинка экстрактора маузера — ломается. Пальцы рук от холода побелели и плохо повинуются. Кое-как обломки экстрактора вынуты и послан новый патрон. Летков тщательно прицеливается в голову медведя.

— Если сейчас промахнусь, и раню его смертельно, то зверь бросится на меня, а экстрактор сломан и следовательно нового патрона долго не вложить, да и где тут?.. Ведь всего двадцать шагов! В момент медведь сомнет... Все эти мысли быстро, быстро мелькают в голове охотника.

Трак, трак... осечка!..

Медведь поднимает голову и делает движение в сторону охотника. Примолкнувшие было собаки бешеным взрывом воя встречают зверя. Быстрым и уверенным ударом ножа Летков обрезает постромки Тороса и Льдинки. Момент, и псы дружно атакуют зверя. Озадаченный медведь садится на задние лапы, тщетно размахивая передними, стараясь захватить увертливых псов. Снова онемевшими, негнушимися пальцами Летков взводит ударник маузера и прицеливается. Гулко раскатывается

выстрел и медведь, взревев в последний раз, бьется в конвульсиях на снегу. Его белоснежную шкуру окрашивает обильная струя крови, фонтаном хлещущая из раны в голове. Летков крепко бьет окаменевшими руками о нарты, чтобы восстановить кровообращение, затем растирает руки снегом. Поднимает по очереди Тороса и Лыдинку и целует прямо в морду, уже запачканную в медвежьей крови.

— Ну, дьяволы, спасли! а то-бы капут!—говорит он собакам.

Несколько часов работы,—и шкуры аккуратно свернуты и погружены на нарты, вместе с медвежьими окороками. Остальное мясо медведя разрублено на куски,—пригодится для привады на песцов и на корм собакам. Незаметно промелькнул обратный путь до дому, где Леткова ждал уже несколько встревоженный Пырерко.

— Что, Николай Семеныч, долго?

— Да, вот, с двумя ошкуями занимался, ну и подзадержался—отвечает Летков.

Уже дома Пырерко случайно осматривает поврежденную винтовку Леткова и крутит головой.

— Ой, бяда, мало, поди, ошкуй тебя не задавил?—спришивает он Леткова.

— Да, было маленько, весело отвечает Летков.

Больше об этом не говорят, так как своеобразная охотничья этика Севера строго воспрещает распрашивать или распространяться об эпизодах и геройстве охотника.

До Февраля месяца было убито еще двадцать семь медведей. Одного Пырерко убил около самого дома, рано утром, когда голодный зверь энергично раскапывал сугроб, где была свалена добытая нерпа.

Интересны нравы и повадки Властелина Полярного Круга—белого медведя.

Когда осенью к берегам начинает прижимать Карские льды, то вслед за черным зверем на льдах приплывает и белый медведь. Он часто выходит на сушу и бредет вдоль берега около воды, а иногда забирается и вглубь острова, верст на тридцать, на сорок. Жрет он положительно все. Не брезгует даже такой мелочью, как полярная мышь. Случалось находить в желудке очень отощавшего медведя даже мелкие кусочки плавника и водорослей.

Если промышленник нашел свежий след медведя на берегу, то берет одного или двух медвежатников и идет по следу, стараясь, чтобы медведь не увидал,

Псы дружно атаковали зверя...

или не почуял его раньше времени. Необходимо медведя сначала отрезать от воды и льдов, так как при малейшей опасности зверь бросается в воду и вплавь спасается в ближайшие пловучие льды. Уверившись, что медведь отрезан от воды (например свернул на тундру), можно по следу пустить медвежатников.

Дрессированные медвежатники настаивают мишку и рвут его за заднюю часть тела. Медведь садится на задние лапы, обороняется передними от собак, стараясь своими крючковатыми когтями достать юрких псов. При этом он еще пытается тихонько продвигаться к воде, но опытный медвежатник ни за что не даст уйти зверю в воду, хотя бы до нее и было всего тридцать шагов.

Охотнику остается подойти к медведю на возможно близкую дистанцию и свалить зверя, но обязательно с одного выстрела, а иначе сильно раненый зверь не обращает больше внимания на собак, прорывается к воде и уходит. Главное не надо волноваться при виде беснующегося медведя.

Охота на медведя с медвежатником почти совершенно безопасна. Из ста случаев бывает два—три, когда голодный медведь, не обращая внимания на собак, бросается на охотника.

Зимой, когда бывает припай и открытая вода, медведь идет вдоль припая, между торосьями и рапакками, охотясь на тюленей. Действует хитро и осторожно. Заметив, например, на льду, около отдушины, нерпу, медведь тихо, тихо, ползком, подкрадывается к ней, прикрывая свой черный нос передними лапами. Подкравшись шагов на двадцать, — он ревет, что есть мочи, и кидается на ошалелую от ужаса и неожиданности нерпу. Один удар лапы и еще трепещущая нерпа пожирается, а сам мишка обязательно ревет и урчит, посматривая изподлобья по сторонам. Если же нерпа все-таки успевает нырнуть в отдушину, или же медведь просто найдет свежий

„продух“ (отдушину или дыру во льду, которую себе нерпа просверливает когтями), то в том и другом случае медведь долгими часами лежит не шевелясь рядом, не сводя глаз с поверхности воды. Стоит нерпе хоть на секунду вынырнуть, в следующий момент когтистая и цепкая лапка миши ловко выбрасывает тюленя на лед, где он и исчезает в объемистых внутренностях медведя.

Медведь силен и ловок. Охотникам приходилось наблюдать, как громадного моржа медведь убил и тащил по льду. Если морж, заяц, или нерпа лежат на краю припая, близко от воды и их заметит медведь—то тюленю спасенья нет! Медведь опускается в воду и, маневрируя среди плавающих льдин, плывет к спящему зверю. Если расстояние, отделяющее медведя от намеченной добычи, еще велико, и не может быть покрыто в один нырок, то мишка выбирает небольшую льдинку и направляет ее перед собою, подталкивая носом, по направлению к добыче; достаточно близко подплыв, с ревом, в один миг, выбрасывается медведь из воды на лед и насыдает на жертву. Даже стопудовый морж не может ничего сделать медведю на льду.

Если охотник найдет свежий след медведя на льду, вдали от воды, то спущенные медвежатники очень быстро разыщут и задержат медведя. Тогда прикончить его не трудно. Дело обстоит хуже, если медведь идет вдоль самой кромки воды. Тогда приходится его далеко объезжать и, засев на пути следования, не спускать медвежатников, а ждать самого мишку.

Бывает и так, что медведь замечен на совершенно гладком громадном поле льда. Охотник один, без собак. Тогда промышленник ложится на лед и начинает подражать всем движениям нерпы: приподнимает голову, слегка задирает вверх ноги, и проч. Зачастую медведь попадает на удочку и идет к „нерпе“, пока верный выстрел не положит конец этой игре.

Мишка, чтобы обмануть тюленя, плывет, подталкивая носом небольшую льдинку и прячется за ней.

Хорошо на высоких рапаках, или выдающихся в море мысах, оставлять несколько штук туш зверей с салом. Медведь, почуяв добычу, будет туда ходить и есть приваду. Обычно поевши, он уходит в торо-сы или скалы берега, невдалеке от места последней трапезы, и спит целый день, чтобы ночью снова прийти на даровое угощение, где его может ждать охотник. Этот способ охоты широко практикуется на Новой Земле.

Если охотник встречает медведицу с медвежонком, то торопиться стрелять не надо, так как маленький бежит тихо и медведица его никогда не бросит, все время идет сзади малыша, подталкивая и направляя его вперед. Обязательно сначала бьют медведицу, а медвежонок от убитой матери не уйдет никуда. Плохо дело, если сначала случится как будто зацепить медвежонка. Тогда медведица бросается прямо на человека, не обращая внимания ни на собак, ни на свои раны.

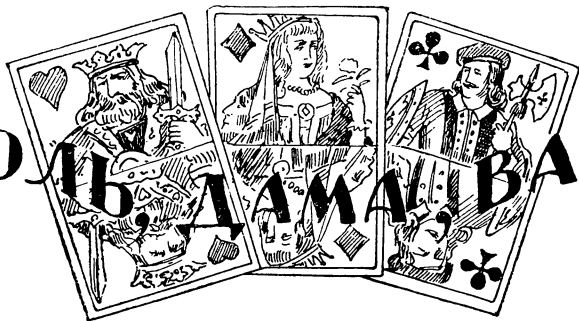
Хорошо также добывать медведя на берлоге. Обычно, так в Январе месяце, выбрав хорошее ущелье или обрыв берега, с большим забоем снега, медведица делает в снегу яму—берлогу, и ложится туда одна, чаще с молодым медведем—„лончаком“. Лежит в берлоге до се-

редины Апреля. Рожает двух медвежат в конце Февраля—Марте месяце. Найти берлогу очень просто. Для этого нужно ехать вдоль берега по льду, обязательно спустив медвежатников. По маленькому, окуржевавшему отверстию и по пару, выходящему из него, псы находят берлогу, но не лают, а только сердито урчат и расширяют лапами отверстие. Крепко закрепив к чемунибудь собак и взяв на изготовку винтовку, с хореем в руках, охотник подходит к берлоге. Осторожно расширяет хореем отверстие, но это делает очень осторожно, так как можно самому провалиться в берлогу, или же, в редких случаях, сама медведица пытается выбраться на волю. Через отверстие охотник бьет сначала медведицу, а затем лончака.

Медвежат обычно привозят домой живьем. Дома шкуру медведя тщательно очищают от сала и растягивают, раскалывая на стены здания. Сильные ветра и снег очищают со шкуры остатки сала. Череп тщательно препарируется и прилагается к шкуре. Если мех очень запачкан кровью и жиром, то его моют горячей водой с мылом, а затем шкуру сушат. От действия воздуха, снега, дождя и ветра шкура делается вообще чище и никогда не портится:

Окончание в следующем номере.

КОРОЛЬ, ДАМА И ВАЛЕТ.

Неопубликованная детская
сказка АНДЕРСЕНА.

с датского пер. Н. КОЧКАРЕВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Воспроизводимая нами здесь сказка знаменитого Андерсена не вошла в полное собрание его сочинений. Она была открыта недавно в Коллиновской коллекции автографов. Дата ее может быть точно установлена: это 1868-й год, когда Андерсен вернулся в Данию после лечения в Эмсе. Неизданной сказка эта осталась потому, что, когда Андерсен прочел ее своему издателю Гедту, тот саркастически воскликнул: „Но, Андерсен, вы ведь написали совсем революционную сказку—ведь вы там всех королей пережгли“. Робкий по натуре Андерсен, побоявшийся быть заподозренным в своей лояльности, оставил поэтому сказку лежать под спудом.

Какие славные вещи можно вырезать и склеивать из бумаги. Так, например, у маленького Вилльяма был замок, такой большой, что занимал собою целый стол. Он был раскрашен так, что казалось, словно построен он из красного камня, с сияющей медной крышей. Башни были тут, и подъемный мост, а в рвах вода, в которую можно было глядеться, словно в игрушечное зеркальце — ведь она и была, на самом-то деле, сделана из игрушечного зеркала. На самой высокой башне стоял страж, и у него была труба, чтобы трубить о приезжающих, но он не трубил.

Маленький мальчик сам подымал и опускал мост, и заставлял маршировать через него оловянных солдат, подымал затем ворота замка

и заглядывал в большой рыцарский зал, где на стенах висели в рамках большие портреты, взятые прямо из колоды карт; карточные фигуры всех четырех мастей: черви, бубны, трефы и пики, короли с коронами и скипетрами, дамы с вуалями на плечах и цветком в руке, валеты с аллебардами и развевающимися перьями.

В один прекрасный вечер маленький мальчик лежал на столе и заглядывал сквозь приоткрытые ворота замка в большой

Замок занимал целый стол.

внутренний зал, где карточные фигуры на стенах висели, ну совсем как древние портреты в настоящих рыцарских залах. И покажись ему, что короли приветственно замахали своими скипетрами, пиковая дама прижала к груди золотой тюльпан, который она держала в своей руке, а червонная дама подняла свой веер. Все четыре дамы подали знак, что они его узнали. Он подвинулся еще ближе, чтобы лучше было видно, но при этом так хвятился головой о замок, что тот дрогнул.

Тогда все четыре валета—червей, бубен, треф и пик, протянули свои аллебарды, чтобы предостеречь его от попытки совсем влезть в замок—он был, ведь, слишком велик для этого.

И маленький мальчик важно кивнул головой, потом кивнул еще раз и произнес:

— Скажите что-нибудь!

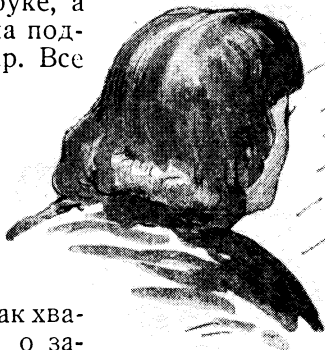
Но карточные фигуры не проронили ни словечка. Когда он в третий раз отвесил поклон червонному валету, тот соскочил с карты, которая осталась висеть на стене белым куском, словно простыня какая-нибудь. Червонный валет остановился посреди зала в своем берете с развевающимися перьями, держа в руке окованное железом копьё.

— Как зовут тебя? — спросил он малютку.—У тебя ясные глазки и добрые мысли, но ты недостаточно часто моешь руки.

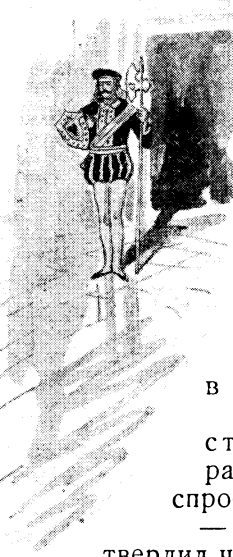
Это было не особенно-то вежливо сказано с его стороны!

— Меня зовут Вильям,—сказал малютка, — и это мой замок, а ты мой червонный валет.

— Я слуга моего короля и королевы, а не твой—возразил червонный валет. Я могу сходить с этой

Червонный валет
остановился посреди
зала...

карты, выходить из этого замка, а их величества могут это еще лучше меня. Мы могли бы гулять по божьему свету, но мы пресытились уже им, гораздо уютнее и приятнее запрятаться

в карту.

— Разве вы действительно были раньше людьми? — спросил мальчик.

— Да, людьми! — подтвердил червонный валет.— Но не такими хорошими, как должны были бы быть. Зажги передо мной восковую свечку, если возможно красную,—ведь это цвет мой и

моих повелителей, — тогда я расскажу владельцу замка,—ведь ты говорил, что это ты владелец этого замка?—нашу историю. Но не перебивай меня. Раз я уж начал говорить, завод должен раскрутиться до конца.

И он поведал следующее:

— Жили-были четыре короля, родные братья, но червонный король был старшим в роде, он родился в золотой короне и с золотым яблоком.

Бубновый валет выпрыгнул из карты и вытянулся.

Его дама родилась с золотой розой, она сохранила ее, как ты можешь видеть, и поныне. Им так великолепно жилось, им не нужно было ходить в школу, целый день они могли играть, строить замки и ломать их опять, ломать оловянных солдатиков и играть в куклы. Если им хотелось бутерброд, то им подавали бутерброд, намазанный маслом и посыпанный сахарным песком с обеих сторон. Славное это было время! Но и оно может надоесть. И они пресытились им — тогда появился король бубен.

— Ну и что же дальше? — спросил маленький мальчик, но червонный валет не произнес ни слова более. Точно окаменелый стоял он, не сводя глаз с горящей перед ним красной восковой свечки.

На том дело и встало, пока мальчик не отвесил трех поклонов бубновому валету, и после третьего поклона бубновый валет выпрыгнул из карты, вытянулся и промолвил лишь:

— Восковую свечку!

Мальчик тотчас же зажег красную свечечку и поставил ее перед ним. Тогда бубновый валет отсалютовал копьем и продолжил рассказ далее, как раз с тех самых слов: — и тогда появился бубновый король, — сказал он, — король со стеклян- ным окошечком на груди; так-

Появился бубновый король...

же и в даму его можно было с удобствами заглянуть внутрь и увидеть, что они созданы совсем так, как обыкновенные люди. Это было так занимательно, что им воздвигли монумент, который простоял целые двадцать лет — впрочем, он ведь и был расчи- тан на вечные времена.

Т у т
бубно-

вый валет откла- нялся и устоялся на свою красную свечку.

Не успел еще

Вильям и раскла- нять ся, как выступил с боль- шим до- стоинст- вом, слов- но аист, шагающий по полю, валет треф Черный клеверный листок на к а р т е взлетел кверху подобно пти- це, крылья к о т о р о й

раскрывались все более и более. Он покружился над ним, а потом уселся вновь на свое место, справа, на пустой карте. И трефовый валет начал говорить, даже не попросив сначала восковой свечки, как это сделали оба предыдущих.

— Не все получали хлеб, нама- занный маслом с обеих сторон. Этого не пришлось отведать ни мо- ему королю, ни королеве, а приш- лось им ходить в школу и учиться тому, чему не учились прежние ко- роли. Они также ходили с стек- лянн- ым окошечком на груди, но ни- кто не заглядывал внутрь, хотя бы для того, чтобы убедиться, не сло- малось ли что-нибудь в механизме. Я знаю это, я служил им все те годы и служу им еще и сейчас, исполняю их волю, а теперь поз- вольте откланяться! — Что он и сделал.

Вильям зажег и перед ним во- скovouю свечечку, ослепительно белую.

Тут, откуда ни возьмись, появился пиковый валет. Без всякого привет- ствия пробурчал он следующее:

— Они каждый для себя полу- чили по свечке, — сказал он, — могу

С большим достоинством, словно аист выступил валет треф.

и я, значит, на свою долю такую же попросить, смею думать?! Но если такая честь на долю нам, валетам, выпадает, так уж господа-то наши должны тройне получить. Я явился под конец и с нами все под гору пошло, так что меня окрестили насмешливым прозвищем „Черный Петя“. Так меня почему-то всегда и зовут, и никто не хочет иметь меня у себя в картах. Да, у меня еще похуже прозвище есть: „трубочист“, а когда-то был я первым кавалером при пиковом короле, сейчас я — последний. Не буду рассказывать истории моих господ. Маленький владетель замка сам может сделать из этой истории, что ему угодно. Но дело-то пошло под гору и не будет иначе, пока все мы на красном коне не подыдемся выше облаков стоячих.

И маленький Вилльям зажег по три свечечки перед каждым королем и каждой дамой, и стало так светло в большом рыцарском зале, так светло, как во дворце богатейшего короля, и высокие господа заулыбались милостиво и нежно, дама червей стала обмахиваться золотым веером, дама пик помахивала золотым тюльпаном, пылавшим как жар, как светлое пламя.

Высокие пары попры-

гали вниз в зал и стали танцевать, и вдруг нестерпимо жарко и жарко сделалось там. Весь замок стоял, объятый пламенем. Вилльям в страхе отскочил в сторону с криком:

— Папа!
Мама! Замок горит!

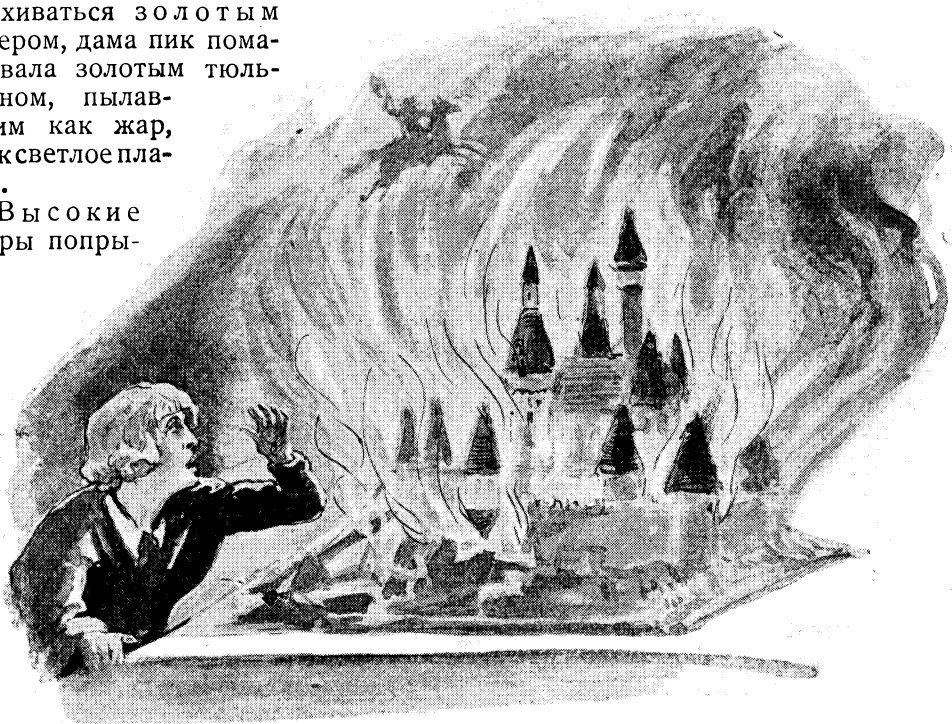
В треске пламени слышался словно шепот:

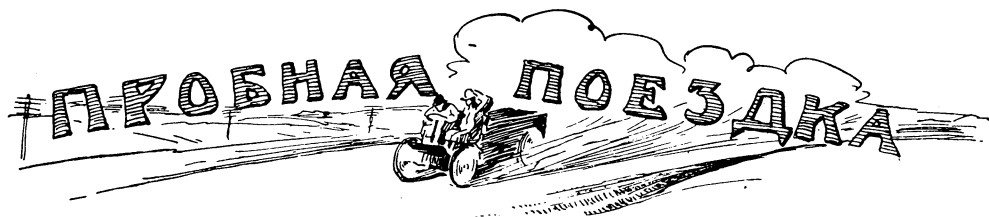
— Теперь-то мы взвьемся на красном коне высоко-высоко, за облака. Так подобает членам королевской фамилии. Валеты, за нами!

Да, такой конец постиг замок Вилльяма и карточные фигуры. Вилльям еще жив и умывает руки в невинности своей души.

Пиковый валет без всякого приветствия пробурчал...

Рассказ П. К. ГУБЕРА.

— Слышали ли вы когда нибудь имя Генри Форда?

— Кажется, нет, сэр.

Мистер Эллиас Андерсон, издатель „Воскресного Вестника“, еженедельной иллюстрированной газеты, выходящей в Детройте, в штате Мичиган, посмотрел с высоты своего вертящегося табурета на Вилли Коба, репортера.

— Неужто не слышали? Это полумудрый инженер, свихнувшийся на том, что построит самодвижущуюся повозку. Знаете, один из тех фантазеров, которые воображают себя гениями. У него было хорошее место в электрической компании „Эдиссон“, где он получал 135 долларов в месяц. Но он забросил эту работу и с тех пор все свое время и все деньги хлопывает на нелепую выдумку. Теперь он, кажется, окончательно спятил. Посмотрите, что он мне пишет.

Толстый мистер Андерсон протянул своему сотруднику почтовый листок со штампом „Детройтской Автомобильной Компании“. В нескольких строках, написанных на машинке, м-р Форд, вежливо, но весьма лаконично извещал, что он только что закончил опыты с вновь сконструированным самокатным экипажем и просил направить к нему „знающего человека“, дабы познакомить публику с новым изобретением.

— Ерунда! — сказал издатель. — Дремучая чепуха. — И в виде последнего довода он произнес слово, которым деловые, солидные люди всегда, словно кирпичем, бросают в голову новаторов:

— Утопия!

Вильям Коб задумчиво вертел письмо в руках. М-р Андерсон продолжал сердитым голосом:

— Что вы скажете, Виль, о предложении этого сумасброда?

— Я думаю все-таки пойти туда, сэр. Никогда нельзя знать заранее...

— Разумеется, ступайте. Это может дать недурной материал для фельетона в легком, юмористическом роде. Не надо упускать случая посмеяться над дураками.

* * *

— Никогда нельзя знать заранее, — повторял Вильям Коб, шагая по улице, покрытой молодым, пушистым снегом. Было совсем не холодно, и так как он чуть-чуть волновался в ожидании новых, непривычных впечатлений, то даже распахнул пальто.

— Никогда нельзя знать заранее. И хотя патентованные, университетские ученые уже давно доказали, как дважды два четыре, что идея самодвижущейся машины, без рельс, и без живой силы, какая приводит в движение велосипеда, является не более, как повторением на новый лад старой задачи о „Перпетуум мобиле“, но все-таки...

Ворота тесного дворика, в глубине которого помещался сарай, приютивший в своих стенах мастерские „Детройтской Автомобильной Компании“, были раскрыты настежь. Подготовленная для испытания машина стояла у крыльца. Она имела вид плоского, длинного ящика с низкими краями и без крышки, поставленного на четыре колеса. Репортера поразило то обстоятельство, что в экипаже не было установлено никакого механизма и что двигатель, очевидно, находился где-то внизу. На первый взгляд казалось, что здесь вовсе нет никакого двигателя.

Изобретатель находился тут-же и хлопотал около своей машины. То был человек лет сорока, ниже среднего роста, очень худощавый, с маленьким, гладко выбритым лицом, главной отличительной особенностью которого казались многочисленные, резкие морщины, лучеобразно расходившиеся от висков. Но когда Коб всмотрелся пристальнее, то лицо Форда поразило его своим странным, двойственным выражением. То не была асимметрия черт, ибо черты были правильные и скорей даже приятные, но вместе с тем правая половина лица выражала совсем не то, что левая, как-будто два совсем различные человека соединились вместе, чтобы отразить свой душевный строй в этой физиономии. В то время, как справа лицо говорило о врожденной мечтательности и глаз задумчиво глядел поверх вещей куда-то вдаль, левая сторона изображала энергию, упрямство и острую наблюдательность с примесью недоброй иронии и даже сарказма. Одет Форд был в легкое городское пальто и на голове у него сидел котелок, бывший очевидно не в пору и едва покрывав-

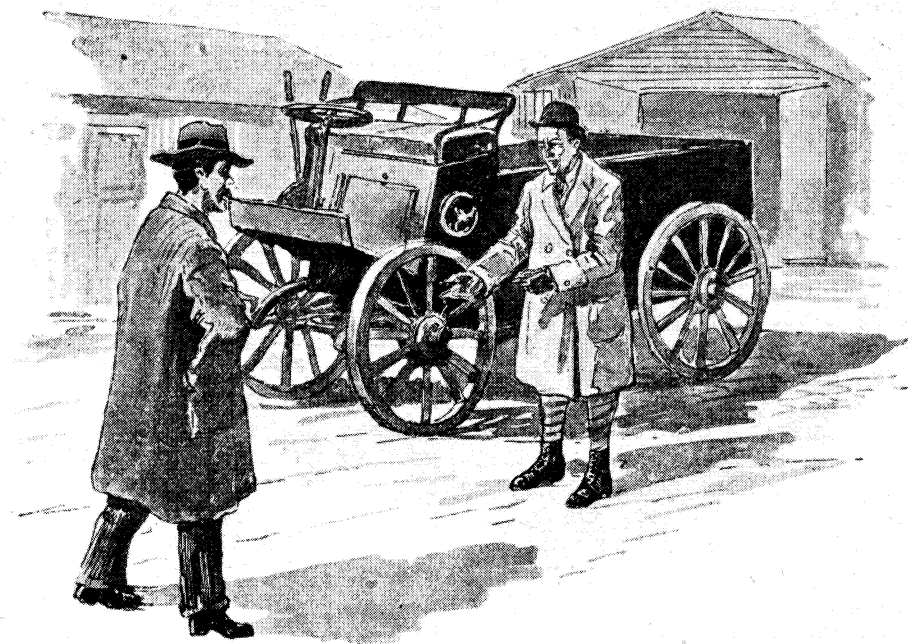
ший темя. Вообще по костюму было видно, что он пожелал принарядиться для торжественного случая, но что вместе с тем не привык заботиться о своей одежде и не имел никакого таланта по части франтовства.

Забравшись на козлы, Форд начал с того, что четыре раза резко поднял и опустил рычаг, расположенный справа от сиденья, с целью, как он объяснил, смешать воздух с бензином и пропустить смесь в цилиндр для взрыва. Затем он повернул рукоятку электрического контакта, и машина тотчас же начала дышать и вздрагивать, словно живое существо. С некоторой опаской репортер взобрался на указанное ему место около рулевого колеса. Он не думал, что автомобиль, взбесившийся конь, может унести его в неведомое пространство, но в глубине души побаивался, как бы вся эта штука не взлетела на воздух.

— Все готово, мы можем ехать,— промолвил Форд.

— Но,— заметил с недоумением Коб,—ведь вы не зажигали спичек, чтобы воспламенить газ.

Форд улыбнулся.

Изобретатель Генри Форд стоял около своей повозки.

— Это вовсе не нужно. Зажигание производится электричеством. Разве вы не видели, как я трогал рукоятку? При помощи ее искра попадает в газ.

Но вот наступил торжественный момент. Ворота были раскрыты еще шире, и — к великому удивлению Коба, — машина плавно двинулась с места. Репортер почуствовал, что у него засосало под ложечкой — сладко и вместе с тем немножко мучительно. Автомобиль действительно продвигался вперед, один, без лошадей, без локомотива, повинаясь легчайшим движениям руки своего водителя. Мальчишки, собравшиеся кучкой на улице, закричали ура.

— Прежде всего мы испытаем ее на неровной проселочной дороге, — сказал Форд, делая неожиданный поворот за угол.

Шум машины становился сильнее. Она летела вперед со скоростью 8 миль в час. Дорога была усеяна кочками и выбоинами, но машина подвигалась с необыкновенной легкостью.

— Держитесь крепче, — сказал Форд, — как только мы выедем на асфальт, я увеличу скорость.

— С какой быстротой мы поедим?

— Двадцать пять миль в час. Приготовьтесь, я начинаю.

„Дзинь-дзинь“, прозвучал предупреждающий сигнал под сиденьем. Повозка с молоком двигалась навстречу заколдованному экипажу. Лошадь испуганно прижала уши и бросилась в сторону.

— Мы всегда будем пугать лошадей? — спросил Коб Форда.

— Это зависит от животного. Глупую, невежественную лошадь — да. Умную и породистую — нет. Между лошадьми существует такая же разница, как и между людьми. Некоторые из них очень умны, а другие совсем наоборот. Однажды я проезжал на этой машине по городу и встретил какого-то человека, в беговой качалке, запряженной рысаком. Наш секретарь, который ехал со мной, посоветовал мне остановиться, иначе непременно случится

несчастье. И что-же: рысак промчался мимо, едва удостоив нас взглядом.

— Но позвольте, — заинтересовался Коб, — разве сегодня вы не в первый раз едете по городу?

— Конечно, нет. Неужели вы думаете, что я сразу мог бы так уверенно справляться с машиной? Но до сих пор я выезжал очень рано, в 4 или 5 утра, даже раньше, если бывало не слишком темно.

— Как это я никогда не слышал об этом? — с недоумением спросил репортер.

Форд весело усмехнулся.

— Разве вы не знаете, что большинство людей не верит собственным глазам? Кроме того, никому не охота прослыть вралем. Недалеко от нашего завода живет некто Джим О'Лири, пьяница ирландец, которого однажды на рассвете вытолкали из кабака прямо под колеса моей машины. Я едва успел затормозить. И на другое утро вся улица хохотала, слушая, как Джим клялся и божился, что его едва не раздавила огненная колесница, в которой ехал сам Вельзевул.

В этот миг автомобиль подъезжал к бульвару и Форд, немного опустив рычаг, прибавил ход. Машина понеслась с такой быстротой, что у Коба захватило дух. Безпрерывный треск слышался позади, новый, небывалый прежде шум автомобиля.

Вильям Коб был охвачен энтузиазмом. В его мозгу обрывками мельками фразы будущей сенсационной статьи. Эти обрывки понемногу слагались в какое-то подобие гимна, писанного рубленой прозой, но самолюбивый автор полагал, что это будет похоже на Уотта Уиттмана.

„Всегда, в каждый период человеческой истории, существовал какой-нибудь голос, какая-нибудь нота, которая выражала господствующую силу данной эпохи.

„Было время, когда звуковым символом наивысшего могущества было рыканье льва.

„Его сменил треск горящего костра.

„Затем раздался стук кремневого топора.

„Затем человечество слышало плеск весел римских галер.

„Затем послышался шум ветра, подгоняющего парус.

„Наконец человечество обрело полнозвучный и внутренний голос, возвестивший о наступлении царства пороха.

„Паровозный свисток для нескольких поколений символизировал главную силу цивилизации.

„Но нынче раздается шум более современной, самой совершенной машины—автомобиля, мчащегося со скоростью 25 миль в час“.

Пока Коб мысленно предавался литературному творчеству, Генри Форд вел свою машину по залитой асфальтом улице. Радостно возбужденные клерки и продавщицы подбегали к окнам контор и магазинов.

— Внимание!—вскричал Форд.

Прежде чем Коб успел опомниться, опасность уже миновала. Легкое движение руки, и тяжеловесная машина повернула направо, как раз во время, чтобы дать дорогу подводе, нагруженной бочками с пивом. Репортер почувствовал себя несколько не по себе и сказал, что хочет выйти.

— Пустяки,—ответил Форд,—никакой опасности нет! Нужно только внимательно смотреть вперед. Совсем, как на велосипеде.

— Но вот человек как раз напротив переходит дорогу.

Не бойтесь,—долетел до ушей Коба обрывок ответа, в то время, как дома один за другим пронеслись мимо и машина все увеличивала скорость.

— Теперь вы увидите, как мы быстро ее остановим,—сказал Форд.— Я могу держать пари, что скаковая лошадь, делающая милю в одну минуту сорок секунд, не остановится раньше, чем на расстоянии $\frac{1}{16}$ мили, а мы сделаем это на протяжении 6-ти футов.

С этими словами он передвинул какой-то рычаг. С внезапностью настоящей катастрофы скорость автомобиля сошла на нет и огромная машина остановилась без движения.

— Ну,—ну,—это было все, что мог вымолвить ошарашенный репортер.

Форд понемногу снова начал развивать скорость и машина, словно какой-то смятенный дух, неслась все быстрее по улице. Изобретатель указал на низкое здание, мимо которого они проезжали, и промолвил: — Видите эту шорную мастерскую; она обречена на гибель.

Между тем автомобиль завернул на самую середину Удворд-Авеню, главной артерии города. Машина прокладывала себе дорогу посреди сотен экипажей. Скорость ее равнялась 8 милям в час.

— Да, так насчет этого шорника,—продолжал Форд,—я был у него в мастерской и заказывал покрышку для мотора. Я слышал, как он сказал своему сыну: „Эта штука нас разорит. Они там крутят какую-то ручку и машина едет. Она может обогнать самого дьявола“.

— Значит уже существует предубеждение против автомобиля? — спросил Коб.

— О, этого нельзя сказать. Несколько извозчиков приходили ко мне и просили установить двигатели на их подводах, считая, что это удешевит работу. Но приделать мотор к обыкновенной повозке невозможно. Нужна совсем особая конструкция.

Тут они заметили перед собой медленно катившуюся тяжело нагруженную телегу. Сердитый возчик свирепо смотрел на них и махал кулаками. Они могли видеть, как его губы двигались, но благодаря трескотне мотора до их ушей не долетело ни звука. Машина промелькнула мимо, как молния.

Звон трамваев смешивался с воем автомобильной сирены, и это вносило совсем новую ноту в уличную жизнь. Чудесная машина скользила по земле с необычайной легкостью, ловко пробираясь среди подвод, повозок, экипажей и велосипедов. Прохожие оборачивались, улыбаясь радостно и недоумевающе. Коб подумал, что шум автомобиля, этот новый голос цивилизации, должен был звучать в их ушах, как изыскан-

нейшая музыка, абсолютная новизна которой заставляла слушать ее с наслаждением.

* * *

Теперь они выехали за город и как стрела неслись по шоссе мимо оснеженных полей и огородов, опустошенных зимой. Миля за милей оставались позади. Вскоре дорога совершенно опустела. Лишь где-то далеко перед ними шагом подвигалась какая-то повозка.

Нажав грушу сирены, Форд затрубил.

И тут случилось то, чего Коб с тревогой ожидал в течение целого утра. Лошадь прижала уши и понесла. Но само собой разумеется, что ее отчаянный перепуганный галоп не мог соперничать с мощной скоростью машины. Следующие 5 секунд автомобиль поровнялся с повозкой. Коб успел разглядеть какую-то старуху в старомодной уродливой шляпке с лентами, которые теперь развевались в разные стороны, словно ванты корабля, захваченного циклоном. Совсем растерявшаяся старуха выпустила возжи и в безумном страхе сжимала голову руками.

— Остановитесь! — крикнул Коб своему спутнику. — Вы еще больше пугаете эту проклятую клячу.

Форд, повидимому, готовился последовать этому совету. Его нога уже упиралась в рычаг тормоза. Но в это мгновение колесо телеги наехало на выдавшийся камень. Пустые бидоны из под молока с треском посыпались на дорогу. Совсем взбесившаяся лошадь круто рванула в сторону и прыгнула через канаву, позади которой вздымалась изгородь в виде невысокого земляного вала. Миг спустя все — лошадь, телега и старая женщина — обратились в один клубок на дне канавы. Коб невольно вскрикнул. В воздухе мелькали копыта и видно было, как вокруг одной из лошадиных ног обвилась черная лента шляпы.

Форд остановил свою машину и двое мужчин выскочили из нее. Коб схватил под уздцы дрожавшую всем

телом лошадь и вывел ее из канавы. Форд склонился над телом старухи.

— Боже милосердный, — сказал он, — да это Фанни Мэдокс!

Все лицо старухи было покрыто грязью и кровью. Впрочем, свалившись в полную талой воды канаву, она не могла получить сильныхшибов при падении. Но на левом виске ее выделялось огромное пятно синебагрового оттенка — след лошадиного копыта. Пятно это было чуть-чуть вдавлено посредине.

— Боюсь, что дело плохо, — пробормотал Коб.

Форд молча кивнул головой. Репортер привязал все еще бившуюся лошадь к телеграфному столбу и затем оба они осторожно подняли тело старой Фанни Мэдокс в автомобиль. Форд заботливо покрыл мертвую старуху брезентом. Потом он вытер окровавленные руки о снег.

— Надо ехать назад, — промолвил он задумчиво, но без особого волнения. — За лошадью мы пришлем из города.

Машина сделала полный оборот и тихо, тихо они тронулись в обратный путь. Кроме них никого не было видно кругом на целую милю.

Напряженное молчание становилось тягостным. Коб сделал попытку прервать его.

— Вы знали эту женщину? — спросил он.

Попрежнему сосредоточенно Форд кивнул головой:

— Да. Ее зять работает у нас, а дочь живет на ферме в 3-х милях отсюда. Я много раз говорил этому идиоту, что нельзя отпускать старуху одну с лошадью и подводой в город. Но он меня не слушал. Жена его слишком занята по хозяйству, а взять работника он не хотел. Надо же было кому-нибудь продавать молоко. Вот они и определили к этому делу старую мамашу, хотя она ужасно боялась лошадей... Да, невеселая старость выпала на долю бедной Фанни.

Форд говорил совершенно спокойно. Никаких следов пережитого волнения репортер не мог заметить на этом бритом, бесстрастном лице.

— Как вы думаете ликвидировать такой неприятный инцидент?—спросил он неуверенным голосом.

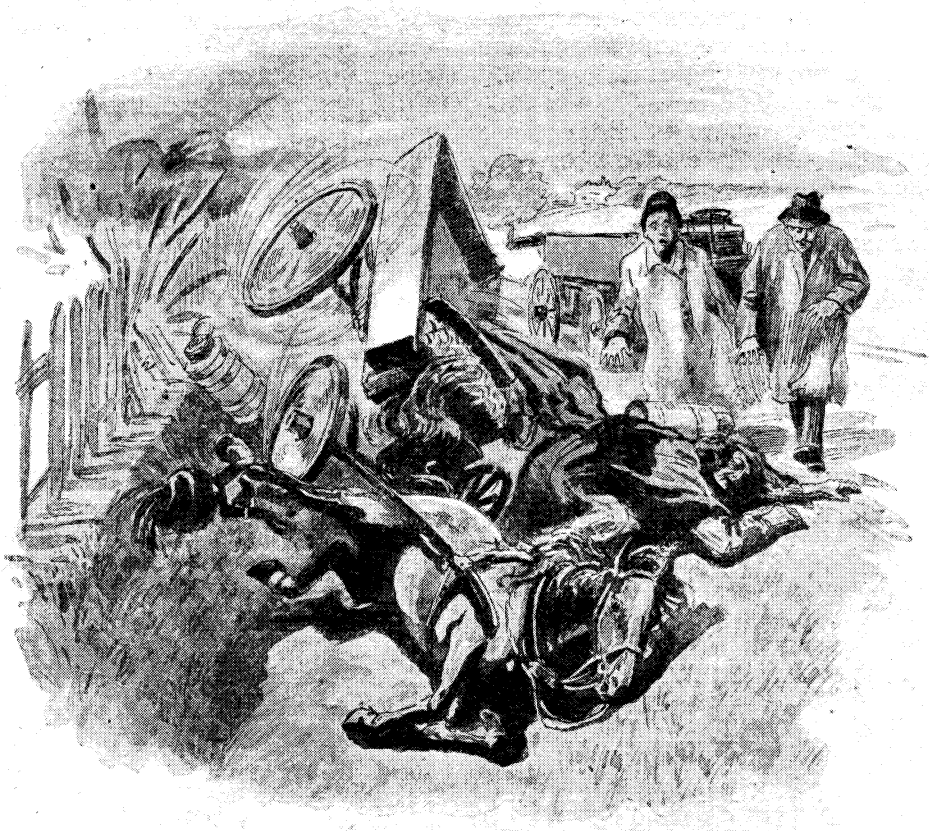
— Я знаю коронера и городской голова мой друг. Они легко поверят, что в этом случае не было моей вины. Кроме того у меня есть свидетель, именно вы.

Репортер нерешительно крикнул. Форд продолжал, несколько не смущаясь:

моего патента... Но ведь пресса ничего не узнает.

— Как не узнает, — воскликнул озадаченный Коб,—да ведь...

— Пресса ничего не узнает,—повторил Форд уверенно и твердо.— Неужели вы думаете, что смерть такого жалкого существа явится заметным событием? Несколько строк в хронике несчастных случаев, вот и все. Нужно только, чтобы сооб-

Форд и репортер бросились к старухе.

Придется заплатить этому мерзавцу зятю за его подводу. Но в общем, я думаю, он даже будет рад, что избавился от старухи. Остается, стало быть, только один вопрос: что скажет пресса?

— Да,—процедил сквозь зубы Коб,—это произведет неблагоприятное впечатление.

— Вот, именно, — подтвердил Форд,—и может даже создать кое-какие затруднения при реализации

щение это никоим образом не было связано с отчетом о моей пробной поездке.

— Но ведь должен же я... пробовал запротестовать Коб.

— Вы должны все обдумать и взвесить. Как вы полагаете, имеет автомобильное дело какое-нибудь будущее?

— Огромное будущее... но...

— Это будет большое дело, которое принесет много денег. Очень

много. И дело это будет нуждаться в рекламе. До сих пор у нас не было заведующего отделом рекламы, но теперь мы намерены пригласить какого-нибудь способного и... понятливого человека. Лучше всего кого-нибудь из журналистов.

Оба они опять замолчали. Запрошенные снегом поля проносились мимо. Форд спокойно глядел вперед, туда, где виднелись первые дома Детройта. И лицо его имело обыкновенное двойственное выражение: одна половина выражала задумчивость, а другая привычную спокойную иронию.

На следующий день „Воскресный Вестник“ удвоил свой тираж, ибо в нем появилась боевая статья о пробной поездке Форда. Статья сопровождалась рисунком, исполненным пером и изображавшим грузо-

вой автомобиль, делающий крутой поворот перед запряжкой испуганных лошадей. Под рисунком красовалась надпись: „Как легко на автомобиле избежать столкновений“.

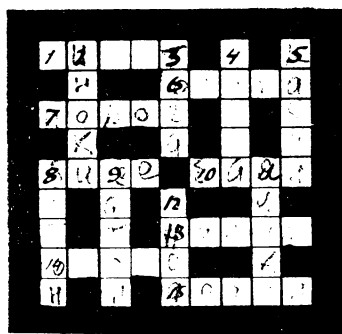
Статья эта, напечатанная в первых числах марта 1900 г., до сих пор хранится в архиве Фордовских заводов. Американский журналист Аллан Бенсон извлек ее оттуда и перепечатал в своей недавно появившейся книге „Новый Генри Форд“. Статья эта, послужившая фактической основой настоящего рассказа, представляет собою весьма любопытный культурно-исторический документ, показывающий, как встречен был автомобиль при первом своем появлении. Но здесь не говорится ни слова о судьбе бедной Фанни Мэдокс.

ПЕРВЫЕ ПЯТНЕТЕННЫЕ СЛОВА.

Отдел под редакцией В. П. Мелентьева.

(см. „Мир Приключений“ №№ 2 и 3).

Задача № 4.

Решение задачи № 3.

Р	А	М	К	И	А	К	Р
О			Т	О	Р	О	
В	Е	С	Л	О	Т	М	
	Д		Н	У	А		
Л	А	Р	И	И	Р	А	Н
О	У	Э		Б			
Х	Л	З	А	К	О	Н	
О	О	К	О		О		
Д	О	Н	Л	А	Р	И	С

Значение слов:

Горизонтальных: 1. Плоскогорье, 6. Японский город, 7. Часть двери, 8. Композитор, 10. Род гармонии, 13. Рыба, 14. Металл, 15. Наследник в древней Франции.

Вертикальных: 2. Монахи, 3. Одежда римлян, 4. Финский парусник, 5. Дикая свинья, 8. Молочная посуда, 9. Место ремонта речных судов, 11. Лодки, 12. Электрический полюс.

Способ решения и условия присылки ответов и премирования напечатаны в „Мире Приключений“ № 2, 1926 года.

ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ.

VIII

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ.

Рассказ К. ФЕЗАНДИЕ. С английского.

Глава I.

— Пеп,—закричал доктор Хэкенсоу.—Хочешь сделать со мной путешествие?

— Конечно, Поп,—весело ответила мисс Пепита Перкинс.—Куда мы поедем?

— Сначала на Южный полюс, а оттуда, может быть, к центру Земли.

— Что?

— Да, Пеп.—Я решил проникнуть в величайшую тайну природы и узнать, что находится в центре нашей Земли. До сегодняшнего дня никто не имеет ни малейшей уверенности, что там есть. В прежние времена считали, что центр Земли представляет жидкую массу до бела раскаленного вещества, окруженного охлажденной верхней корой, толщиной приблизительно в сто миль. Это убеждение подтверждалось фактом, что в копях температура постепенно поднимается с увеличением глубины. Отсюда можно было бы вывести, что центр Земли—раскаленная до бела масса. Существование вулканов еще укрепляло это предположение. Но за последние годы такая точка зрения совершенно оставлена. Если бы центр Земли был жидким морем пламени, то это море притягивалось бы солнцем и луной, и в наших вулканах ежедневно бывали бы приливы и отливы, как и в водных морях. Другие обстоятельства так же ведут к предположению, что центр Земли не жидкий, а твердый, как сталь. Но все же ничего определенного не было известно, пока я несколько лет тому назад не стал исследовать центр Земли с помощью волн радио.

— Волн радио? Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что радио-волны до известной степени поглощаются средой, через которую проходят. Я, ввиду этого, потратил много времени, изучая, насколько именно ослабляются радио-волны, проходя через скалы, песок, глину, гравий и всевозможные руды различной плотности. Конечно, я должен был пользоваться волнами известного направления, потому что я не достиг бы цели, если бы волна обходила препятствие вместо того, чтобы пройти сквозь него.

После того, как я тщательно занес на таблицы результаты моих опытов, я снарядил несколько радио-экспедиций, чтобы исследовать состояние центра Земли. Эти экспедиции отправлялись парно, каждая пара находилась на противоположных полюсах или точках земного шара, так, чтобы посылать и получать радио-волны определенной силы и частоты, направленные прямо через центр Земли. Корабли с радио-аппаратами, конечно, должны были находиться в одни и те же моменты на противоположных точках земного шара. Следуя по одному и тому же большому кругу в одном и том же направлении, они всегда находились друг против друга и должны были останавливаться по пути каждые сто миль и обмениваться волнами. Сравнивая результаты всех этих экспедиций и исключая все получившиеся разногласия, я мог сказать, каково именно было сопротивление центральной части нашей Земли и мог, таким образом, составить известное представление о том, было ли это жидкое вещество

или твердая скала. Это было еще дополнено работами нескольких других экспедиций, которые следовали не по большому кругу, а по малым кругам долготы и широты. В этом случае, посылаемые ими друг другу радио-волны проходили не через центр Земли, но через хорду срезанных ломтями частей в этой диаграмме.

Тут доктор Хэкенсоу показал Пеп простой набросок разреза Земли.

— Эта работа контролировала другие наблюдения, потому что в этом случае волна не проходила через центр Земли.

— Так, что же оказалось? Из чего состоит Земля?—спросила Пеп.

Доктор Хэкенсоу покачал головой.

— Результаты меня более чем смущают, и я не решаюсь опубликовать их; они так дики и так расходятся с общепринятыми научными теориями. Поэтому, я решил сделать попытку проникнуть к центру Земли, чтобы проверить или опровергнуть мои теории.

— Ого!—воскликнула Пеп.—Ты действительно, поставил себе большую задачу. А как же ты собираешься прорыть дорогу вниз?

— Я хочу прорыть туннель с помощью атомной энергии. Ты была со мной, когда взрывалась скала в Центральном Парке¹⁾ и поэтому имеешь некоторое понятие о том, что может сделать моя атомная сила. Вот, я и придумал замечательную машину, чтобы выкопать с помощью этой энергии глубокую шахту в земле.

— Понимаю,—сказала Пеп,—но почему ты хочешь отправляться к центру Земли с Южного полюса? Почему не отправляться отсюда?

— Есть разные причины,—ответил доктор.—Прежде всего, нас мучили бы здесь репортеры и любопытные. Но главная причина, что, так как Земля приплюснута у полюса, мне придется рыть на несколько миль меньше. Кроме того,—я только что получил известие

от агента в моей колонии на Южном полюсе, что он нашел яму или потухший кратер, глубиной около пяти миль. Конечно, пять миль очень немного при четырех тысячах миль, но каждая мелочь помогает. Но я теряю время. Хочешь ли ты еще ехать со мной теперь, когда знаешь мои планы?

— Конечно, Пеп, я ни за что в мире не пропустила бы такой случай!

Глава II.

— Вот мы и на Южном полюсе, Пеп, и я готов побиться об заклад, что ты не сможешь мне сказать, в каком направлении мы летим!

— А я побьюсь об заклад, что могу! Мы направляемся прямо на юг. Мы не меняли направления.

Глаза доктора Хэкенсоу весело блеснули.

— Ты ошибаешься, Пеп,—сказал он.—Мы направляемся прямо на север. Человек, находящийся на Южном полюсе, не может направляться ни на восток, ни на запад, ни на юг. Какое бы направление он ни взял, это всегда будет север. Так и для человека на Северном полюсе все направления ведут на юг.

— Отчего это происходит, что стрелка здесь не стоит вертикально? спросила Пеп.

— Причиной этому то, что магнитные полюсы не соответствуют полюсам Земли. Ученые еще не согласились относительно причин земного магнетизма, но его приписывают электрическим течениям, которые движутся вокруг поверхности Земли. Не сама Земля притягивает стрелку, но эти электрические течения действуют на стрелку, а течения, вероятно, происходят оттого, что солнечные лучи падают на Землю все дальше и дальше к западу, так как Солнце, очевидно, движется с востока на запад между восходом и заходом.

Вот, мы летим над моими полярными плантациями, которые мы как-то раз посетили с тобой. Мы сегодня не будем здесь останавливаться, но направимся прямо к

¹⁾ См. рассказ „Тайна атомной энергии“ в № 3 „Мира Приключений“ за этот год.

Ледяные хижинки были сооружены очень простым способом..

нашей цели, которая находится отсюда в пятидесяти милях.

Через несколько минут аэроплан был уже у намеченного пункта, и доктор и Пеп снизились, чтобы иметь беседу с агентом доктора, которому были даны распоряжения сделать все нужные приготовления для начала работы. С помощью атомной энергии большая часть этой территории была очищена от снега и льда, за исключением ряда ледяных хижин, которые были сооружены очень простым способом. В заготовленную форму вливалась вода и ей давали застыть. Когда форма снималась, из нее выходил дом, готовый для жилья.

Мистер Сам, агент, был в восторге увидеть наших путешественников и особенно заинтересовался электрическим аэропланом доктора — „Стрелой“.

— Где же электрические батареи? — спросил мистер Сам.

— Никаких батарей нет, — ответил доктор.

— Мне показалось, что вы сказали, что это электрический аэроплан?

— Это так и есть. Во всяком случае, он такой же электрический, как и сами батареи. Ведь, в батарее на самом деле нет запасов электричества. Она снабжена химической энергией, электрическая энергия накоплена не более, чем если бы мы употребили ток для того, чтобы разложить воду на водород и кислород, а потом

зажгли бы эти газы и воспользовались бы теплотой, чтобы приводить в движение динамо и про извести новое электричество.

В моем аэроплане атомная энергия превращается в электричество и двигает пропеллер. Но нам некогда терять время. Вы очистили дно ямы так, чтобы мы могли начинать рыть шахту?

— Все готово, — сказал мистер Сам. — Яма очищена и бриллиантовый бурав начал работу.

— Как работает бриллиантовый бурав? — спросил доктор.

— Отлично, но мне кажется, что жалко употреблять эти огромные бриллианты ценою в сотни тысяч долларов для того, чтобы пробуривать скалы.

— Пусть это вас не беспокоит, — ответил доктор. — Я нашел способ делать большие бриллианты так же дешево, как графит. Они ведь, ни что иное, как уголь и еще одно вещество. Но твердость их делает их незаменимыми при бурении.

— Сколько времени нужно пробуривать землю на милю? — спросила Пеп. — Надеюсь, что нам не придется ждать здесь целую вечность?

— Если бы у меня был только бриллиантовый бурав, нам пришлось бы ждать довольно долго. Но я употребляю этот бурав только для начала. Завтра я заменю бриллиантовый бурав атомным.

— А разве атомный бурав будет скорее работать?

— Гораздо скорее. Эти два способа нельзя даже сравнивать. Атомная энергия—удивительная сила, и я счастливо добился обладания ею настолько, чтобы она не представляла опасностей.

— А как работает атомный бурав?

— Да, это, собственно говоря, не бурав. Я называю его так—просто ради удобства. Это вернее, нечто в роде факела. Вон там машина, готовая для работы. Чтобы понять, как она работает, тебе нужно только вспомнить газовую лампу, от которой тает лед и образуется дыра на катке пруда. Вращайте кругообразно лампу и она скоро войдет глубоко в лед. Мой факел атомной энергии действует весьма сходным путем. Вместо газа, мое топливо, если так можно выразиться, состоит из песка, превращенного в пыль. Песок этот я помещаю в бурав факела. Рядом с факелом вы видите приспособление, с помощью которого я могу получать вольтаж, о котором вам и не снится, и, таким образом, могу начать разложение песка на составные части. Когда превращенный в порошок песок начинает разлагаться, освобожденная энергия не только исполняет работу, но продолжает разлагать песок. Пропуская медленно песок в конец факела или горелки,—как я это называю,—я продолжаю разложение песка до тех пор, пока в резервуаре будет находиться песок.

При этом процессе развивается сильнейший жар, и скалы и земля тают, точно они всего только легкий снег.

— Но почему же не разлагаются скалы и земля?—спросила Пеп.

— По двум причинам. Во-первых, они не представляют собою такого тонкого порошка, как пыль, которую я употребляю в дело. А во-вторых, я стараюсь не подносить к ним слишком близко свой факел. Я держу его на таком расстоянии, чтобы скалы таяли, но не разлагались, если я так могу выразиться.

— Что же ты делаешь с растаявшими скалами?

— Растаявшее вещество непрерывно поднимается вверх системой ведер. Работа эта будет выполняться автоматически и поэтому рабочие не будут подвергаться никакому риску.

— А как же это не тают ни твои ведра, ни факел?

— Они охлаждаются посредством электричества. Мне некогда сейчас объяснять этот процесс, но уже давно известно, что электрический ток можно использовать не только для согревания, но и для охлаждения. Электричество—удивительная сила! Нет почти ничего невозможного для электричества, если уметь им пользоваться. Но довольно читать лекцию. Рабочие скоро установят атомный бурав. Ты увидишь летящие искры. Я так поставил машину моих лучей, что мы сможем проследить действие атомного факела, когда он будет пробивать себе в скалах дорогу вниз.

Доктор Хэкенсоу и Пеп прождали несколько часов, но, наконец, факел был установлен и пущен в ход.

Интересно было смотреть, с какой быстротой таяла скала под действием раскаленных до бела ионизованных частиц. Поток жидкой лавы перегонялся в бадьи при помощи газа—гелия. К счастью, не было необходимости поднимать расплавленную лаву на поверхность земли. Недалеко вверх по колодцу имелся глубокий туннель вбок и в него выливали лаву. Бадьи, бурав и закрытое помещение, в котором находились операторы, были защищены от жара электрическими рефрижераторами. Рабочее помещение снабжалось воздухом из особых резервуаров, так как невозможно было дышать вредными газами, которые развивала жара.

Микрофон особого устройства с рядом усилителей доносил до доктора и его ассистентов малейший звук. Микрофон был снабжен приспособлением, которое давало им возможность прислушиваться пожеланию или к звукам вращающегося факела, или к шуму лавы, или, выключать и тот, и другой звук.

Благодаря этому приспособлению, они могли слышать и всевозможные другие, самые слабые шумы. Это была необходимая предосторожность, так как доктор не имел понятия, как глубоко шла „жила“, и было бы в высшей степени опасно пробуровать насквозь до пропасти, находящейся внизу.

Не было сомнения, что дальше должна была быть пустота. При пробурывании скалы раздавалось эхо, точно в пустоте пещеры. Эти звуки напоминали удары в барабан.

Все глубже и глубже уходил факел в недра земли, пока накаливание не стало так сильно, что доктор Хэкенсоу приказал остановить атомную энергию факела.

— По звукам можно судить, что внизу не больше, чем на фут твердой скалы,—сказал он,—а потом мы попадем в открытое пространство. Лучше установить теперь бриллиантовый буров, так, чтобы пробить небольшую дыру в пропасть.

Не успел он сказать, как работа началась. Факел был разъединен и, после охлаждения скалы, маленький бриллиантовый буров начал пробивать последние несколько дюймов „жилы“. Работа подвигалась быстро, как вдруг произошло сильнейшее всасывающее движение воздуха, и бриллиантовый буров втянуло со свистящим звуком в отверстие. Только ступка не дала бурову провалиться.

— Вот так история!—воскликнул доктор Хэкенсоу.—Там, внизу, местная пустота. Прежде, чем мы смо-

Микрофон особого устройства доносил малейший звук.

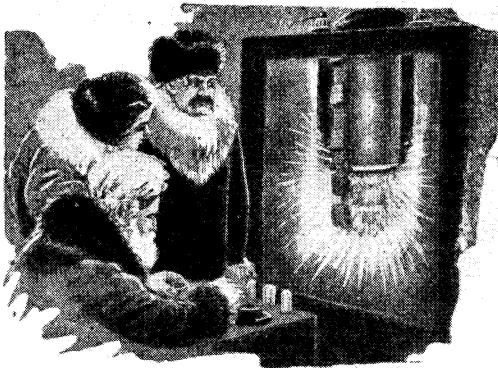
жем сделать что-нибудь другое, мы должны запереть воздух вокруг рабочего помещения. Затем, выпуская этот воздух, будет возможно вытащить буров и бросить вниз бомбу, чтобы убедиться в глубине пропасти.

Эта работа заняла несколько дней, но, в конце концов, все было готово. Буров был вынут и, по знаку доктора, Пеп нажала кнопку, после чего в яму упала маленькая бомба.

Все напряженно ожидали. Прошла целая минута, потом другая, третья, и минуты медленно ползли одна за другой. Наконец, когда доктор только что хотел сказать, что бомба, вероятно, почему либо не взорвалась,—в усилителе ясно раздался звук взрыва.

— Соображаясь с временем, которое было необходимо звуку, чтобы дойти до нас,—воскликнул доктор Хэкенсоу,—эта пропасть должна иметь в глубину более ста миль.

Глава III.

Атомный буров начал действовать...

— Эта пропасть в сто миль глубиной избавит нас от большой работы, но она же заставит нас немедленно изменить наши планы,—продолжал доктор Хэкенсоу.—Очевидно, в этой пропасти есть частичная пустота и нашим первым шагом будет точное определение степени этой пустоты. К счастью, это будет легко, потому что у меня с собой несколько гейслеровских трубок, так устроенных, что воздух можно по желанию впускать и выкачивать из них. Я

открою одну из этих трубок и опущу ее в пропасть. Давление воздуха в пропасти и в трубке скоро сравняется. Пропуская электрический ток через трубку и сравнивая флуоресценцию ее с флуоресценцией второй трубки, в которую я могу впустить воздух по желанию, пока обе трубки не будут распространять одинаковое количество света,— я узнаю, что разрежение пропасти совершенно тождественно с разрежением во второй трубке.

Опыт был сделан, но когда получились результаты, доктор Хэкенсоу покачал головой.

— Плотность воздуха там, действительно, очень мала, — сказал он.—С одной стороны это, конечно, преимущество, потому что избавит нас от опасности сильного давления воздуха там, внизу. Но с другой стороны это сделает наш спуск трудным.

— А нельзя ли впустить туда воздух?—спросила Пеп.

— Конечно, и я бы не задумался сделать это, если бы был уверен, что пропасть только в сто миль глубиной. Но я думаю, что она гораздо глубже.

— Но ты, ведь, сказал, что бомба разорвалась на сто миль под поверхностью!

— Да, это так и было. Но она могла удариться о бок этого колодца или могла разорваться от давления воздуха снизу. Но, чтобы сохранить время, мы сделаем маленький опыт. Электрический аэроплан „Стрела“ снабжен съестными запасами на шесть месяцев, а кислородом на три месяца. Поэтому нам нечего опасаться, если мы будем осторожны. Мне нужно будет достать миль двадцать пять легкой, но сильной цепи, прикрепить ее к задней части аэроплана и медленно спуститься на ней вниз, чтобы немножко познакомиться с пропастью. Чтобы помочь делу, я закажу одежду вроде водолазной. Одежда эта будет снабжена присасывающимися сапогами, сделанными по принципу мушиных ног. Присасывание даст возможность хо-

дить вниз по стенам пропасти, не рискуя упасть, так точно, как муха ходит по потолку вверх ногами.

— Ого!—воскликнула Пеп.— Сделай и для меня такие сапоги! Но не будет ли нам трудно держать наше тело вытянутым?

— Нет,—я закажу металлическую сетку, чтобы носить ее под платьем. Тяжесть нашего тела будет, таким образом, поддерживаться не мускулами, а этой сеткой. Конечно, мы не сможем пользоваться этими присасывающимися сапогами, пока в пропасти такой разряженный воздух. Для присасывания необходимо нормальное атмосферное давление. Мы сможем воспользоваться сапогами только, если внизу давление больше, или если я впущу сверху воздух в пропасть.

Глава IV.

Для необходимых приготовлений понадобилось несколько недель, и Пеп уже стала терять терпение. Но однажды доктор Хэкенсоу заявил ей:

— Укладывайся скорее, Пеп, мы в полдень отправляемся в путь. Час спустя доктор и Пеп, в сопровождении Миггса, который должен был исполнять роль пилота на аэроплане, вошли в закрытое помещение, готовые к спуску в кажущуюся бездонной пропасть.

При виде „Стрелы“ и у Пеп, и у Миггса вырвался крик удивления. Вокруг задней части небольшого веретенообразного аэроплана было прикреплено несколько длинных щупалец. Ниже был второй ряд таких же приспособлений.

— Для чего эти лапы?—удивленно спросила Пеп.

— Они будут служить тормозами,—объяснил доктор Хэкенсоу.— Так как в этой части пропасти нет воздуха, то наш аэроплан полетел бы вниз с ужаснейшей быстротой.

— Но я думала, что аэроплан будет сдерживаться цепью?

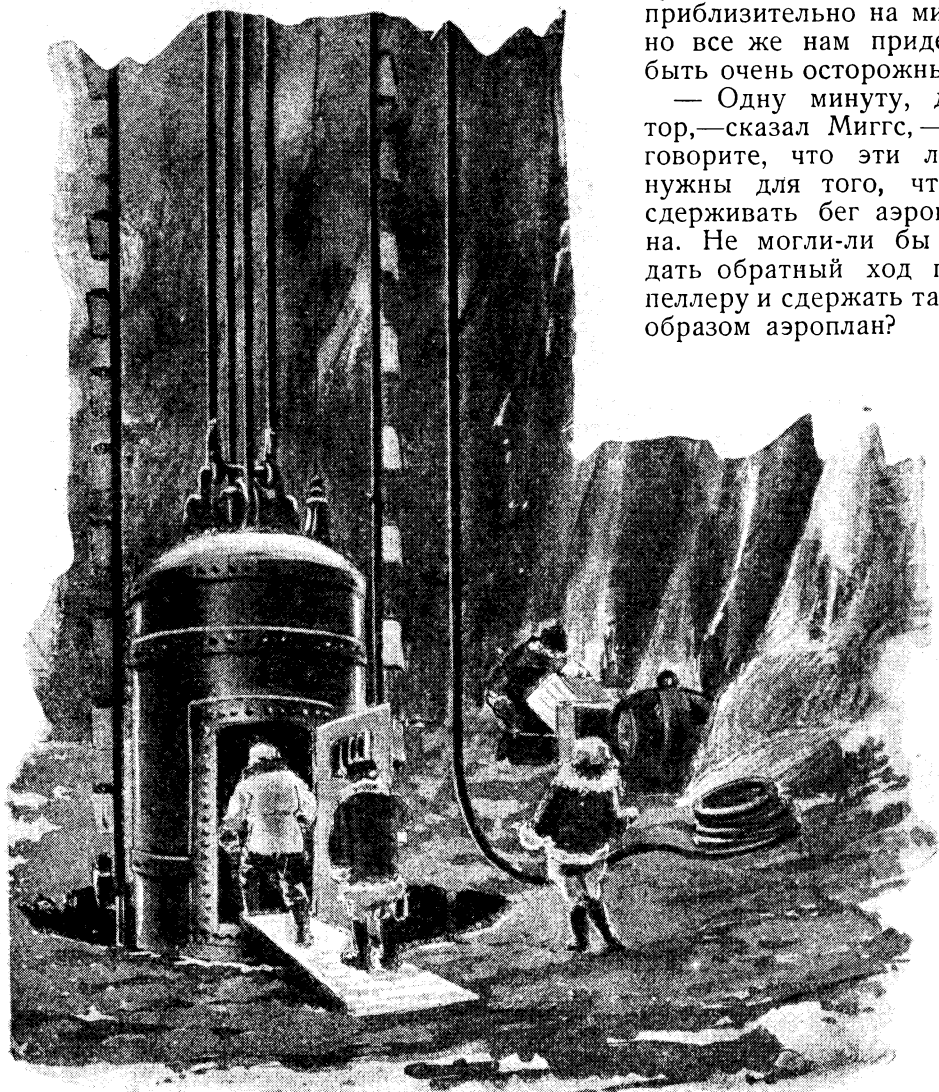
— Да, на короткое расстояние хватит цепи. Но мы не можем долго надеяться на цепь и скоро должны

будем остаться без нее. Я теперь убедился, что эта пропасть представляет собой узкий колодец среди скал. Когда мы начнем спускаться, я упрусь этими металлическими лапами в стенки колодца и смогу, таким образом, задерживать или совершенно приостанавливать, по желанию, наш бег. Электрический уравниватель будет автоматически уравнивать силу давления каждой из лап на стенки колодца, так что спуск наш будет ровный и без толчков. Электрические охладители не

дадут лапам слишком разогреваться от трения об скалы. Если одна из этих лап износится или получит повреждения, она автоматически заменится снизу другой лапой.

Но нам некогда стоять здесь и разговаривать. Нам пора усаживаться в аэроплан, потому что нам предстоит долгое путешествие, и я не решусь развивать слишком большую скорость. Это будет не увеселительная поездка, так как мы, ведь, исследователи! На аэроплане имеется великолепный прожектор, который будет освещать нам путь приблизительно на милю, но все же нам придется быть очень осторожными.

— Одну минуту, доктор,— сказал Миггс,— вы говорите, что эти лапы нужны для того, чтобы сдерживать бег аэроплана. Не могли-ли бы вы дать обратный ход пропеллеру и сдержать таким образом аэроплан?

Все трое вошли, готовые к спуску в бездонную пропасть...

— Конечно, я мог бы это сделать, если бы в колодце было нормальное давление воздуха. Но тут так мало воздуха, что пропеллеру не с чем было бы бороться. Нельзя толкать аэроплан назад, если нет воздуха и вообще чего-то, против чего его можно толкать.

— Отлично! — сказал Миггс. — Я это понимаю и вижу теперь, что без этих лап мы просто провалились бы в колодец. С помощью лап мы можем благополучно спуститься вниз, но, если мы не можем использовать пропеллер, как же мы потом поднимемся?

Глава V.

Доктор Хэкенсоу улыбнулся словам юноши:

— Не бойтесь, Миггс, — сказал он. — Мне не больше, чем вам, хочется остаться на дне этой ямы в сто миль глубиной без всякой возможности подняться обратно наверх. По моему мнению, не так уж легко будет спускаться, но нам уж и не так трудно будет подняться.

— Как вы это сделаете?

— Очень просто. Все наше горе в том, что в колодце почти нет воздуха. Понятно, какое здесь требуется лекарство. Когда мы захотим вернуться, нам необходимо будет впустить сверху воздуха. Я условился с моим агентом, мистером Самом, что он постепенно будет впускать воздух, когда мы отправимся в обратный путь. Если будет возможно, я извещу его по радио, когда начать впускать воздух. В случае, если с нашим радио-аппаратом произойдет какое-нибудь несчастье, он сам должен впустить столько воздуха, что наш аэроплан на обратном пути будет все время находиться в атмосфере давления около пятнадцати фунтов на квадратный дюйм. В такой атмосфере наш пропеллер легко может поднять аэроплан, и мы благополучно вернемся. Если впустить черезчур много воздуха, давление внизу может стать слишком велико и причинить нам неприятности.

— А как же узнает мистер Сам, где находится аэроплан и какое он оказывает давление?

— Аэроплан сам по себе является большим подвижным магнитом и с помощью одного приспособления, его расстояние от земли указывается на особенно чувствительном гальванометре в конторе мистера Сама. Но оставим теорию и вернемся к практическому вопросу. В аэроплане нас будет трое, и мы по очереди должны исполнять роль пилота. Каждый из нас будет два часа управлять аэропланом и затем отдыхать четыре часа. Пилоту очень мало дела, потому что все устроено так, что действует механически. Но благоразумие требует, чтобы кто-нибудь был всегда настороже. Наш прожектор показывает путь впереди гораздо больше, чем на милю. Для наблюдений имеется матовое стекло, чтобы пилота не ослепляли быстро мелькающие мимо ярко освещенные стенки колодца. Но я полагаюсь не на одного пилота. У меня есть приспособление, обеспечивающее нашу безопасность. Впереди на аэроплане имеется электрический гонг, который будет звонить во все время нашего спуска. Это будет иметь для нас очень большое значение.

— Но для чего же нам нужен гонг? — в недоумении спросил Миггс. — Вы же не можете думать, что нам на встречу будет подниматься другой аэроплан?

— Нет, но я боюсь встретить какое-нибудь препятствие, неожиданный поворот или закрытый дальше путь.

— Но какую же пользу здесь может оказать гонг?

— С помощью параболического рефлектора я бросаю звук прямо перед аэропланом. Если впереди не будет препятствия, не будет и эхо. Если же на пути окажется что-нибудь, звуковые волны отразятся к нам и предупредят нас об опасности. Звуковые волны не только будут бить тревогу, но автоматически будут действовать на лапы и задерживать скорость аэроплана. Но чтобы быть уверенными вдвойне я,

кроме того, направляю перед аэропланом ультрафиолетовый луч, который будет действовать таким же точно способом. Когда этот луч встречает на своем пути препятствие, он отражается обратно и действует на фото-электрическую камеру, тоже начинающую бить тревогу и действующую на лапу. Это приспособ-

ление слабее предыдущего, но у него есть преимущество скорости, приблизительно в миллион раз. Но мы теряем время. Теперь все готово к отправлению. Я первый сяду у руля, вы сможете следить за мной и видеть, как действуют все приспособления. Я посоветую вам лечь на раскидных креслах, потому что, когда аэроплан будет развивать скорость, вы испытаете странное ощущение, похожее на то, когда вы спускаетесь на подъемных машинах. Эти кресла устроены так, что им можно придать любое положение. Как видите, такое же кресло имеется и для пилота. Ну, что же, вы готовы? Да? Так я нажимаю кнопку и мы опускаемся!

Глава VI.

Аэроплан вздрогнул и медленно начал спускаться в бездонный колодец на цепи, которая постепенно разматывалась.

Доктор понемногу увеличивал скорость. Лапы уже были испытаны несколько раз, но от их правильного действия зависело так много, что

доктор подверг их ряду новых, более серьезных испытаний. Он давал аэроплану падать короткое расстояние в бездну, потом быстрым движением пускал в ход лапы. Он ликовал, видя, как они сразу приостанавливали спуск аэроплана без всякого видимого напряжения. Пассажиры страдали больше, чем лапы, и Пеп даже раз сбросило с кресла на пол. Но она встала со смехом и заявила, что доктор сделал это нарочно.

Успокоенный тем, что все в полном порядке, доктор Хэкенсоу увеличивал быстроту и аэроплан падал вниз уже со скоростью сорока миль в час.

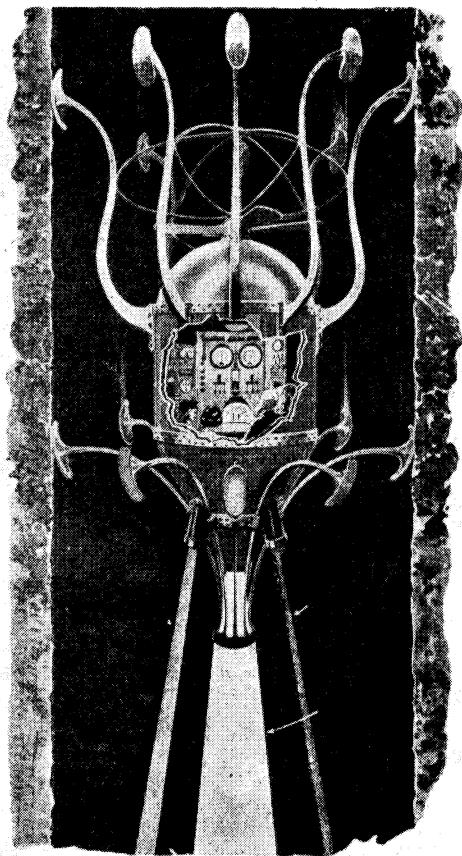
Несколько часов спустя инструменты указали, что достигнута глубина в восемьдесят миль и что воздух не был там редок, как вначале.

— Теперь нам придется быть осторожными, — сказал Миггс. — Колодец этот глубиной всего в сто миль, и мы ударимся о его дно через полчаса.

— Об этом нечего беспокоиться, — ответил доктор. — Колодец должен быть еще в несколько сот миль глубиной.

— Почему вы так думаете? Ведь вы же нам сказали, что упавшая вниз бомба разорвалась на глубине ста миль?

— Это так и было. Но взрыв, вероятно, был результатом быстроты ее падения. Она не летела вниз спокойно, как мы, со скоростью сорока миль в час, а быстрота ее падения все усиливалась. Давление

Аэроплан начал медленно опускаться в бездонный колодец...

воздуха впереди способствовало отклонению назад детонатора и это было причиной взрыва бомбы.

— Но почему вы думаете, что мы еще далеко от дна колодца?

— Потому, что воздух, который становится немного плотнее, не отражается к нам обратно. Если бы дно колодца было всего в нескольких милях, мы должны были бы чувствовать более сильное давление или дуновение, чем то, которое указывают наши инструменты. Я так уверен в том, что дно еще далеко, что увеличу нашу скорость до ста миль в час.

— Хорошо, только действуй осторожно,—сказала Пеп, которой не хотелось упасть еще раз.

Скорость постепенно увеличивалась и наши друзья стали замечать, что тела их приобретали какую-то легкость по мере увеличения быстроты. При ускорении до тридцати двух футов в секунду, они потеряли бы весь свой вес и стали бы витать в воздухе. Конечно, быстрота увеличивалась с очень большой постепенностью, и потеря в весе, хоть и заметная, чувствовалась, вернее, как какая-то неловкость, а не как ощущение легкости.

— Теперь, Пеп,—сказал доктор Хэкенсоу,—когда впереди у нас, вероятно, однообразное путешествие, ты могла бы послушать радио-концерт с одной из рассеянных повсюду станций.

Глава VII.

Аэроплан отправился в путь в восемь часов утра, чтобы впереди был долгий день для исследований, хотя в колодце не было разницы между днем и ночью и путешественники могли, по желанию, тушить и зажигать электричество.

Музыка прервала однообразие путешествия и коротать время помогли карты, шахматы и писание писем, которые потом хотели передать по радио. Пеп решила послать своим лучшим друзьям весточки из центра Земли, если удастся достигнуть этой точки.

Время шло и путешественники стали чувствовать, что вес их делается заметно меньше. Пеп весила нормально сто двадцать фунтов. Теперь же, свесившись на весах в аэроплане, она увидела, что весит всего сто фунтов и вес ее с каждым часом все уменьшался.

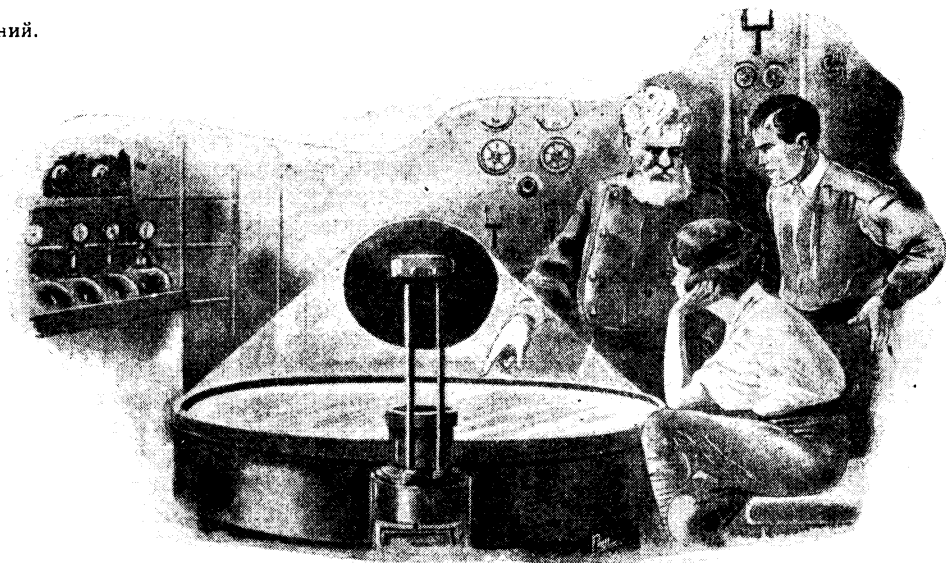
Другим признаком, что они приближались к центру Земли было то, что давление лап на стенки колодца постепенно ослабевало. Миггс спросил доктора о причине этого.

— Видите-ли, Миггс,—объяснил доктор Хэкенсоу,—я так установил скорость аэроплана, чтобы она автоматически была сто миль в час. Развивать большую скорость было бы рискованно. Когда мы спускаемся с большей скоростью, чем сейчас, лапы автоматически прижимаются плотнее к стенам и задерживают движение. С другой стороны, когда скорость наша меньше ста миль в час, лапы автоматически слегка ослабевают, позволяя нам падать с большей быстротой.

— Но почему же быстрота уменьшается с приближением к центру Земли? Я всегда думал, что быстрота будет все увеличиваться к центру Земли и начнет уменьшаться только, когда мы пройдем центр.

— Так и было бы, Миггс, если бы наш аэроплан свободно падал в трубе, лишенной воздуха. Достигнув центра, мы летели бы с ужасающей быстротой. Но так как лапы регулируют скорость аэроплана и скорость эта держится все время на ста милях в час, а сила тяготения уменьшается с каждой секундой, то аэроплан стал бы постепенно замедлять бег и остановился бы, если бы я не освободил немножко лапы. Нас задерживает еще одно обстоятельство—это, что воздух становится плотнее. Сейчас шесть часов,—кстати сказать, обеденное время,—и мы уже спускаемся десять часов. Конечно, мы вначале спускались медленно, но теперь мы уже пролетели почти девятьсот миль. Если вы взглянете на воздухомер, вы увидите, что воздух в колодце стал заметно плотнее. Мы уже прибли-

Прожектор показывал путь на милю вперед...

жаемся к нормальному атмосферному давлению в пятнадцать фунтов на квадратный дюйм.

Миггс взглянул на простой воздухомер, указывавший это давление. Он представлял собой ящичек. С одной стороны этого ящичка клапан впускал воздух из колодца, с другой—воздух из аэроплана. Между воздушными струями качалась взад и вперед и обозначала давление тоненькая палочка, прикрепленная к ящику, толкая в свою очередь стрелку на циферблате.

Путешественники принялись с аппетитом за обед. Теперь каждый из них исполнял обязанности пилота только по пяти минут, чтобы всем вместе насладиться обеденным перерывом. Им приходилось двигаться с предосторожностями, так как тело их настолько потеряло в весе, что слишком резкое движение заставило бы их подпрыгнуть высоко в воздухе. И действительно, бедная Пеп случайно подпрыгнула так высоко, что ударила по голове доктора Хэкенсоу и повалила его. К счастью, его легкий вес не дал ему ушибиться.

— Если бы мы свободно падали вниз и в трубе было бы полное отсутствие воздуха,—объяснил доктор,—мы бы не имели веса во все время пути, потому что нас самих притягивало бы не сильнее, чем са-

мый аэроплан. Но при настоящем положении вещей, мы не потеряем совершенно нашего веса до тех пор, пока не остановимся в центре Земли. Теперь же наш вес зависит от трех факторов: 1) от быстроты аэроплана, 2) от увеличения скорости, произведенной тяготением в точке, которой мы достигли; 3) от плотности воздуха в колодце.

— Как же влияет на наш вес плотность воздуха в колодце?—спросил Миггс.

— Это задерживает аэроплан, но не задерживает наши тела. Это увеличивает наш вес или увеличивало бы его, если бы аэроплан свободно летел в колодце.

После обеда доктор Хэкенсоу снова осмотрел приборы и стал делать вычисления. Результаты, видимо, привели его в недоумение. Думая, что он ошибся, доктор снова проделал все сначала, но результаты, видимо, были все те же.

— В чем дело?—спросила Пеп.

— Не знаю, но что-то не в порядке. Мы находимся сейчас на глубине тысячи двухсот миль под землей, а вес наш гораздо меньше, чем он должен был бы быть в этой точке. Что-то не так, разве только...,—он помолчал в нерешительности, потом глаза его взволнованно засверкали.

— Я понял!—воскликнул он.— Я теперь понял все! Я понял, почему мы сейчас почти ничего не весим! Я понимаю и то, что смутило меня в наблюдении над радио, когда мы посылали волны через центр Земли от поверхности к поверхности. Но если мои предположения верны, то никто еще и не подозревал, что за удивительное место центр Земли.

Глава VIII.

Все ниже и ниже спускался аэроплан на пути к центру Земли. Автоматические лапы уже не давили на стенки колодца, чтобы задержать скорость спуска. Вместо этого доктор заставил пропеллер вертеться в обратную сторону, так как воздух в колодце достиг теперь больше чем нормальной плотности, и пропеллер легко мог затормозить быстроту спуска или даже совершенно задержать аэроплан. Доктор Хэкенсоу сделал испытание и был в восторге, что пропеллер мог теперь даже поднять аэроплан вверх. Автоматические лапы стали ненужны и их убрали до тех пор, когда они снова понадобятся.

Миггс был очень заинтересован машиной, которая была электрической в том смысле, что пользовалась атомную энергию, как моторную силу. Механизм был так же прост, как и действенен. Сила получалась от разложения молекул песка.

Песок сначала превращали в порошок невероятной тонкости. Эта пыль стояла в воздухе; через комнату быстро проводилась клейкая нитка, состав которой держался в секрете доктором Хэкенсоу. Нитка проходила потом над разогретыми поверхностями, которые высушивали ее и уже высушенную нитку наматывали на катушку, как обыкновенные швейные нитки.

Доктор Хэкенсоу заготовил все это в Нью-Йорке и захватил с собой несколько катушек с такими нитками, которые должны были служить для добывания тепла, света, холода и т. п.

Разложение частиц пыли, находящихся в нитке, производилось электрическим током невероятной силы. Раз начатое разложение автоматически переходило от одной пылинки к другой. В принципе это было—как газовый рожок, который только надо зажечь; потом уже раз зажженное пламя пожирает новый газ, который течет из рожка.

Доктор начал процесс разложения, покидая поверхность Земли, где легче было иметь нужную ему большую силу тока. Это очень упрощало снабжение аэроплана двигательной силой, которое состояло, главным образом, из приспособлений для вращения пропеллеров.

Доктор Хэкенсоу наблюдал за путемером и за тяжестью, подвешенной к весам. Наконец, он воскликнул:

— Пеп, хочешь почувствовать, что это такое—не иметь совсем веса?

— Конечно, Поп,—ответила девушка и Миггс вторил ей.

— Отлично, так я сейчас остановлю аэроплан, потому что, если я не ошибаюсь, мы достигли точки, где у нас не будет никакого веса.

— Как же это может быть?—спросила Пеп.—Путемер показывает, что мы прошли всего тысячу пятьсот миль, а ты говорил мне, что центр Земли находится на глубине четырех тысяч миль. Мы не можем еще быть вблизи него!

— Правильно!—согласился доктор Хэкенсоу,—это загадка, которую вы скоро сами разгадаете. Пока же мы сделаем короткую остановку ради развлечения.

Аэроплан, равномерно спускавшийся со скоростью ста миль в час, стал постепенно задерживаться, пока окончательно не остановился.

Еще задолго до остановки трое друзей стали замечать, что вес их постепенно уменьшается и они должны были держаться за специально сделанные ручки, чтобы какое-нибудь движение не заставило их разлететься в разные стороны.

Легкость их тел ускоряла все их движения. Мускульная сила их не

уменьшилась, а руки и ноги потеряли свой вес, поэтому всякое движение ног или рук было раз в шестнадцать быстрее, чем на земле, где ему противопоставлялось тяготение. Результаты получались в высшей степени комичные.

Как только остановился аэроплан, Миггс захотел убедиться, что он, действительно, потерял вес и сделал прыжок кверху. Тут случилось нечто совершенно неожиданное для него. Вместо того, чтобы подняться прямо кверху, он несколько раз быстро перекувырнулся в воздухе, потом его сильно подбросило к потолку и стало швырять вниз и вверх, пока Пеп, крепко держась рукой за кресло, которое было прикреплено к аэроплану, как и все остальные предметы, не поймала его другой рукой.

Книга, которую Пеп читала и небрежно бросила на столе, вздрогнула от легкого толчка, когда аэроплан остановился, или, может быть, от легкого ветерка, поднятого движениями путешественников, и медленно стала подниматься к потолку. Чтобы поймать книгу, Пеп поплыла за ней по воздуху. Она старалась размерять свои движения, но руки ее двигались скорее, чем если бы она плыла в воде. Поймав книгу, она необдуманно протянула руку, чтобы защитить голову от удара об потолок, но она слишком сильно оттолкнулась от потолка и стала кувыркаться по комнате, хоть и не так быстро, как Миггс.

Так как она оттолкнулась по диагонали, ее не стало швырять сверху вниз и обратно, а от потолка она отлетела к стене, потом к полу, к противоположной стороне, и снова к потолку, и Пеп кружилась, все время кувыркаясь, при этом довольно грациозно, но совсем неженственно.

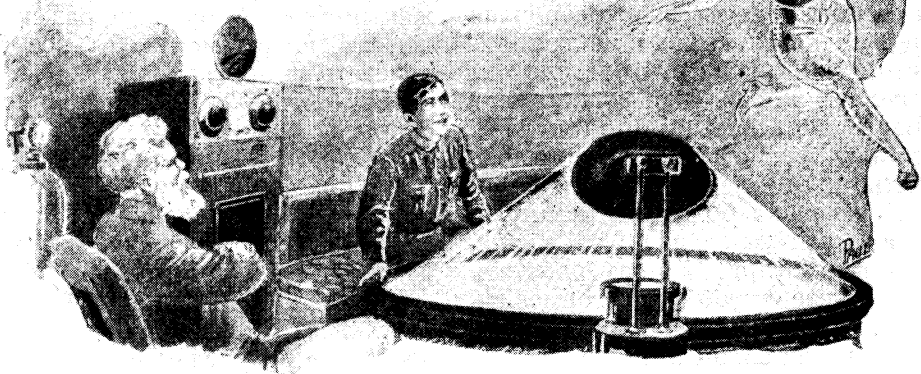
Доктор Хэкенсоу, смеясь, смотрел на нее и, зазевавшись, выпустил ручку, за которую держался, и стал кружиться в воздухе, делая забавные акробатические движения.

Наконец, Пеп поймала доктора и, держа его за руку, ухватила на лету за кресло и так задержала захватывавший дух полет.

— Еще счастье, что мы нашей гимнастикой не сломали какой-нибудь стеклянный прибор,—задыхаясь сказал доктор.

— Но как же могли бы их сломать?—спросил Миггс.—Ведь, у нас нет веса, значит, мы и не могли бы сломать, как бы сильно ни ударились об них. Это все равно, что пробовать сломать их, бросая в них перышком.

— Не думайте этого, Миггс,—ответил доктор Хэкенсоу.—Если бы вы ударились об один из этих приборов, он разлетелся бы на мелкие кусочки. Хоть у вас и нет веса, но масса ваша такая же, как и на земле, и я дрожу при одной мысли, что случилось бы, если бы кто-нибудь из нас

Пеп танцевала в воздухе новый танец „Воздушный Вихрь“...

ударился об эти приборы. Я вижу, что вы потираете голову, значит, вы имеете доказательство того, что даже не вся ничего, вы можете давать и получать здоровые удары, если налетаете на какой-нибудь предмет.

Глава IX.

— Посмотрите на меня одну минутку,—крикнула Пеп,—и я покажу вам новейший танец „Воздушный Вихрь“.

С этими словами она медленно и осторожно выплыла на середину помещения, старательно умеряя силу своих движений, и, медленно кружась, стала танцевать в воздухе нечто вроде восточного танца. То она стояла прямо в воздухе, то принимала горизонтальное положение, то переворачивалась головой вниз, но руки и ноги подражали позам египетских и других восточных танцовщиц, в то время, как она аккомпанировала себе пением. Постепенно движения ее стали быстрой. Она все скорее и скорее вертелась, пока движения ее не приобрели скорости ветряной мельницы. Наконец, она прекратила, задыхаясь, танец, но все еще продолжала кружиться, пока не остановила это движением в противоположную сторону.

— Ого! Вот это был танец!—весело крикнула она.—Это танец моего собственного изобретения, но он побивает все танцы, которые я до сих пор видела!

Как только кончился танец, доктор Хэкенсоу сделал несколько наблюдений, чтобы убедиться, что аэроплан теперь, действительно, в центре притяжения. Потом он снова пустил в ход пропеллер и аэроплан двинулся.

Лапы больше не были нужны, наоборот, всю работу пришлось делать пропеллеру, так как аэроплан не падал больше в бездну, и когда миля следовала за милей, пропеллеру приходилось работать все сильнее, чтобы не тормозить скорости, так как аэроплан теперь влекло назад силой притяжения.

Вес тела был еще так незначителен, что Пеп и Миггс забавлялись

разными фокусами. Сначала Миггс столкнул Пеп на пол а в отместку ему она схватила его за ногу, закрутила над головой и швырнула о потолок. Он стукнулся о потолок и несколько раз пролетел, кувыряясь, вокруг помещения, прежде, чем ему удалось остановиться.

Доктор Хэкенсоу объяснил им тут, что если бы в аэроплане не было воздуха и аэроплан стоял бы в центре Земли, ни одно движение человека, висящего в воздухе, не заставило бы его достигнуть потолка, пола или стен. Он мог бы кружиться, если желал, но не мог переместить свой центр тяжести, так как ему не от чего было бы оттолкнуться. Действие невозможно, когда нет соответствующего противодействия.

— Если бы Миггс был вместе с тобой в воздухе,—объяснял доктор,—ты могла бы толкнуть его и толчек отбросил бы его к одной стене, а тебя к другой. Иначе ты бы умерла с голоду, если бы даже и было вдоволь еды в шкафу. Ты не могла бы добраться до шкафа.

— Готов держать пари, что я добрался бы до стены! сказал Миггс.

— А как бы вы это сделали?

— Я бы снял пиджак и бросил бы его к противоположной стене. Пиджак перелетел бы к одной стене, а меня бы оттолкнуло назад и я добрался бы таким образом до другой стены.

— Bravo, Миггс!—воскликнул доктор.—Это очень умная мысль и вы, конечно, с успехом выполнили бы ее. Если ваш пиджак весит пять фунтов, а вы весите сто фунтов, пиджак полетит в двадцать раз скорее, чем вы, но вы могли бы все таки долететь до противоположной стены, если вас только не остановило бы сопротивление воздуха.

— Если бы оно меня остановило, я швырнул бы в ту же сторону и мои брюки!—воскликнул Миггс и это героическое решение заставило разсмеяться и доктора, и Пеп.

Вес тела в аэроплане становился все тяжелее. Скорость спуска постепенно увеличивалась, пока измеритель скорости не стал показывать сто миль в час. Давление

воздуха в колодеце в центре притяжения было более пятидесяти футов на квадрат. Это превышало бы нормальное давление больше, чем в три раза, но воздухомерный прибор показывал, что давление стало уменьшаться.

Доктор Хэкенсоу обратил внимание Пеп на это обстоятельство и показал ей, как это подтверждало указания весов.

— Все говорит о том,—что мы достигли центра притяжения, когда мы были всего на тысячу пятьсот миль под землей. Там тела потеряли весь свой вес и воздух стал гуще под большим давлением, так как воздух сверху и снизу давил к центру притяжения.

— В таком случае,—сказала Пеп,—диаметр Земли от полюса до полюса может иметь только три тысячи миль!

— Нет, Земля имеет восемь тысяч миль в диаметре. Об этом не может быть никакого спора. Люди совершали кругосветные плавания и ученые тщательно вымеряли длину градуса долготы. Другие наблюдения подтверждают эти результаты. Нет сомнения в правильности формулы: восемь тысяч миль составляют диаметр Земли.

— Так чем же ты объясняешь, что тела потеряли свой вес на глубине полутора тысяч миль?

— По-моему, тут может быть только одно объяснение. Центр Земли должен представлять собой пустоту. Земля должна представлять собой пустоту, окруженную корой или скорлупкой толщиной в три тысячи миль. Это объяснило бы все и согласуется с радио-наблюдениями, сделанными мной прежде, чем пуститься в путь. Как я уже вам говорил, я отправил несколько кораблей в кругосветное плавание, причем каждый корабль из своей пары следовал за другим по большому кругу, всегда точно оставаясь напротив своего двойника, т. е. в ста восьмидесяти градусах от своего спутника-корабля. Эти корабли посылали радио волны один другому прямо через центр Земли. Сводя результаты этих наблюдений, я убедился, что

в центре Земли должна существовать огромная пустота, быть может, наполненная воздухом или другим газом. Теперь я более, чем когда-либо, укрепляюсь в этом убеждении, но если колодец, в котором мы находимся, ведет к центральной пустоте, как это кажется мне, то мы узнаем правду приблизительно через день.

— Но, сказала Пеп,—если Земля и пуста в центре, мне кажется, что наши тела должны были весить все больше по мере спуска вниз.

— Вовсе нет,—ответил доктор. Он с некоторыми затруднениями вынул из кармана записную книжку и набросал следующую простую диаграмму:

— Вот суть доказательств, данных Исааком Ньютоном в его „Принципах“, чтобы показать, что тело, находящееся в любой точке пустого шара, не будет притягиваться ни по какому направлению оболочкой, или, вернее, что оба притяжения будут уничтожать одно другое. Пусть *C* будет тело внутри пустого шара и обратите внимание на часть коры *A*, которая притягивает тело в одном направлении. Этой силе будет противопоставлено притяжение с части коры *B*, которая расположена напротив части *A*. Притяжения *A* и *B* пропорциональны поверхностям *A* и *B* и обратно пропорциональны квадратам их расстояний от предмета *C*. Но поверхности *A* и *B* относятся одна к другой, как квадраты соот-

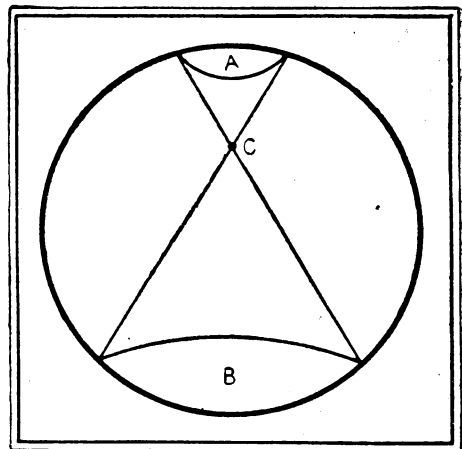

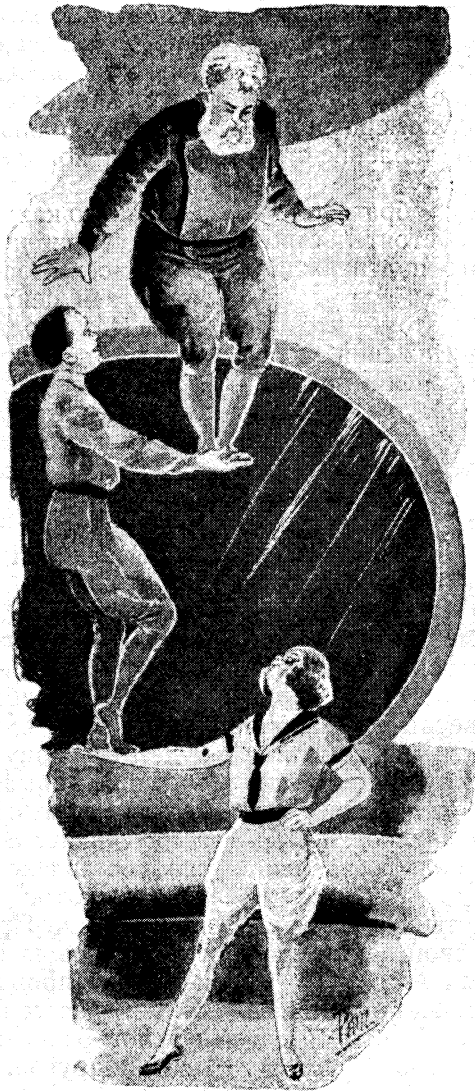
Диаграмма Ньютона.

ветственных линий—из этого выходит, что они относятся одна к другой, как квадраты их расстояний от С. Отсюда ясно, что оба противоположные притяжения совершенно равны и уничтожают одно другое. Если мое предположение правильно и Земля, действительно, пустой в середине шар, мы увидим, когда достигнем этой пустоты, что каково бы ни было положение нашего аэроплана в этой пустоте, мы не будем иметь веса. Там ты сможешь так же легко, как протанцевать свой „Воздушный вихрь“. Но достаточно с вас этой лекции. Я хочу теперь послать мистеру Саму весть по радио и сообщить ему все, происшедшее с нами до сих пор. Когда я кончу, мы сможем послушать по радио последние

новости и „джаз-банд“, чтобы немножко приободриться.

— Поп,—сказала Пеп, когда кончился радио-концерт,—оказывается, что я вешу на этих весах всего пять фунтов. Прежде, чем мы станем тяжелее, я хочу устроить с тобой и с Миггсом маленькое цирковое представление. Не говори „нет“,—ведь, у меня уже никогда, может быть, не будет такого случая.

— Что ты хочешь сделать?

Доктор Хэкенсоу стоял на руке Миггса, который в свою очередь стоял на ладони Пеп.

ный доктор Хэкенсоу покорно позволил поставить себя на кончик носа Миггса, а Пеп удерживала Миггса на своем носу, который слегка приплюснулся от тяжести десяти фунтов.

Все шло благополучно минуту или две, а потом Пеп споткнулась о ножку стола и человеческая башня обрушилась, образуя безславную кучу. К счастью, путешественники весили мало и ни один из них не получил серьезных ушибов.

— Я хочу заняться эквилибристикой. Я хочу держать тебя и Миггса на одной руке. Идите-ка, Миггс, милый, я хочу вас поднять. Теперь стойте вот так на моей руке, пока я подниму доктора. Тогда вы схватите его, поставите себе на правую руку и я, таким образом, буду сразу балансировать вами обоими. Ого! Вот так забавно!

Доктор Хэкенсоу не особенно охотно согласился на этот опыт и минуту спустя стоял на руке Миггса, который в свою очередь стоял на раскрытой ладони Пеп. Молодая девушка нашла, что легко может балансировать ими в таком положении, так как оба они вместе весили около десяти фунтов.

Но Пеп не удовольствовалась этим опытом и ей захотелось удерживать обоих мужчин на носу. Бед-

Окончание в следующем номере.

НА САРАНЧЕ

Очерк В. АРИСТОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Очерком, печатающимся ниже, мы начинаем серию приключений за работой. Вряд ли нужны обширные пояснения к этому новому типу рассказов из действительной жизни, которые, в отличие от чисто художественных беллетристических произведений, мы называем очерками. В сюжет их всегда должно входить: любопытное, занимательное, характерное, сильное, интересное для большинства читателей приключение во время работы, изложенное в форме литературной. Нужно при этом самую работу с ее обстановкой описать так, чтобы это было всем интересно: и тем, кто эту работу знает, и тем, кто слышал о ней мельком и проходил мимо, не останавливаясь...

Приглашаем читателей наших, специалистов в той или иной области, подумав над такими темами и прислав нам подобные очерки, литературно написанные, запечатленные не только знанием дела, но и художественным проникновением.

— Завтра вы отправляетесь в плавку,—сказал заведывающий станцией энтомолог Красиков, — завтра вы должны обязательно выехать, в плавнях появилась саранча... да, саранча!—повторил старик и растерянно провел рукой по блестящей лысине.

Распоряжение относилось к молодому лаборанту—инструктору энтомологической станции Аникиеву.

Майское солнце жаркими лучами заливало маленькую лабораторию станции, весело поблескивало на стеклянных банках, чинно выстроившихся на длинных полках. Под проволочными колпаками на столе угрюмо гудели мохнатые жуки.

Молодой человек развернул измятый бланк телеграммы. В правом углу стояло „В. срочно“. „В приморских плавнях на грядах обнаружены громадные скопления саранчи“. Дальше следовала подпись уездного агронома, и большими красными буквами резолюция заведывающего управлением: „Принять экстренные меры к уничтожению саранчи“.

— Откуда могла появиться саранча?—волновался энтомолог,—год назад мы уничтожили ее всю без остатка, я гарантировал безопасность посевов в губернии по крайней мере на шесть лет, и вдруг... вся репу-

тация нашей станции зависит от этой проклятой саранчи! Если саранча окрылится и обрушится на посева, это значит, что три года нашей работы ни к чему не привели, и мы виноваты, слышите ли: мы!—крикнул старик,—мы проморгали саранчу!

Аникиев принялся внимательно изучать по карте район, куда ему предстояло отправиться. Причудливыми изгибами вилась по карте голубая змейка реки. Голубые штрихи показывали, что по обе стороны от устья, вдоль моря, на сто верст, тянутся плавни, царство топей, воды и тростника.

Пароход отходил утром. Два коричневых от загара грузчика проворно таскали с берега блестящие медные ранцы, потом перекатали по доскам дюжину больших железных балонов с надписью „Осторожно. Яд“.

Подгоняемый сильным течением, маленький пароходик быстро рассекал грязно-желтую воду реки. Пробегали мимо разбросанные там и сям хутора, в густой зелени садов тонули белые хаты казачьих станиц. Длинноногие цапли на отмелях равнодушно смотрели на пробегавший пароход, нисколько не пугаясь. Дикие утки проносились стаями, оглашая воздух своими криками.

Чем ближе к устью, тем ниже и болотистее становились берега. Местами река прорывала плотины на берегу, и мутный клокочущий поток устремлялся в прорыв, заливая поля. Когда наступил вечер, прохладой потянуло от воды и легкий туман поднялся над рекой.

В полночь пароход остановился у конечной пристани. От станицы Гривной до устья оставалось еще шестьдесят верст. Этот путь предстояло сделать на лодках.

Аникиев остался ночевать на пароходе, закутался в суконное одеяло и улегся прямо на палубе. Утром молодой человек проснулся от чьего-то осторожного прикосновения. Аникиев открыл глаза и увидел перед собой благодушную физиономию с длинными, седеющими усами. Физиономия приветливо улыбнулась и не менее приветливо спросила с настоящим хохлацким акцентом:

— Чи не ви на сарану приихали?

Потом физиономия сделалась еще приветливее и уж совсем радостно воскликнула:

— Та це ж Андрей Иванович!

Протерев окончательно глаза, Аникиев узнал объездчика Чугунка. Чугунок был страстный охотник и неутомимый объездчик *), разыскивающий саранчу в самой глубине непроходимых плавень. Он тотчас же принялся рассказывать, как случилось ему во время охоты на кабанов наткнуться на громадную саранчевую стаю. Саранчи, по словам объездчика, была „страшная сила“.

Аникиев, зная некоторую склонность Чугунка к преувеличению фактов, отнесся к этому известию довольно спокойно.

Набрать двадцать человек рабочих среди жителей глухой станички, заброшенной в самую середину приморских болот, было делом довольно трудным. Только обширные родственные связи Чугунка помогли.

На следующее утро шесть рыбацких лодок, тяжело нагруженных людьми, медными аппаратами, мышья-

ковым натром и запасами продовольствия, спустились вниз по реке и, пройдя устье, выгрузились на низком и болотистом морском берегу.

„Борьба с азиатской саранчей ведется путем опрыскивания растительности ядовитыми растворами мышьяковых солей. Саранча, поедая отравленную растительность, — погибает. Так гласил § 1 „инструкции по борьбе с саранчей“.

„Истребление саранчи должно быть закончено до ее окрыления, борьба с крылатой саранчю невозможна“, — так говорил последний параграф инструкции.

Двадцать человек, заброшенных в глухие приморские плавни, ежедневно надевали на спины тяжелые медные ранцы и до вечера бродили в высоких зарослях камыша, обдавая его ядовитой водяной пылью. Надо было торопиться! Двадцать человек с утра до вечера обливались потом и задыхались от тяжелых испарений болот в высоких зарослях тростника, чтобы за сотни верст земледелец был спокоен за свой посев.

Берег моря в этом месте особенно дик и пустынен. К самому морю подступили тростники, узкая песчаная полоса отделяет море от плавень, таких же бесконечных и пустых, как само море.

Когда в потемневших волнах прятался раскаленный шар солнца, тучи комаров наполняли воздух. От них не спасали ни камышевые шалаши, ни едкий дым тлеющей сырой травы, считавшийся у рыбаков самым действительным средством против комариных стай.

Комары были всюду. Они просачивались сквозь легкую ткань палаток-пологов, они забивались в рот, нос, уши людям во время еды. Маленькие назойливые насекомые своими жгучими жалами доводили людей до бешенства.

Объездчик был прав. Необъятные плавни казались насыщенными саранчю. Сплошная, копошащаяся красно-черная масса насекомых облепляла камыши, толстым слоем устилала землю, пожирала всю ра-

*) Для слежки за саранчю на юге нанимают специальных объездчиков.

стительность, какая только попадалась на пути.

Днем, когда в ленивой истоме стыло бирюзовое море и жгучий воздух был неподвижен, гнилью и тлением тянуло от плавень.

Ночью, из-за дальних болот выплывала круглая, красная луна, и пустынный берег моря казался еще пустынее. Перед рассветом глухо стонала в камышах выпь.

Утром Аникиев проснулся с головной болью. Надо было проверить вчерашние работы. По узкой, протоптанной рабочими тропинке, он направился в заросли, где должна была находиться саранча.

Тропинка уходила вглубь плавень, делаясь с каждым шагом все уже и, наконец, тростники совсем сомкнулись над головой молодого человека, закрывши и солнечный свет, и небо. В высоких зарослях было душно, как в жарко натопленной бане, и кровь в висках билась напряженно и тяжело. Инструктор шел наугад, раздвигая перед собою камыш. Тростник начал редеть, и он увидел впереди плоское пространство плавень, лишенное всякой растительности. Два дня назад двадцать рабочих прошли по зарослям, обдавая их ядовитой водяной пылью. Только короткие, обведенные насекомыми пеньки торчали из земли. Это было все, что оставила после себя саранча.

Тяжелый трупный запах исходил от масс гниющей, отравленной мышьяком саранчи. Слой мертвых насекомых в несколько вершков толщиной покрывал землю, ноги вязли в массе разлагающейся саранчи. От страшной вони Аникиев зажал нос и поспешил выбраться из этого саранчового кладбища.

— Если так будет продолжаться, через две недели с саранчей будет покончено и старику Красикову не придется беспокоиться за репутацию станции,—удовлетворенно подумал инструктор, и пересекши по диагонали опустошенное саранчье пространство, снова углубился в тростниковые заросли, направляясь

Красные грозди саранчи облепляли камыш и сыпались на голову, заползали за воротник и в рукава. Рабочие обдавали саранчу ядовитой водяной пылью.

в ту сторону, где, по его расчету, должны были находиться рабочие.

Чем дальше вглубь плавень продвигался Аникиев, тем мягче становилась под ногами почва; местами нога неожиданно проваливалась в бурую, липкую грязь. Эта часть болот кишела саранчю. Красные грозди насекомых облепляли камыш, сыпались дождем на голову, заползали за воротник и в рукава. Повидимому, саранча нахлынула сюда совсем недавно, так как тростник был почти совершенно не тронут страшными челюстями насекомых.

Аникиев сделал еще несколько шагов и вдруг почувствовал, как почва под его ногами расступилась. Он до колен провалился в густую, липкую грязь. Молодой человек попытался вытащить сначала одну, по-

том другую ногу, но в результате еще глубже погрузился в болото. Отчаянная слабость вдруг охватила его и красные круги поплыли перед глазами. Вдохнувши побольше воздуха, он крикнул, но в насыщенной водяными испарениями атмосфере звук получился глухой и слабый. Некоторое время Аникиев прислушивался. Никто не откликнулся, только легкий треск нарушал густую тишину плавень. То работали своими беспощадными челюстями миллионы прожорливых насекомых.

Аникиев припомнил рассказы Чугунка о неосторожных охотниках, которых засасывали в плавнях „прогнои“. Аникиеву сделалось жутко; густая вонючая грязь подымалась все выше и доходила уже до пояса. Молодой человек крикнул еще раз. И совсем неподалеку раздался ответный крик; зашуршали раздвигаемые камыши и невидимый голос по-хохлацки спросил:

— Та де ж ви?

Потом из-за камышей выглянула бородатая физиономия Чугунка.

— Боже ж мій, вони у прогнои залізли! — испуганно воскликнул охотник.

Старик, не теряя времени, быстро нарезал складным ножом целую охапку тростника, соорудил некоторое подобие моста, осторожно приблизился к инструктору и протянул ему руку. Только после нескольких минут усилий удалось старику вытянуть Аникиева из трясины. Вся одежда, лицо и руки молодого человека были измазаны густой, жирной грязью.

— Довго лі чоловіку до біди, — сочувственно качал головою Чугунок.

Нужно было отмыться от грязи и Аникиев направился к морю. Ласково нежила тело теплая вода. Когда молодой человек выходил из воды, новый прилив слабости охватил его.

— Несомненно, это малярия, в таких болотах нельзя не заболеть малярией, — решил инструктор. Голова казалась налитой свинцом и отчаянно ныли суставы. Вечером, ле-

жа под пологом, Аникиев писал доклад заведывающему станцией. Окончив доклад, написал записку на клочке бумаги: „Повидимому, я заболел малярией, на всякий случай пришлите кого-нибудь меня заменить“.

Позвал Чугунка.

— Приготовьте лодку и с двумя рабочими отправляйтесь завтра в станицу за провизией, а этот пакет сдайте на почту. Возвращайтесь обратно скорее, не позже, как через четыре дня.

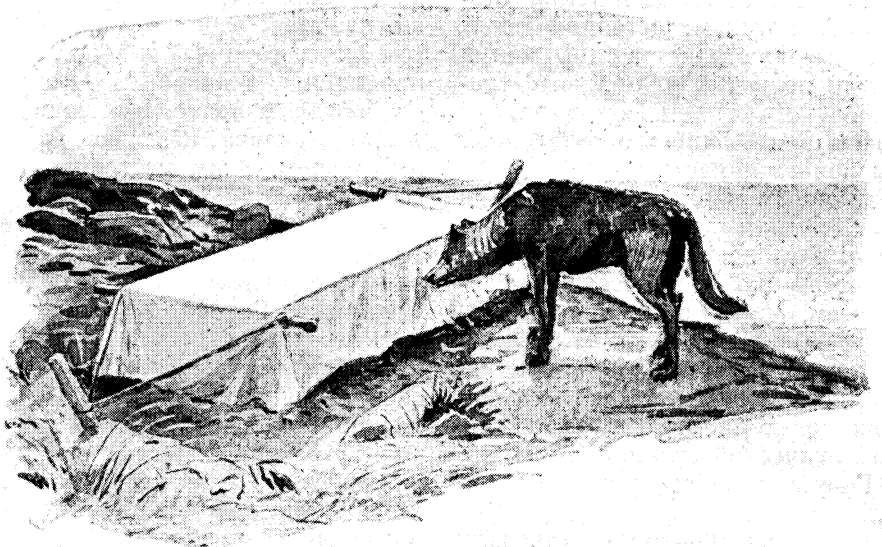
Люди изнемогали в борьбе с насекомыми. Саранча текла сплошным потоком из глубины плавень, пригибая своею тяжестью камыши и заполняя красновато-черной копошащейся массой многочисленные каналы, которыми вдоль и поперек изрезаны плаени. Иногда Аникиев начинал сомневаться в возможности уничтожить этот колоссальный живой поток насекомых.

Приступы головной боли все больше и больше мучили инструктора.

В густых зарослях было невыносимо душно. Пот градом катился по лицам, и рубашки прилипали к телу. Всхлупывала под ногами вода. От дохлой саранчи тянуло густым запахом гнили.

В этот день Аникиев чувствовал себя особенно слабым и едва дождался вечера. Ночью, лежа под низким четырехугольным пологом, он слышал противный, тошнотный запах гниющей саранчи. Сквозь легкую прозрачную ткань полога видны были на небе звезды. Комары черным слоем облепляли полог, гудели и звенели на все лады, стараясь добраться до живого тела спрятанного за легкой тканью. Задремав, Аникиев прислонился к пологу и тотчас же проснулся от жгучей боли: вся сплошь спина его моментально покрылась волдырями от жгучих комариных жал.

Перед рассветом у инструктора начался бред. Ему казалось, что он тонет в массах движущейся саранчи, горячей, как огонь. Он метался под пологом, выкрикивая бессвязные слова. Рабочие спали в пяти шагах, но-

Волк неторопливо обнюхал лежащего под тканью человека и медленно побрел вдоль моря...

утомленные за день тяжелой работой, ничего не слышали.

Аникиев очнулся со страшной слабостью во всем теле. Мучила жажда и горела голова. Сквозь верхнюю часть полога видно было, как гасли звезды и серело небо. Комары звенели уже не так назойливо, как ночью.

Что-то горячее дыхание заставило больного повернуться. Большое животное с острой мордой обнюхивало полог около самой головы Аникиева. Инструктор понял, что это был волк. Волк неторопливо обнюхал лежащего под тонкой тканью человека и медленно побрел вдоль моря. Аникиев несколько не удивился и не испугался волка. Полное безразличие овладело им. Скоро он забылся тяжелым, крепким сном и проснулся только тогда, когда солнце стояло уже высоко и под низким пологом было жарко, как в бане.

— Да, это малярия, несомненно малярия,— рассуждал Аникиев, выбираясь из под полога,— а главное— нет хинина. Какая была неосторожность ехать в эти дебри, не запасшись необходимыми медикаментами! Чугунок вернется через несколько дней, а к этому времени лихорадка окончательно свалит его с ног и некому будет руководить работой. Это

в такой момент, когда дорога каждая минута, когда малейшая неудача и... тучи крылатой саранчи, вылетев из плавень, обрушатся на посевы.

Высокий рабочий, с длинными хохлацкими усами, прервал размышления инструктора.

— А це бачілі?— сказал он,— протягивая руку.

Да, это она, уже крылатая саранча! Серовато-зеленое насекомое, с прозрачными жилковатыми крыльями, отчаянно перебирало ножками, стараясь освободиться из державших его пальцев.

Аникиев отправился в ту часть плавень, которую ему указал высокий рабочий. Сомнения не было: саранча уже начинала сбрасывать темно-красные шкурки и превращаться в крылатых, быстро порхающих насекомых.

Рабочие наполняли ядовитым раствором медные ранцы.

— Голубчики, милые, постарайтесь!— обратился к ним инструктор.

— Да мы что ж, стараемся, аж плечи от аппаратов болят— отвечали рабочие.

До самого вечера Аникиев не выходил из высоких зарослей камыша, показывая рабочим, где именно, нужно опылять растительность, чтобы отравить саранчу.

А саранча все текла и текла безконечным потоком, оставляя после себя голые пространства с торчащими из земли пеньками съеденного тростника.

Ночью опять бились о полотняные стены полога комары, а над большим пустым морем и плоскими плавнями висела круглая луна. Под легким пологом в горячем бреду метался человек, выкрикивая бессвязные слова. Утром, опять поблескивая медными ранцами за плечами, брели к бслотам рабочие и, опираясь на палку, позади всех ковылял на ослабевших ногах инструктор—лаборант энтомологической станции Аникиев.

— Голубчики, вы уж постарайтесь!...

— Постараемся!—хором отвечали рабочие.

* * *

Аникиев очнулся в большой светлой комнате. В недоумении он посмотрел на окно, потом на две чистых кровати, стоящих рядом.

— Что за чорт, куда же это я попал?—вслух сказал он и попытался встать.

Прилив слабости охватил его и он беспомощно опустился на подушку. Аникиев попытался разобраться в том, что произошло за последние

дни. Саранча, да, саранча, потом он, кажется, заболел малярией, потом опять саранча, сплошная красная лавина, а дальше? да, кажется, он лежал в лодке, и солнце жгло так, что голова казалась раскаленным шаром. Этим и ограничивались его воспоминания.

В дверях показалась лысая голова Красикова. Инструктор сделал еще одну бесплодную попытку подняться с кровати. Голова энтомолога укоризненно закачалась.

— Лежите, лежите спокойно,—сказал он, и, указывая на больного женщине в белом, добавил:

— Этот молодец переносил жесточайший тиф, держась на ногах. Его уложили в лодку и привезли сюда, когда он окончательно был без сознания. Он брыкался, как молодой теленок, едва только приходил в себя, и кричал, чтобы лодку поворачивали обратно, так как в плавнях еще осталась саранча.

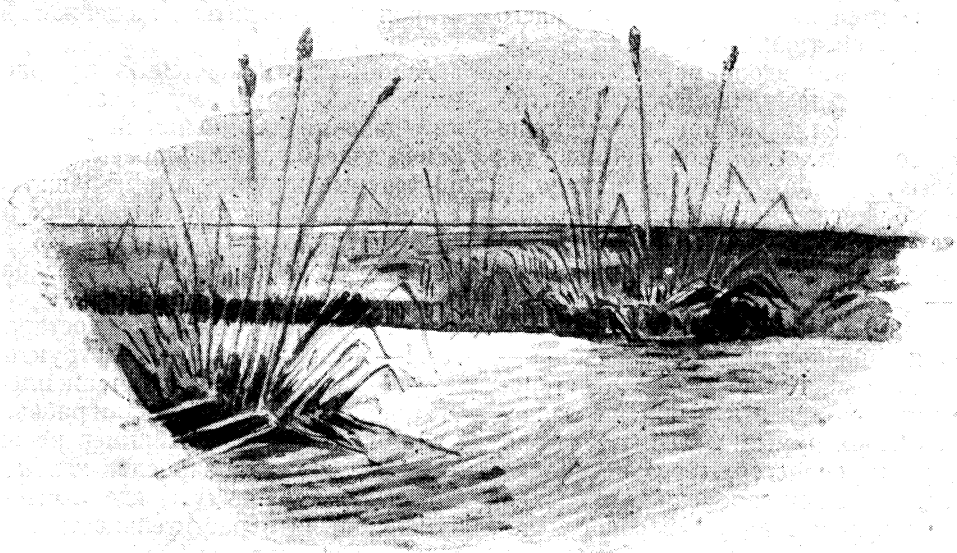
Аникиев беспокойно зашевелился.

— А саранча как?—спросил он.

— Вы уничтожили ее окончательно, разве не помните?—удивился энтомолог.

— Нет!—ответил больной и добавил облегченно, голосом, в котором проскользнула нотка торжества и победы:

— А все же она не полетела!

Автомат среди автоматов

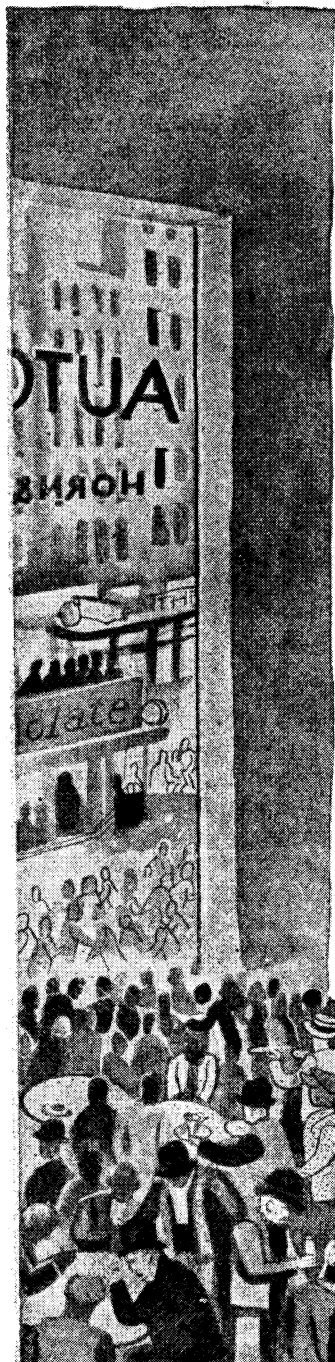
Мы здесь и понятия не имеем о настоящем американском труде, превращающем человека в автомат. Иначе говоря, — наша работа не может даже идти в сравнение с американским темпом и механизацией. Это следует помнить всем, кто еще верит басням, будто улицы Чикаго, Нью-Йорка и других больших городов Америки вымощены долларами и их остается только подобрать.

Безхитростный очерк эмигрантки М. Л. знакомит нас с любопытной закулисной стороной, казалось бы самой обыденной и простой работы. Но в обстановке американской она получает характер почти каторжного труда. Доллары не достаются даром труженику.

По всему Нью-Йорку разсеяны рестораны-автоматы. Я сделала попытку найти работу в одном из самых больших ресторанов этого типа — у Хорна и Хардарта.

Центральная контора для найма прислуги в рестораны.

Приемные. Для мужчин и для женщин. Приемная для мужчин напоминает классную комнату. Стулья расставлены рядами в одном направлении. На возвышении, точно учитель, сидит Всесильный человек, набирающий штат прислуги. Мужчины читают газеты и, видимо, чего-то ждут. Но сразу не поймешь, чего именно они ждут.

Ресторан-автомат.

Всесильный держит в руке телефонную трубку и с промежутками выкрикивает:

— Есть на лицо специалист по салатам? А специалист по сэндвичам?

Никто не отзывается и он сердится:

— Никогда не являются те, кто нужны.

После того, как я напрасно старалась быть замеченной, я ухожу в приемную для женщин.

Эта комната больше похожа на приемную зубного врача, с той разницей, что литература здесь висит на стенах, а не лежит на столах.

Куда ни взглянешь, везде мудрость. На стенах — золотые слова. Время здесь можно провести с большой пользой. Можно, например, прочитать:

„Глупость только тогда, действительно, глупость, когда ее делают во второй раз“ (сообщается, что эта мысль была высказана Линкольном). Не менее воодушевляет и следующая надпись: „Когда ты взволнован, считай до десяти и потом молчи“.

Но я мало воспользовалась этой школой мудрости и даже не успела разглядеть товаров, ожидавших, как и я, своей участи. Всемогущий сошел со своего трона и направился в нашу комнату. На этот раз он выживает из толпы женщин меня и дает мне записку в филиальное отделение ресторана на 14-й улице.

На 14-й улице мне выдают номер и форменное платье, которое вдвое больше, чем мне было бы нужно. Теперь я превращаюсь в номер 12-й.

Меня окружает рой девушек, закалывающих по моей фигуре платье, надевающих мне чепец и передник. Потом мне суют в руку поднос и выталкивают в зал. Теперь я знаю, что я „бёсгерл“¹⁾, то есть я омнибус, который катится взад и вперед по залу, нагруженный посудой. Короче говоря, задача моей жизни теперь убирать со столов посуду.

Я стою с моим подносом, а за окнами шумит, кричит и беснуется 14-я улица со множеством кинемато-

графов, водевильных театров, танцевальных зал, тиров для стрельбы, со всевозможными радио, граммофонами и пианолами, десятками ресторанов и кафе, магазинами, где каждая вещь стоит десять центов и с „еще не бывальными распродажами“. Публику на каждом шагу ждут сюрпризы: в окне магазина мужского платья оглушительно играет оркестр джаз-банд, в окне другого магазина вдруг появляется человек в черной маске и пишет на черной доске: „Хотите иметь успех в жизни? Хотите получить хорошо оплачиваемую работу? Для этого вы должны быть хорошо одеты. А хорошо одеться вы можете только у нас. Войдите! Убедитесь сами!“

А все это множество уличных торговцев! Человек с лицом больного печенью, расхаживающий в самую плохую погоду в одном трико в доказательство своей удивительной методы для укрепления здоровья. Он продает свои собственные произведения о здоровом образе жизни. А вот мушина со спускающимися на плечи волнистыми волосами предлагает незаменимое средство для роста волос. Тут же нищие негрятянки, слепые, и уличные предсказатели. Толпа, движущаяся потоком по улице, состоит из представителей всех наций мира. Но все они в одном и том же темпе гонятся за успехом. С раннего утра и до позднего вечера вся улица волной вливается в ресторан. Но здесь едят не для удовольствия.

Вы можете увидеть в ресторане представителя любой расы, услышать языки всего мира. На столах остаются газеты с еврейским, китайским, греческим шрифтом. А некоторые из них напечатаны такими экзотическими значками, что и не угадаешь, для какого народа печатаются эти газеты. Совершенно неожиданно слышишь саксонское наречие и видишь людей, которые пьют с блюдечка чай, как это делают только русские крестьяне.

И все таки, все эти люди похожи друг на друга, как только могут быть похожи братья. Все они в оди-

¹⁾ бес—омнибус, герл—девушка.

Здесь представители всех рас, языки всего мира... И все похоже друг на друга, как братья.

наковых дешевых костюмах и рубашках, в сапогах, купленных на распродажах, они каждый день едят все тот же самый томатовый суп, те же самые сэндвичи, ветчину с салатом, яйцо с салатом, сыр с салатом. Все эти люди равно тяжело и долго трудятся и все получают одно и то же вознаграждение.

Они едят либо стоя, либо садятся за стол ровно настолько минут, сколько требуется, чтобы снабдить рабочую машину достаточным количеством калорий и витаминов.

Среди этих людей много подростков. Они уже сами зарабатывают свой хлеб. На них форменная одежда разных банков, отелей и торговых домов. Они колеблются, что им выбрать: молочный суп или сливочное мороженое. В большинстве случаев любовь берет верх над разумом. Они едят сливочное мороженое.

Автоматы, автоматы...

Автоматы—это маленькие стеклянные шкафики, хвастливо показы-

вающие свое содержимое. Они равнодушно остаются закрытыми даже перед самым голодным желудком, но зато открываются с легким звоном, если заплатишь известное количество никелевых монеток, соответствующих ценности сокровищ, находящихся в них.

Но за этими автоматами, в узком, жарком проходе, стоят другие автоматы. Они укладывают на тарелки все новые и новые сэндвичи, пирожки и компот. Они наполняют чайники чаем и кофе, распределяют суп, зелень, жаркое.

Мы же,—тоже автоматы,—ходим по залу с нашими тяжелыми подносами и без конца убираем со столов грязную посуду, нагромождающуюся там каждые пять минут.

Совсем внизу, в подвальном этаже, автоматы—негры моют весь день и всю ночь напролет посуду.

Автоматы сидят и в кассе, и меняют 25-ти и 50-ти центовые монеты и доллары на никель. Они выдают никель целый день, целую ночь, все никель и никель...

И среди столов тоже расхаживают автоматы и весь день и всю ночь следят за тем, исполняют ли свой долг автоматы, сидящие за столами и едящие, торопливо едящие.

Мое внимание обратил на себя автомат—женщина, особенно усердно бегающая взад и вперед с высоко поднятым подносом. Она никогда не говорит. Только все носит посуду. Самый настоящий автомат! И вдруг я за автоматом увидела лицо, обыкновенное лицо маленькой мешчанки. Она уже два года в Америке. До сих пор она служила прислугой и, по ее словам, работала, как четыре лошадиные силы. Она тогда много плакала. Ей чужда была Америка, где знают только работу и доллар. Но тут она почувствовала себя, как в раю. Конечно, она соглашается, что рай этот весьма посредственный, но, все же, она тут получает 14 долларов в неделю и может есть сколько хочет. И она усердно работает, чтобы не лишиться этого места.

Есть тут и русская, не говорящая ни слова по-английски. Каждую свободную минутку она вытаскивает из кармана газету.

Маленькая испанка купила себе из недельного жалованья длинные серьги. Это произвело сенсацию. Раз как-то она опоздала на пять минут. Видели, как она стояла на улице с мущиной. Это произвело еще большую сенсацию.

Со временем приобретают лицо и некоторые посетители. Есть даже такие, которые не подчиняются бешеному темпу ресторанной жизни. К большому возмущению управляющего, они сидят целыми часами за чашкой кофе, приносят с собой книги и разговаривают о ненужных вещах. Не о недельном заработке или о своей службе, а о политике и новой литературе. Но по их наружности сразу можно сказать, что они во вред себе игнорируют житейскую мудрость Америки.

Раз как-то случилось, что целая компания сидела за одной чашкой кофе. Управляющий был в негодовании, но некоторое время все же терпел это безобразие. Наконец, терпение его лопнуло, он подошел к этой компании и обратился к ней со следующей речью:

— Милостивые государи, ваша специальность, очевидно, голодать. Нас в таком случае только удивляет, что вы удостаиваете своим присутствием наш ресторан. Если же ваше голодание не являет-

В подвальном этаже автоматы-негры моют посуду дни и ночи напролет...

Целая компания сидела за одной чашкой кофе. Управляющий негодовал...

ся специальностью, а вызвано необходимостью, послушайте меня, бросьте ваши книги и ищите заработок.

Есть еще молодой человек, который всегда читает в то время, как перед ним стоит наполовину допитая чашка кофе. Пока он не съест всего, за что заплатил, его право — сидеть, и никакой управляющий не может его изгнать из этого рая. Но раз как-то по рассеянности он выпил кофе до последней капли. И ему пришлось вести отчаянную борьбу со всеми нами, желавшими взять у него чашку. Судорожно придерживая чашку, он читал „Гражданскую войну во Франции“ Маркса. Он все еще живет в каком-то другом мире.

Иной раз в ресторан приходили и влюбленные парочки. Они сидели и говорили, говорили и сидели.

Все они вызывали во мне симпатию. Мне бывало очень приятно, когда они садились за мои столы. Они пачкали мало посуды.

Негры и негритянки.

У Хорна и Хардarta относятся либерально к неграм. Ведь, на ни-

келевых монетах, спускаемых в автоматы, не видно, спускали ли их туда черные или белые руки.

Тут и работает много негров. Они хорошие работники. Очень выгодно не быть предубежденными против них.

Негритянки, к слову сказать, начинают терять свои расовые признаки. Среди судомоек была только одна, действительно черная, как земля, негритянка. Ее курчавой головы не успел еще коснуться бриллиантин цивилизации.

Иногда видишь очаровательных негритянок. Я как-то раз заметила в ресторане негритянку в кричаще-пестром платье и в шляпе, на которой были все цвета радуги. В этом невозможном для европейской женщины наряде она была настоящей красавицей из девственного мира.

Теперь уж с трудом можно отличить креолку от красивой негритянки. Но у негров есть безошибочный способ узнавать, у кого в жилах негритянская кровь.

В ресторане служила маленькая креолка из Вест-Индии. Она была хорошенькая, но такая темная, что ее принимали за негритянку. И к

Негр любил пофилософствовать...

ней, шутя, применили негритянский способ узнавать чистоту расы. Этот способ состоит в том, что пробуют оттянуть кожу на шее, как у породистых собак. Если кожа не поддается, подвергшийся такой пробе—не чистокровный негр. Негритянки показали, как должно быть у настоящих негров. Они оттягивали кожу, как резину. Маленькая креолка, кожа которой не поддавалась, смотрела на эти фокусы с нескрываемой завистью.

Один негр, знавший много негритянских песен, любил пофилософствовать. Он часто и подолгу говорил о том, что великую разницу между людьми делает не цвет кожи, а деньги. И он всегда приводил примеры, взятые из жизни.

— Негр, правда, не может пойти в каждый ресторан,—говорил он,— а разве вы можете? Попробуйте-ка, пойдите к Ритцу. Или поезжайте путешествовать, или сядьте в театре в ложу. Между теми, у кого всего несколько долларов и между мной очень мало разницы,—говорил он.

Рестораны, обслуживающие массы.

Надо признать, что организовано все удивительно. В одном филиаль-

ном отделении на 14-й улице обедают каждый день десятки тысяч. Можно в любое время получить горячую пищу. Все рассчитано в минутах. И, при этом, помещение, в котором распределяются кушанья, невероятно мало. Кухни в филиальных отделениях, вообще, не существует. Все кушанья—супы, жаркие и зелень,—приготавливаются в центральной кухне. Там же пекутся и различные пирожки и сдобные булки. Там центральное и закупочное место, отсюда удовлетворяются нужды всех 24-х филиальных отделений. Все привозится в филиалы в ящиках, а супы в герметически закупоренных чанах. В филиальных отделениях кушанья только разогреваются.

Все, что доставляется в филиалы, мало учитывается и записывается. Но за служащими следят. Нас окружает, положительно, кольцо наблюдающих за нами. Невозможно хоть на минуту бросить работу и я думаю, что никому из служащих не удалось что-нибудь унести с собой.

Бесконечное время.

Как бесконечно кажется время, когда ходишь взад и вперед, все взад и вперед с тяжелым подносом в руках! Минуты тянутся, не видишь конца часам. Убираешь тарелки, чашки, миски, все снова и снова убираешь. Я себе говорю, что не взгляну на часы, пока десять раз не снесу полный поднос грязной посуды. Я намеренно замедляю работу, иногда мечтательно останавливаюсь. Ноги и левая рука болят невыносимо. Вот я делаю десятый обход столов. Уж наверно прошло не меньше получаса. Смотришь на часы и видишь, что прошло всего десять минут. Это безнадежно!

Иногда бывают маленькие развлеченья. Разбиваешь посуду. Роняешь поднос, полный посуды, или чашки летят к ногам неприветливого управляющего. Но при этом не теряешь ни минуты времени. Не позволено даже остановиться и печалиться над осколками.

Иногда кажется, что больше уже нет сил держаться на ногах. Я просто брошу никелевую монету в автомат, возьму чашку кофе и сяду. Сяду? Ах.. как разыгрывается у человека фантазия, когда он устает. Разве можно сесть! Нельзя себе и представить, чтобы тогда случилось!..

Ночью преследуют тарелки и чашки и я часто вижу во сне, что без перерыва все убираю и убираю посуду.

Я сначала думала, что мне одной так тяжела эта работа. Но я часто слышала, как говорили другие служащие:

— Сегодня день, кажется, никогда не кончится!

— Осталось еще только десять минут... пять минут...

Раз как-то разговорился человек, на обязанности которого лежало подметать пол.

— Тут нехорошо,— сказал он.—Я с трудом тяну эту ляжку. Я работаю двенадцать часов. Сюда надо прибавить полтора часа рабочего отдыха, полчаса на пере-

одевание, час на дорогу туда и обратно. Это выходит в сутки пятнадцать часов. Я никогда не беру себе свободных воскресений. Так тянется непрерывно уже полтора года. В неделю я зарабатываю 31 доллар и еду. Если бы я брал свободный день, я бы получал в неделю меньше и притом должен был бы еще тратиться в свободный день на еду. Зачем я так работаю? Чтобы откладывать. А зачем я откладываю? Чтобы стать самостоятельным. Но тут нехорошо. Тут и света не увидишь. Не знаю, долго ли я выдержу...

Бедный автомат!

Это была прекрасная минута, когда я после отчаянной борьбы получила причитавшееся мне вознаграждение. Мое начальство нашло, что „некрасиво“ бросать место так неожиданно и без особых причин. Поэтому хотели поступить „некрасиво“ и со мной.

Я была свободна. Во всяком случае, в эту минуту. Иначе я бы разгуливала с подносом, полным грязной посуды. Теперь же... я взяла никелевую монетку, получила чашку кофе и села. Пила кофе и сидела. Так облекаются сны в действительность...

Автомат, подметающий пол.

Новелла Отто Рунга. С датского.

Эту историю следовало бы, собственно, рассказывать в будущем времени, так как она произошла в 1987 году. Но человеческая мысль, ведь, скользит по всем направлениям и проникает даже за пределы—поэтому и рассказывать мы будем в прошедшем времени.

Молодая девушка Конкрета Д. Дамнитсон проснулась в майское утро вышеупомянутого 1987 г. на равномерно нагреваемой фарфоровой кровати, на которой она спала, ничем не накрываясь. Конкрета стерилизовала свою кожу и уселась в подвешенную качель, которая производила поворотами заставляла пациента делать такие же сильные плавающие движения, как утопающего в Атлантическом океане. Эти движения (система Магнуса Седерслема) были теперь в высшей степени необходимы, так как, благодаря радио, люди стали мало двигаться.

После этого Конкрета Дамнитсон надела вентилированную платяе из тонкого, как паутина, асбеста, отличавшего теми светлыми, ультрафиолетовыми цветами, которые были открыты человеческому глазу пять лет тому назад великим японским офтальмологом Фукушима, посредством впрыскивания легкого, сладкого элексира невро-хромо-эссенции. Эти ультрафиолетовые, удивительно красивые цвета были названы в честь первого ученого, открывшего невидимые лучи. Платяе Конкреты было хитом бледного оттенка цвета рентген с более темным воротником цвета Нильса Финзена. Платяе, как и белые панталоны, были расшиты красивыми орнаментами Бекерель и Мадам-Кюри.

На табурете девушка нашла уже сервированный завтрак: шесть таблеток вкуса яблочного муса и сливочные таблетки. Все они были с знаменитой фабрики питательных веществ Либиха. Уже в 1950 году умеренники-прогрессисты провели всемирное запрещение пожирания мяса (как сорок лет тому назад употребление алкоголя).

Люди, готовившие у себя дома, как животные, какими они, в сущности, и являлись, были выслежены радио аппаратами санитарной полиции и без всякого сожаления посажены в гуттаперчевые камеры рядом с последними отравителями воздуха,—курильщиками табаку. Но еще в полном разгаре был бой с последним полчищем варваров,—вегетарианцами, избивавшими беззащитные растения, которые даже не могли кричать о своих мучениях, как это делали звери. Мать Конкреты была усердная поборница нового химического питания таблетками, которые синтетически были составлены из угольных атомов. Благодаря этой системе, бедность была почти совершенно ликвидирована, так как каждый имел право получать даром двадцать таких таблеток в центральном муниципальном управлении. Но, чтобы не способствовать развитию лени, таблетки эти выделялись без прибавки вкусовых частиц.

Конкрета употребляла в качестве примеси к таблеткам знаменитые Бальтиморские „Десять тысяч вкусовых молекул“ и пила за едой стакан муниципальной воды, в которой она разводила смесь из 70% витаминов и 30% одобренных государством бактерий, необходимых

для пищеварения (автоматически регулировавшегося каждую неделю).

Во время еды она наслаждалась симфоническим концертом знаменитого Эскимосского оркестра под управлением капельмейстера-композитора Озакрарка, заменившего во всех смыслах нашу шумевшие джаз-банды, пользовавшиеся таким успехом в 1925 г.

Конкрета Дамнитсон была уже три месяца невестой молодого ученого Бориса Конисского, профессора политехникума в Иокогаме. Они познакомились на радио-менуетном вечере Советского посланника в Вашингтоне, куда Конкрета, жившая в Нью-Йорке, сама себя радио-послала с разрешения своих родителей. Молодых людей соединила их общая страсть к только что входившей в моду рапсодической поэзии и Борис ежедневно появлялся у Дамнитсонов. Тут он признался Конкрете в своей любви и ее портрет на стене лаборатории Бориса Конисского в Иокогаме розвел от счастья.

Молодым людям не имело смысла тайно встречаться, так как благодаря повсеместно введенному с 1950 года радио-телевидению, мать могла следить на белом экране за каждым шагом дочери.

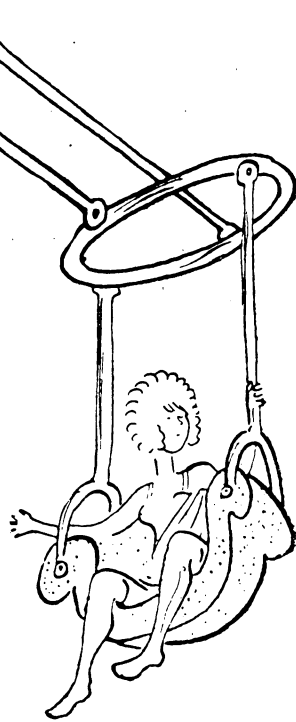
Уже в 1925 году почти была разрешена задача переноса световых волн электрическим путем. В 1930 г. была закончена установка „радио-телевидение“, и теперь можно было следить на белом экране в своем кабинете за всем, что происходило в мире (насколько это было разрешено полицией). Времена полнейшего хаоса на земле остались уже в прошлом, благодаря норвежскому инженеру, нашедшему в 1960 году так называемые „замкнутые“ или „изолированные волны“. Снова было обеспечено спокойствие частной жизни, спокойствие, которому при старой системе угрожали тысячи глаз, проникавших сквозь стены домов. Всевозможные вымогатели, шпионы, отвергнутые любовники и коварные архитекторы устраивали тайные радио-камеры в подвалах

своих домов.

Проникая повсюду, эти глаза сами оставались невидимы.

Теперь же только тайная полиция имела ключи к волнам известной длины и могла с центральной станции следить за всеми вредными для общества и вообще порочными элементами.

Борис Конисский появлялся каждый день в двенадцать часов на белом экране в комнате Конкреты, а девушка с своей стороны показывалась на таком экране в лаборатории Бориса. И сегодня тоже была условлена такая встреча. Экран в комнате матери Конкреты был занят сегодня появлением на нем ее приятельниц. Все они постепенно выступали на фоне белого полотна в платьях всех оттенков ультра-фиолетового цвета, отделанных модными кружевами из световых лучей. Тут была и мистрис Хоткинс, жившая в Филадельфии, и мистрис Муунго, контролерша нравственности в Гонолулу, синьора Точелли из Неаполя и знаменитая радио-певица фрау Анна Петерсен из Копенгагена. Конкрета соединила свой экран с экраном матери и пожелала посетительницам доброго утра. Потом разъединила экраны и так как до появления Бориса оставалось еще четверть часа, девушка решила отвлечься от тоски по женихе картинками жизни. Она могла быть спокойна, пока ее брат Эдиссон учился в подвальной комнате. Он занимался там один: его учи-

Конкрета делала гимнастику на особой качели...

тель математики проектировал ему на стене арифметические задачи.

Конкрета по очереди соединяла экран с музеями Флоренции, Рима, Ленинграда и перед ней проходили знаменитейшие произведения искусств, темные, тяжелые краски давно прошедших времен: Рембранд, Боттичелли и, наконец, Венера Тициана, лилейно-белая на своем ложе.

Но Конкрете хотелось тепла в этом Нью-Йоркском мире из стали и цемента и она стала вызывать на экран то Золотой Рог Стамбула (охраняемый международной музейной комиссией), то покрытые пальмами берега Таити, то пустыню возле Тимбукту. Но тут произошел несчастный случай с одним из арабов, нанятых радиобюро путешествий Кука, который должен был водить взад

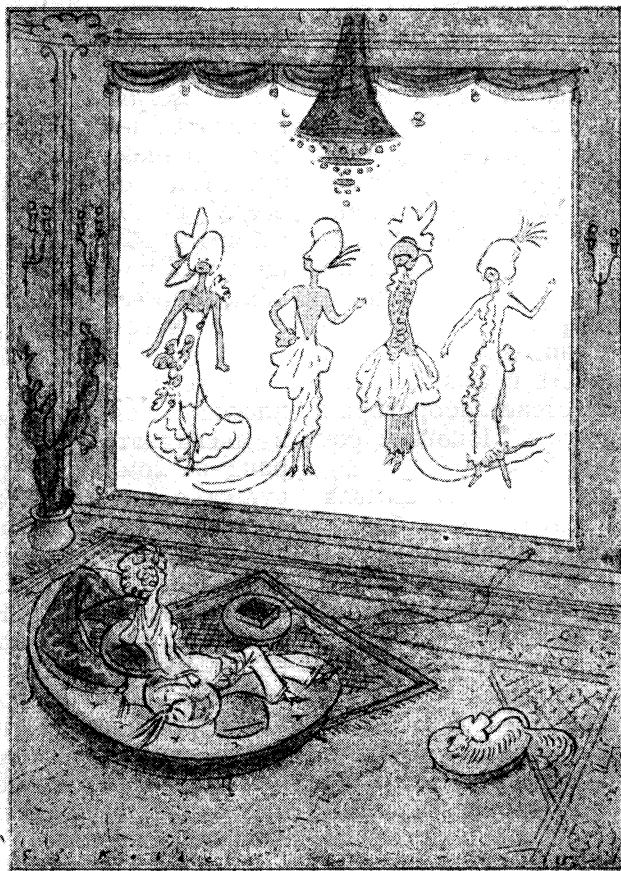
и вперед перед древними развалинами верблюда. С ним вдруг случился удар и его должен был увести автомобиль скорой помощи. Это был скандал на весь мир. Верблюд убежал.

Конкрете некогда было уже посмотреть сцену из знаменитого шведского балета в Стокгольме. Часы в Гринвиче отчетливо пробили двенадцать.

На экране Конкреты выступила вишневая аллея в Иокогаме, сверкающая всеми красками жаркого японского дня. В аллее стоял стройный, черноволосый Борис в желтом кимоно (этот костюм обязательно носили даже иностранные профессора в Иокогаме). Конкрета невольно протянула возлюбленному руки. Он казался ей таким

живым на этой выпуклой картине в натуральных красках, что она готова была схватить его за руку. Как естественна была перспектива даже по отношению к его носу такой благородной формы. Но, ах!

— Добрый день, моя дорогая Конкрета, — весело сказал Борис, и Конкрета поняла, что ее собственное изображение появилось теперь у Бориса в Иокогаме на эк-

Пряельницы матери Конкреты выступали на экране...

ране, стоящем в вишневом саду.

По принятому обычаю, они немножко потанцовали под звуки знаменитого радио-менуетного оркестра в Берлине. Они касались во время танца только кончиками пальцев (ведь, они только так и могли прикасаться друг к другу и, кроме того, иначе считалось бы неприличным).

Благодаря телевидению, нрав-

ственность поднялась на значительную высоту. Во всем мире танцовали только менуэт.

— Как ты очаровательна, Конкрета,—сказал Борис.—У вас прохладная погода? У нас, как видишь, ярко светит солнце. Ах, если бы я мог тебе переслать в термосе литр японского солнечного тепла!

— Приезжай лучше сам,—засмеялась Конкрета и прибавила со вздохом, — тогда в моей грустной комнате сразу настанет лето.

Борис покачал головой.

— Милая Конкрета, я, ведь, прихожу к тебе каждый день!

— Да, но не сам, не сам, Борис! Разве ты не понимаешь?

Борис улыбнулся.

— Сам? Разве ты меня не видишь, не слышишь мой голос? Разве мы не танцуем вместе под одни и те же звуки? Чего же ты еще хочешь, Конкрета?

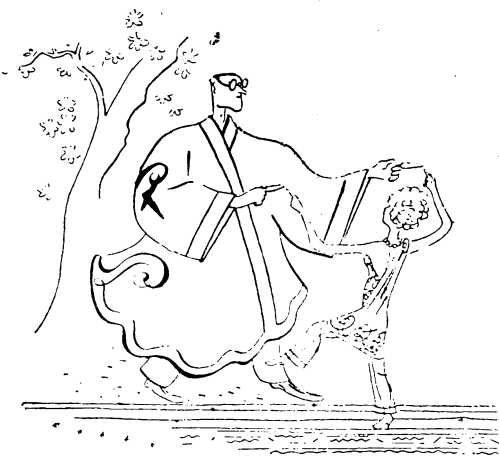
— Чего я еще хочу?—Она протянула к нему руки.—Да тебя самого! Не только твое отражение, Борис! Не только твой голос из металлической мембраны. Я хочу действительности, Борис. И для себя, и для тебя!

— Ты маленький романтик!—весело рассмеялся Борис.—Ты мечтаешь о том, чтобы получить действительность! Разве мир не достаточно хорош для тебя?

— Мир! — Конкрета сжала кулаки.— Мир ужасен! Эта земля, на которой все механизм и отражения атомной силы, соединенной с электронами. Что схватывают наши руки, когда мы ищем счастья? Один только контакт! Что мы находим, когда зовем любимого человека? Призрак!

Он нахмурился.

— Конкрета, не забывай, что я инженер, а, значит, один из устроивших жизнь так, чтобы она была приятна и легка людям и не походила бы на времена наших дедов, когда люди жили, как в коровьем хлеву! Не поддавайся тоске, которая нападала на погруженных во мрак людей, стоявших перед непреодолимыми препятствиями. Те-

Они немножко радио-потанцевали под звуки радио-менуэтного оркестра.

перь, ведь, для нас не существует расстояния! Мрак изгнан, страх и всякая тоска запрещены новым нравственным законом от 25 Сентября 1982 года (№ 4633 § 212). Я должен побранить тебя, Конкрета! Но скажи мне лучше, чего тебе не хватает. Мы изобретем это для тебя! Что же это, Конкрета?

Она закрыла лицо руками.

— Не знаю, Борис. Мне нужно чувствовать что-то!

Выражение его лица изменилось (она увидела это сквозь пальцы) и оживилось добродушной усмешкой. В это мгновение Конкрета любила его больше всего на свете.

— Ну, чтож, Конкрета,—улыбнулся он,—я должен постараться, чтобы твой мир был совершенен. Как раз теперь,—он таинственно понизил голос,—я занят одним изобретением... но об этом после. Вопрос разрешен и первая модель почти готова. И тогда я сам приду к тебе, Конкрета, и буду держать тебя в своих объятиях. Потерпи только еще немножко, не больше двух недель, Конкрета!

Тут его слова были прерваны появлением на экране между ним и Конкретой какого-то человека с лохматой бородой и выпученными глазами. Человек корчил отвратительные гримасы. Это был сумасшедший (радио-газета предупреждала о нем

публику). Он каким-то путем овладел ключом замкнутых волн и врывался повсюду. Уголовная полиция давно уж преследовала его своим контрольным радио, но в настоящее время сыщики не знали, в какой точке земного шара находится сумасшедший. Борис тотчас же соединился с Центральной полицейской станцией в Лондоне и вслед за этим на экране появился сыщик из Лондонского Скотленд-Ярд и принял от Бориса сообщение.

День приезда Бориса Конисского был назначен на 3 Июня. На этот день были посланы приглашения ближайшим друзьям семьи Дамнитсон. Но все они должны были присутствовать не лично, а только на экране. Отец и мать Конкреты отравились встречать аэроплан на аэродром. Конкрета должна была встретить жениха дома. Сердце громко стучало у нее в груди. Она хотела было с помощью радио проследить за полетом аэроплана из Йокогамы в Нью-Йорк, но потом передумала. Не было ли гораздо большим счастьем просто ждать, всем существом стремиться навстречу любимому человеку — и знать, что скоро увидишь его!

Отец Конкреты вошел в комнату. На лице его было то недовольное выражение, которое, как говорили,

он унаследовал от своего прадеда (бывшего рабочим в угольных копях, а потом ставшего миллионером). Этот прадед получил прозвище „Дамнит“¹⁾, откуда сын его уже назывался Дамнитсон²⁾.

Отец Конкреты отдувался.

— Да, Конкрета, мистер Борис Конисский, к сожалению, не приехал с этим аэропланом!

В дверях стояла мать Конкреты и озабоченно пудрила нос. Конкрета сидела вся бледная и дрожащая. Отец успокаивающе кашлянул.

— Но аэроплан привез весточку от Бориса, — сказал он и вынул письмо (настоящее письмо в конверте, как писали в старину).

Отец продолжал:

— И вот еще тебе ящик!

Он поставил на стол маленький черный ящик, похожий на фотографический аппарат.

— По надписи на конверте, — сказал он, — ты должна прочитать письмо одна у себя в комнате.

Родители переглянулись и вышли из комнаты.

Конкрета сорвала дрожащими руками конверт.

— Дорогая Конкрета, — гласило письмо, — меня задержала моя работа и я не могу приехать к тебе сам. — Посылаю тебе прилагаемый ящик в качестве посланца. — Я вполне понимаю твои чувства при нашем последнем свидании. Прости меня! Теперь все будет хорошо. Прочти на внутренней стороне крышки способ употребления и открывай осторожнее ящик. Как только ты все сделаешь, я появлюсь у тебя на экране. Твой верный Борис.

Конкрета достала молоток и собственноручно открыла ящик. В нем находился маленький аппарат из черного дерева со множеством катушек, детекторов и лампочек. На внутренней стороне крышки было написано: „соедини провод, обозначенный буквой X, с гнездом твоего радио-приемника“.

¹⁾ Дамнит — по английски проклятие.

²⁾ Сон — сын.

Между Борисом и Конкретой появился человек с отвратительными гримасами...

Конкрета исполнила это и в то же мгновение на экране на стене появился Борис в своем элегантном, хорошо выглаженном кимоно. За его спиной видна была его лаборатория, а рядом стоял маленький аппарат из черного дерева, такой же точно, как только что описанный.

— Конкрета, — сказал Борис, — не думай, что я не могу понять чувств женщины. Они даже соответствуют чувствам, живущим в моей собственной груди. Техника, которой ты так легкомысленно возмущалась, привела и на этот раз человека к победе и поможет нам пережить разлуку. Я три года работал над новым открытием в области радио. Теперь задача решена. И не доставляет ли тебе радость, Конкрета, победа моего разума?

— Видишь ли, — продолжал он, когда девушка только нетерпеливо махнула рукой, — мы до сих пор могли заменять присутствие самого человека только перенесением на расстояние его изображения и голоса. Теперь же мы уже дошли так далеко, что можем пересылать за тысячи километров и ощущения. Понимаешь, ощущения? Что это, как не известные электрические колебания нервной системы? Я построил два аппарата — посылающий и принимающий — и стало возможным при помощи радио передавать эти колебания. Ничто уже больше не различает людей. Перекинут мост через любое расстояние.

— Конкрета, — продолжал он, — видишь ты маленькую эбонитовую пластинку с каучуковой подушечкой, которая соединена проводом с

аппаратом, находящимся у тебя в руках? Такая же пластинка имеется, как видишь, и в моем аппарате, в Йокогаме. Вот! — он показал. — Через нее я буду тебе посылать какие угодно ощущения. Возьми, пожалуйста, в руки эту пластинку. Вот так.

Конкрета повиновалась. Она нашла, что маленькая черная подушечка напоминала подушечку для обтирания перьев.

— Конкрета, — продолжал Борис, — я приближаю свои губы к пластинке здесь в Йокогаме, а ты к своей в Нью-Йорке. Результатом будет то, что ты почувствуешь на своих губах мои губы, как в смысле ощущения, так и вкуса, точно я стою в твоей комнате в Нью-Йорке. Малейшее колебание молекул моих губ достигнет твоих губ. Итак, Конкрета, получи мой первый поцелуй.

Щеки Конкреты пылали. Она подняла молоток, который еще держала в руке, и ударила им. Пластинки, стекло, катушки разлетелись вдребезги, а лампочки выстрелили, как горошинки в детском пистолете.

— Что ты делаешь? — застонал на экране Борис.

— Что я делаю? — глаза Конкреты сверкали. — Я хочу дышать полной грудью, вот и все. И если ты завтра же до двенадцати часов, — с первым аэропланом Северный Полюс, — не очутишься здесь, в моей комнате, — и собственной своей персоной, имей в виду, — тут — понимаешь, и не поцелуешь меня — по настоящему, — тогда все между нами будет кончено! Я выброшу тебя тогда вон из своей волны! И уж навсегда!

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ

Рассказ
АНДРЕАСА ЕЙЕ:

Поезд только что отошел от Босмена. Мои скитания по Северной Америке привели меня, собственно совершенно случайно, в Канаду, откуда на юг, в Ситл и дальше с поездом тихоокеанской железной дороги в Монтану. В настоящий момент моим намерением было сесть в поезд, перерезающий материк по направлению к Чикаго и Нью-Йорку. Но в Босмене меня задержал потомок знаменитого охотника на пушных зверей Джона М.-Босмена и боги, верно, знают, что я не сожалею об этом.

Я заполнил две великолепные записные книжки экстрактом из рассказов про Джона М.-Босмена и Джемса Бриджера, искателя приключений по натуре, который провел свою жизнь на двух фронтах, имея за спиной так называемую цивилизацию, а перед глазами—индейцев. Но и в Босмене, самом сердце Скалистых Гор, настал день моего отъезда. В прохладный июльский день, сейчас же после утреннего завтрака, я вскочил на подножку последнего вагона и стал искать себе места в одном из вагонов-салонов. Там сидел он, мой дорожный спутник, положив ноги на стол. Высказав свое презрение к стране, он, казалось, вдруг сделал открытие, что он не один в купэ. Его шляпа полетела с головы на стол, левая рука рассталась с карманом и сделала движение, напоминавшее то, которым шоффер объявляет свое намерение повернуть на лево.

— Мое имя Бриджер. Ли Вильям Бриджер. А как вас зовут?

Я сообщил свое имя и, чтобы избежать нового вопроса, сказал, откуда я родом

Мистер Джемс Бриджер, искатель приключений по натуре...

— Швеция!—воскликнул с гримасой Бриджер, точно съел кусок кислого томата,—Швеция. Я был там несколько лет тому назад. Поговорим о чем-нибудь другом!

— С удовольствием.—Имя Бриджер вызывало в моей памяти рассказы, слышанные мной в Босмене про знаменитого охотника. Не был ли случайно мистер Ли Вильям Бриджер родственником того Джемса Бриджера, на статую которого окрестное население собирало как раз теперь деньги?

Ли Вильям вынул теперь из кармана и правую руку, опустил кулак на стол и спросил меня, стоит ли, по моему мнению, чего-нибудь этот кулак? Лыстить мне ему было нечего: кулак был один из самых мускулистых, виденных мной, и внулшал к себе большое уважение.

— Отлично—решил мистер Бриджер,—и если вы хоть слегка наметите на мое родство с этим убийцей бобров, я так отделаю вашу наружность, что даже ваша собственная мать,—да благословит Господь эту старушку,—не узнает вас. Поняли вы меня?

Разговор начинал становиться неприятным.

— Садитесь, сэр!

Я снова сел, чтобы избежать дальнейших споров.

— Я отлично понимаю ваши мысли, сэр, — заметил Ли Вильям Бриджер. При этом он закрыл дверь в корридор.

— Я делаю это для большего спокойствия.

Крючок упал и мистер Бриджер убедился в его прочности. Потом он придвинул свое кресло спинкой к двери. Не было смысла протестовать — я был пленник Ли Вильяма Бриджера. Поезд мчался со скоростью приблизительно в девяносто километров и должен был остановиться только через полтора часа в Ливингстоне. К тому же и окна были слишком малы, чтобы выскочить. Ручка тормоза находилась как раз над головой Бриджера. Он взглянул и рассмеялся мне в лицо. А стук колес безнадежно заглушил бы мои крики. Я был пойман и спасения не было. За окнами на перроне промелькнули веселые лица. Я прочел название станции: Чеснет. Поезд всего лишь на мгновение замедлил ход, потом скорость его снова стала увеличиваться с каждой секундой.

Когда я отвернулся от окна, обстановка в купе слегка изменилась или, вернее, прибавился еще один предмет. На столе, рядом с левой рукой Бриджера, лежал револьвер.

— Послушайте, мистер Бриджер, — меня самого удивляло, что мой голос еще звучал довольно сильно, — не будете ли вы так добры объяснить ваше поведение.

— Поведение!

Он показал два ряда безукоризненных зубов.

— Я хотел только у вас попросить совета, сэр.

— Пожалуйста, бросим комедии, — сказал я. — Если вы собираетесь меня обобрать, то я могу вам сказать, что всю мою кассу составляют приблизительно тридцать долларов. Эти деньги и мои кар-

Ли Вильям спросил меня, стоит ли, по моему мнению, чегонибудь этот кулак?

манные часы вы можете получить и без кровопролития!

— Что мне за дело до ваших часов и тридцати долларов! — Ли Вильям пожал широкими плечами. — Но, с другой стороны...

— Говорите, мистер Бриджер...

— С другой стороны, я боюсь, что мне придется причинить вам некоторое душевное беспокойство. Но это скоро проходит. Обратите внимание на то, что я гражданин, верный законам.

Голос мистера Бриджера растаял от умиления. Нет сомнений, — это истеричный человек. Револьвер в руках такого существа вдвойне опасное оружие. Надо было, чтобы он хоть поставил револьвер на предохранитель. За исходный пункт я взял замечание самого мистера Бриджера. Он, ведь, хотел спросить у меня совета. К чему тогда это оружие? Ли Вильям нахмурил брови.

— Да, тот, кто нуждается в совете, является просителем. Но человек с револьвером вернее господин, чем проситель. Ему не нужно говорить с таким смирением.

Тут мистер Бриджер вдруг резко оборвал сам себя:

— Ах, к черту всю эту болтовню: Человек с револьвером поступает так, как ему нравится! Послушайте, сэр! Знаете вы, что это значит покончить счеты с жизнью? Имеете вы понятие о том, как себя чувствует человек, объевшийся всеми

кушаньями и которому все блюда опротивели? Когда испробуешь всего и убедишься, что нет ничего ценного? Когда приходишь к убеждению, что одинаково скучно спать и бодрствовать, быть богатым или бедным, жить как миллионер или как нищий, как преступник или как добродетельный человек... когда знаешь содержание каждого из маленьких пакетиков фортуны и читаешь в человеческих душах, как на объявлении на стене?..

— Вы хотите сказать, мистер Бриджер, что в таком положении находитесь вы?

— Это так и есть, сэр. И я даже немножко перешагнул по ту сторону. Я заплачу вам пятьсот долларов, если вы сосчитаете морщины на моем лице. Пятьсот долларов чистоганом. А каждая морщина на этом усталом лице представляет собой, выражаясь символически, могилу, полную трупов разбитых

Мистер Бриджер поднял руку с заряженным револьвером...

иллюзий и задушенных надежд. Теперь на этом лице уже нет больше места для новых морщин. И с этого мгновения мои морщины должны распределяться на других лицах. Вот, что я хотел сказать вам.

Мистер Бриджер взглянул на меня с грустью. Я встретился с его взглядом. В глазах мистера Бриджера не было беспокойства, не было неестественного блеска или блуждающего зрачка. Я не верю в диагнозы по глазам, но глаза ведь всегда выдают человека с душевным расстройством. Взгляд мистера Бриджера был совершенно спокоен и ясен, хотя в нем и отражалась некоторая грусть.

— Я рано начал жизнь, сэр. В возрасте двенадцати лет у меня уже был опыт двадцатилетнего. Я узнал очарование разбитой любви и горечи счастья, доходившего до экстаза. Я прошел через всю скалу чувств и задерживался на них с такой же точностью, с какой этот несчастный поезд останавливается на станциях. Ни на одну из этих станций я бы не хотел вернуться. Путешествовал я вокруг всего света. Ваша незначительная страна едва не заполучила меня из-за некоего ограбления банка. Я узнал состояние величайшего напряжения, когда меня травил полиция, а как бургомистр и охранитель порядка в Гаррисоне я сам испытал удовольствие, которое доставляет преследование преступника. Я носил мантию смирения, как и мантию власти. У моих ног ползали финансовые короли и я испытывал от этого не больше удовольствия, чем от чашки сколько-нибудь приличного кофе. Вся моя жизнь была одним долгим разочарованием от моей неспособности испытать то ощущение, о котором столько рассказывают другие—и о котором оба мы читали в книгах. Вся моя жизнь, сэр, была сплошным, бесконечным горем. Я как то раз сказал себе: с твоей нервной системой что-то

не в порядке. Отлично. Я советовался с лучшими врачами Соединенных Штатов, но эти господа, ведь, у нас ничего не понимают. Я искал сильных ощущений с той же неутомимостью, с которой пьяница гонится за алкоголем, я сам себя ставил в невероятные положения, только, чтобы поднять со дна то, что скрывалось во мне... но все было безрезультатно, совершенно безрезультатно, сэр.

Мистер Ли Вильям Бриджер низко опустил голову, являя картину полного отчаяния.

— Дорогой мистер Бриджер, — начал я, — совет, которого вы с таким доверием просите у меня...

— Стоп, сэр!

— Простите, но...

— Стоп, сэр!

Мистер Бриджер поднял голову и одновременно поднял и руку. А в этой руке он держал заряженный револьвер.

— Я отказался от этой мысли, — заявил он. — Тут нужно действовать без всяких советов и приготовлений. Теперь нет времени молотить пустую солому, сэр.

— Что же вы хотите делать?

— Я хочу испробовать свой последний шанс, сэр. Последний шанс, остающийся человеку, который хочет себе пощекотать нервы: электрический стул.

— Это довольно мрачная шутка, мистер Бриджер.

— Я еще никогда в жизни не был так серьезен, как сейчас, сэр. Подумайте, сколько наслаждений: допрос, суд, смертный приговор, приготовления... Минуты, секунды в помещении, где происходит казнь, знаете, последние шаги... к стулу... И все эти рожи кругом, выпучен-

ные глаза... Потом тебя привязывают, одевают стальные обручи и шапку на голову... дыхание поднимет еще только раза два грудную клетку. Они, ведь, включают ток тогда, когда глубоко вздохнешь. Вы не думаете, сэр, что при таком ощущении и мое сердце забьется хоть немного быстрее... или медленнее?

— Что вы, собственно, хотите этим сказать?

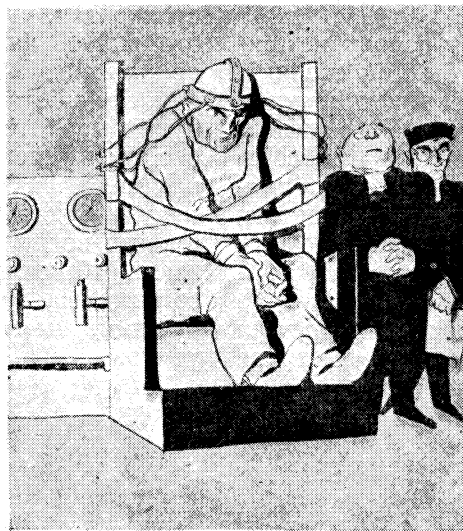
Мистер Бриджер схватил револьвер, который до этого положил на стол, и надавил пальцем курок.

— Что я хочу сказать? — повторил он. — Разве я недостаточно ясно выразился? Я хочу попасть на электрический стул. Подвергнуться нашей национальной казни. Но не каждому это доступно, сэр. Для этого я должен стать убийцей, сэр.

Поезд мчался вперед со все не уменьшавшейся скоростью. Взгляд в окна сказал мне, что до Ливингстона не могло уже оставаться много

миль. Поезд бешено мчался по крутому спуску. Южнее был Йеллоустонский парк. Мне говорили, что вблизи Ливингстона находится самый длинный туннель Соединенных Штатов. Поезду нужно три минуты, чтобы пройти этот туннель. Но по этой-ли он сторону Ливингстона или по ту? Моя жизнь зависела от ответа на этот вопрос. Я отлично понимал, что мрак туннеля—мое единственное спасение. На моих часах на руке было без пяти минут четыре часа. Необходимо было воспользоваться этими минутами, если на мое счастье туннель...

— Эй! — раздался голос мистера Бриджера.— Не воображайте глупо-

Электрический стул... Все эти рожи...
Выпученные глаза...

стей, сэр. Вам уж не придется пережить ливингстонский туннель. Тот туннель, в который вы въедете, побивает туннельные рекорды всего мира. Он продолжается вечность. Посмотрите на ваши часы. Я дарю вам ровно две минуты,—этого больше, чем достаточно, чтобы вы могли написать вашу последнюю волю, если вы, конечно, еще в состоянии сосредоточиться. Вот вам бумага и перо.

Ли Вильям Бриджер придвинул мне несколько листков, которые вынул из кармана, и положил на них вечное перо.

Мне, конечно, и в голову не пришло написать хотя бы одну строчку. Я следил за движением стрелки и в моей голове с быстротою молнии мелькали всевозможные способы избежать последствий сумасбродства мистера Бриджера. К счастью, у меня за последнюю неделю карабканья по гористым окрестностям Босмана было достаточно упражнений в ловкости и я решил присесть при первом же выстреле

и потом броситься на этого сумасшедшего. Конечно, колеса отчаянно шумели, но невозможно, чтобы рядом не услышали выстрела.

— Вы ничего не пишете, сэр?

Мистер Бриджер держал револьвер наготове.

— Вы должны подарить мне еще две минуты, мистер Бриджер. Я только сейчас надумал, что мне нужно написать.

— И двух секунд не подарю, сэр. Что сказано, то сказано! В вашем распоряжении еще полминуты.

Я сообразил, что мое кресло стояло так, что я быстро мог его отодвинуть назад. На одну секунду прикрытием мне будет стол. Минусом Бриджера было то, что ему некуда было отступать. Все зависело оттого, успею ли я наступить на него так близко, что ему некуда будет прицелиться и он не сможет воспользоваться своим оружием. Конечно, успех был очень сомнителен, но все казалось мне лучшим, чем просто дать себя убить.

Он ждал с пером в руке...

Оставалось еще пять секунд. Как раз в тот момент, когда я напряг все мускулы для скачка, мистер Бриджер поднял руку и сказал:

— Вы просили у меня еще две минуты. Я никогда не был скрягой, сэр. Пожалуйста, дарю вам две минуты. Но сначала переверните бумагу, которая лежит перед вами.

Я просто как-то механически перевернул лист. Вся страница была покрыта черными и красными печатными буквами. Я прочел следующее:

Страхование от убийства.

„Статистика показывает, что количество убийств растет с ужасающей быстротой. Во многих странах, положительно, развилась какая-то эпидемия убийств. Как легко может самый невинный человек повстречаться с преступником, для которого нет ничего святого, или с безумцем, который потерял предста-

вление о правде и о законе! Вы сами не можете себя защитить от ужасных преступных деяний, но наш долг, во всяком случае, защитить ваших близких от... и так далее. Конец гласил:

„Стоит всего пятнадцать долларов в год гарантировать остающимся после вас двадцать тысяч долларов в случае, если бы вас убили“.

Мне не нужно было двух минут, чтобы прочесть все это. Когда я поднял глаза, я увидел, что мой американский спутник улыбается мне доброй улыбкой дядюшки. Револьвер исчез. Он ждал с пером в руке, чтобы заполнить бланк для страхового общества.

— Что же, милейший, — сказал он самым простодушным и доброжелательным тоном, — могу я на вас рассчитывать?

— Да, — ответил я в изнеможении, — конечно, можете. Вот, пожалуйста, пятнадцать долларов!

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Решение задачи № 8.

Во время проезда от *A* до *B* и обратно в *A*, автобус за $4\frac{1}{2}$ часа проходит в гору столько же, сколько и с горы. Ввиду того, что на путь в гору берется 2 части времени, а на путь с горы 1 часть, т. е. всего 3 части и, следовательно, каждая часть равна $1\frac{1}{2}$ часам — при спуске с горы автобус проходит $50 \times 1\frac{1}{2} = 75$ километров, что и дает расстояние между городами.

$AB = 75$ (километров).

Правильное решение прислали: Н. Н. Тарасов, А. Д. Кукаркин и А. И. Ананьин. Кроме них верно решили: Кочеров, Макаров, Антонов, Свечкин, Жуков, Аникин, Табачник, Бубнов, Мелик-Абрамян, Степанов, Пермякова, Ступин.

Остальные решения, числом более 200, оказались либо неправильными, либо алгебраическими, что не разрешалось условиями задачи.

Решение задачи № 9.

Наилучшее решение прислал Е. И. Кияшко, превратив слово: „колесо“ в слово: „парады“.

Вторым я оказались двое: А. Гитин (лампа-бочки) и В. Н. Подпрятков (банка-ведро).

Трое указанных лиц получают премию.

Предлагается читателям сделать самим эти три превращения; в том случае, если общее число промежуточных слов окажется меньшим, чем у премированных лиц, то такой ответ будет также премирован.

Из остальных ответов удовлетворяющими условиям конкурса оказались лишь два: С. Е. Агафонцев (док — пир) и В. Розенгарт (лом — бар).

В остальных ответах были орфографические ошибки, либо слова оказывались не именами существительными.

Дело о теленке

Рассказ М. ДЕКОБРА. С французского.

Я знавал в провинциальном городе Ферте-ен-Бри мирового судью, лицом похожего на обезьяну, но хитрого, как лиса. Он был на сто миль в окружности известен своими мудрыми и справедливыми решениями. Это, действительно, был оригинал... он с ангельской улыбкой выслушивал обе спорящие стороны, улыбался с отцовским видом и затем выносил справедливый приговор с поражающей уверенностью.

Его звали Сатурнин Лабредель и у него были невинные слабости старого холостяка. Он собирал табакерки, почтовые марки, жуков и, если не сочинял в свободные часы стихов, зато писал солидный исторический труд „О вежливости на протяжении последних 2 столетий“.

Однажды вечером, за обедом, мировой судья рассказал нам следующую историю:

— В прошлом году—это было во

вторник перед Ивановым днем—мне пришлось разбирать много дел. Сначала были скучные, мелочные ссоры, и я скоро покончил с ними. Потом секретарь вызвал еще двух тяжущихся. Одного звали Машенот и он был арендатором. Вторым был торговец скотом Баллотен. Машенот был приземистый, плотный, с багровым лицом и торчащими во все стороны усамии бровями. Баллотен же был хитрый нормандец, худой, как ивовый прут, с острой мышинной мордочкой.

Я дал сначала слово Машеноту. Он неуверенно и спотыкаясь подошел к судейскому столу и вертя шляпу в толстых, неуклюжих пальцах, начал свой рассказ:

— Господин директор...

Я объяснил ему, что я вовсе не директор, а мировой судья. Он смутился, громко откашлялся и снова начал:

— Господин директор юстиции... я вам объясню в чем дело...

Он опять кашлянул, вытер пот со лба и продолжал:

— Так вот, значит... этот свинья продал мне теленка, за которого я ему заплатил чистыми деньгами, а теперь он говорит...

Я строго перебил его:

— Друг мой, в этом зале никто не имеет права называть кого-либо свиньей... объяснитесь яснее, но без ненужных ругательств... продолжайте же!

— Господин директор... это не ругательство... когда назовешь негодяем такого свинью, который смеет...

— Мне придется лишить вас слова, если вы будете продолжать в таком тоне...

— Простите меня, господин директор, но я так зол на него... Так вот, что я хотел сказать... я купил у него за сто десять франков теленка. Я сказал, когда мы сторговались: „старина, ты теперь будешь так добр и приведешь теленка ко мне на двор“—и заплатил ему сто десять франков серебряными пятифранковыми монетами. Он мне сказал: „это не трудно“ и привел

теленка ко мне на двор... а потом говорит мне: „старина... плати мне за теленка сто десять франков“.— „Я ему говорю: старина, пьян ты или смеешься надо мной? Я, ведь, уже заплатил тебе деньги на базаре“. Он мне говорит: „Что? ты, верно, пьян, а не я. Ты мне ничего не заплатил! Отдай мне мои сто десять франков... или я уведу с собой теленка...“

Так вот я и хочу вас спросить, господин директор... может ли этот свинья, этот обманщик, этот висельник требовать с меня во второй раз деньги за теленка, которого я уже у него купил? Этот сви...

— Есть у вас свидетели?

— Свидетели?! Нет... У меня нет свидетелей... а на что они? Так теперь еще нужно двух свидетелей... и еще, может быть, податного инспектора... да к тому еще и священника, когда покупаешь теленка?

Я обратился к торговцу скотом:

— Баллотен... Вы слышали заявление исца... Получили вы—да или нет—от него денги? Поклянитесь, что вы скажете правду!

Баллотен встал, поднял правую руку и закричал:

— Это лгун... проклятый лгун, господин судья... я не получил от него ни одного несчастного гроша!

— Вы решительно утверждаете это?

— Да... я решительно утверждаю это!

Арендатор вскочил и поднял крик:

— А, свинья!.. обманщик!..

Я приказал ему замолчать, заставил обоих сесть на места и обратился к публике. На этот раз собралось около ста человек любопытных.

— Жалоба Машенота не основательна, ввиду того, что у него нет свидетелей. Но Машенот производит на меня впечатление честного парня, и я убежден, что он теряет в этом деле сто десять франков. Поэтому он имеет право на некоторое вознаграждение, и я предлагаю собрать для него денег

Я сам принимаю участие в этом сборе и даю десять франков... А вы, Баллотен? Неужели вы так бессердечны, что ни гроша не пожертвуете вашему незадачливому противнику?

Торговец скотом встал и ответил, не задумываясь:

— Господин судья... я хочу быть таким же великодушным, как и вы... вот два пятифранковика!

Я взял обе серебряные монеты, взглянул на них, поцарапал их ногтем, снова стал их рассматривать, взвесил их на ладони и пристально посмотрел на Баллотена.

— Как! Вы осмелились в зале суда пустить в обращение фальшивые деньги?!

— Фальшивые деньги?.. Фальшивые деньги?—бормотал сразу побледневший Баллотен.

— Не притворяйтесь! Вы знали, что это две фальшивые монеты... очень мало серебра и очень много свинца... Вы мне сейчас же скаже-

те, откуда у вас эти монеты... или вы будете арестованы... на месте: Не забудьте, что вы можете попасть на каторгу!

Баллотен дрожал всем телом. Он бормотал что-то неясное, потом, видимо, принял какое-то решение. Он сделал несколько шагов вперед и закричал: Господин судья... я уже лучше скажу вам всю правду... если кто попадет на каторгу, так это Машенот. Он дал мне эти серебряные монеты за теленка!

— Так вы признаете, что сполна получили от истца деньги за теленка?

— Да... господин судья... я признаю!

— Этого мне довольно. На основании вашего признания я приказываю вам отдать противнику теленка, как его неотъемлемую собственность. А вам я возвращаю обе серебряные монеты. Они не фальшивые. Я сказал, что они фальшивые, чтобы добиться правды!

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 14.

„Вербификация“.

Эта игра существовала еще у римлян. Сущность ее в следующем: берется слово, допустим: „перестановка“ и из букв, входящих в состав его, составляются новые слова (непрерывно, имена существительные нарицательные, в именительном падеже единств. или множ. числа), как—станок, верста... и т. д.

Задача состоит в том, чтобы составить таким образом из слов „перестановка“ наибольшее количество разных слов, при одном условии—эти слова должны быть не короче семи букв каждое. Длиннее можно.

Трое победителей получают бесплатно на дом 6-ую книжку „Мира Приключений“ за этот, 1926 год.

Срок присылки ответов—1 месяц.

Задача № 15.

Один нумизматик в письме к своему знакомому, между прочим, написал:

...В моей коллекции монет — тысяча шестьсот восемьдесят шесть медных, двести восемьдесят три серебряных и тридцать одна золотая. Считая стоимость (среднюю) каждой медной монеты в 50 коп., серебряной—в 2 рубля, а золотой—в 25 р., я имею коллекцию, стоящую 1684 рубля*...

В этом отрывке нарочно допущена одна ошибка, искажающая смысл его и верность итога.

Предлагаем найти ее.

Примечание: Ошибкой считаются — излишние, неверные или не проставленные: буква, цифра или знак препинания.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

Откровения науки и чудеса техники.

Механизация конторского труда.

Изобретение швейной машины произвело в свое время революцию в швейной промышленности. Тысячи людей иглы перестали корпеть, согнувшись долгими днями, над материей. Работа стала чище, аккуратнее, легче, бесконечно быстрее и требует мало людей. Такая же механизация труда вводится постепенно во всех областях практической жизни и единственно, что до последнего времени оставалось совершенно рутинным, почти не тронутым техническим прогрессом, это—деловая, канцелярская жизнь. Но всепобеждающая техника и здесь взяла верх и заставила перестроить на новых началах веками сложившиеся порядки.

У нас, в СССР, также обращено внимание на упорядочение этой отрасли и принимаются меры к возможному выигрышу времени и сокращению бесполезного труда.

Здесь мы знакомим читателей с последними достижениями в этой области у наших соседей—немцев, счастливо использовавших и великие, и малые изобретения и усовершенствования. Мы увидим, как продуманно и целесообразно поставлено дело во многих торговых и промышленных конторах Берлина. Конечно, с известными вариантами, вызываемыми нашей особенной экономической структурой, и у нас можно наладить нечто подобное.

В предлагаемом очерке следует остановиться еще на одной стороне дела—на психологической: механизация работы все делает для того, чтобы щадить работника-руководителя, чтобы избавить его от излиш-

него напряжения, чтобы не загружать его память, облегчить ему анализ дела, а, следовательно, и синтез, а, следовательно—и направление его.

Делу нужно отдаваться сполна. Но, ведь, дел много и тревога: „ах, не забыть бы!“...—нередко мешает сосредоточиться. От этой обязанности—помнить одновременно обо всем,—избавляет сигнал особого устройства „памятных часов“, изображенных на нашем снимке № 1.

Эти часы напоминают будильник, циферблат которого окружен металлической полосой с отверстиями. Если в контактное отверстие вставить штепсель с флажком на 3 часа 15 минут, звонок будет резко звонить в течение пяти минут, напоминая надписью на флажке про очередное дело. Для нервных звонки заменяется вспыхивающей лампочкой.

На следующих двух снимках (№ 2) мы получаем наглядное доказательство, что дает механизация труда. Снизу видно двадцать счетоводов и бухгалтеров за тяжелыми книгами. Наверху—две барышни, производящие ту же самую работу при помощи новой счетной машины Герца.

К пишущей и прежней счетной машине давно привыкли, не нова и машина, сортирующая карточки.

Если эти машины и дорого стоят, то владельцу они скоро окупаются. Его служащие будут работать плодотворно, а не забивать себе головы процентными вычислениями и ведением дюжин книг. Его стати-

стик потирает руки. Механическое ведение книг сохраняет две трети прежней стоимости их ведения.

Разве стоит, например, для вычисления жалованья и платы рабочим и служащим держать целый штат других служащих? Техника

Но и кроме машин, созданных гением, порядок, вводимый человеком, этому же самому человеку, превратившемуся в пучек нервов, изумительно облегчает работу. Мы приводим здесь тот пример, который у нас под руками, но кто же

говорит:—нет. Она создала машину для вычисления причитающейся заработной платы. На заводе, где 20.000 рабочих, это удивительное чудовище производит подсчет в три дня при работе шести служащих. Без машины шесть человек работали бы месяц.

мешает в СССР применить германскую систему для любой другой надобности в соответствующем случае.

Вот работа конторы сначала.

Слишком жаль человеческих сил для механических действий. Как много драгоценного времени берет, например, вскрытие корреспонденции.

денции. Гораздо скорее это делает небольшая машина, обрезающая край конверта на ширину ниточки. В большом деле такая машина, вскрывающая в минуту до 5.000 конвертов, всегда в ходу. Но одному большому торговому дому в НьюЙорке и это показалось слишком медленным.

стоит работа, еще прежде, чем машина вскроет корреспонденцию.

Рано утром, после прихода почты, все поручения заносятся в соответствующий журнал.

Приказ тотчас же появляется на счету клиента и на десяти копиях, вместо того, чтобы, как бывало,

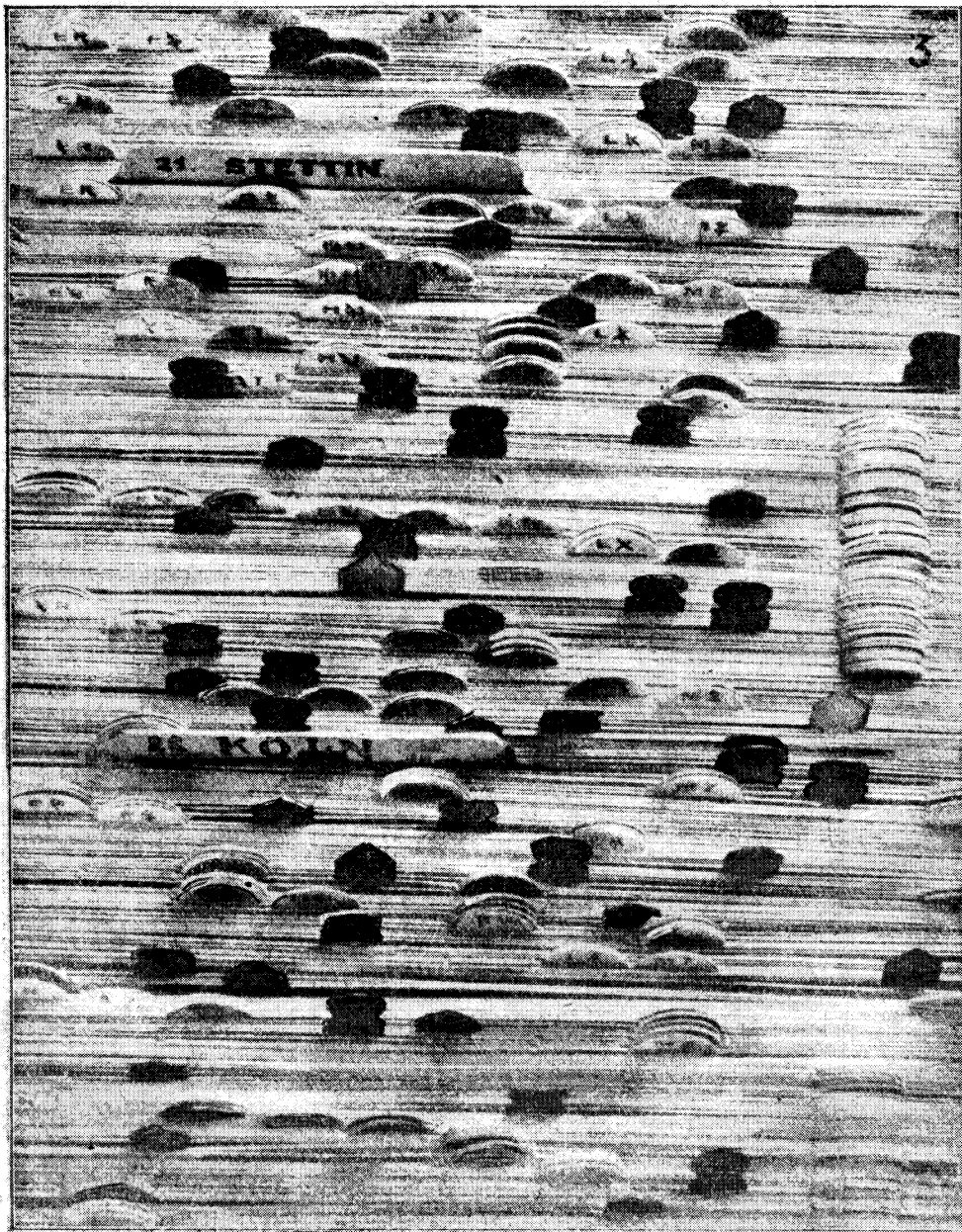
Его хозяева пожелали знать содержание писем до их вскрытия. Может быть призвали ясновидящих? Нет, статистика указала директорам, сколько заказов приходилось в течение года на фунт писем. С тех пор почту взвешивают каждое утро. Таким образом любое отделение узнает, какая ему, пред-

начинать скитание по служащим, которых это касается. Одна копия мчится по сконструированной по типу катапульты канатной почте к управляющему конторой, вторая уже лежит на письменном столе директора, другие вводят в курс дела закупщиков и вояжеров, фабрику и склады. Один же ордер от-

правляется со следующей почтой клиенту и когда ордер лежит перед ним уже на следующий день, удивление клиента велико.

сейчас нужды, и она покоится с тысячами других подобных в ящике с карточками—картотеке.

Ящик этот—настоящий сад, свер-

Но карточка клиента после ее обработки не исчезает за непроницаемой стеной папок, о, нет! Ведь, содержание ее в высшей степени важно. Она должна рассказывать о себе, даже если в ней нет

кающий красками, оптическая симфония посева и жатвы, и солнечного света. С краю карточки, над каждой рубрикой, фишка определенной формы и цвета указывает на суть этой рубрики. (См. снимок № 3).

Если, например, директор пожелает бросить взгляд на положение дел, эта пестрая поверхность карточного ящика с желтыми, зелеными, красными и черными фишками покажет ему все, заслуживающее внимания, синтез дела, без необходимости вытаскивать на свет хотя бы один счет, один заказ. В отделе вояжера Мюллера гораздо больше желтых фишек, чем красных. Значит,—Мюллер плохо работал, потому что желтые фишки обозначают только запросы, а красные—настоящие заказы. Зеленый цвет и для владельца конторы—цвет надежды, и, так как рядом со многими красными в отделе Лемана почти столько же зеленых фишек, директор улыбается. Зеленые фишки говорят, что клиенты ушли. Но что за хозяйственный кризис мог разразиться в отделе Шмита? Деловой сад Шмита полон сухих деревьев и поражен неурожаем. Обилие черных фишек говорит о том, что на многих клиентов пришлось подать в суд.

Не проходит дня, чтобы не общалось о новых сказочных существах, созданных человеческим гением из стали. Одна парижская фабрика сообщает о стенографической машине, которая 270 словами в минуту побивает рекорд парламентской стенографии—150 слов в мин.

Берлинская фирма пробует диктовальную машину без валика, в

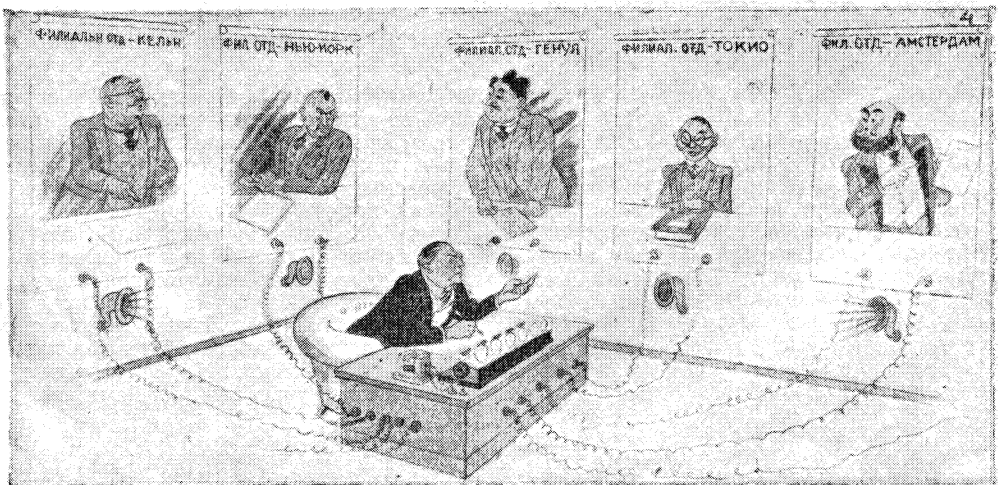
которой сказанное слово сохраняется на электрической проволоке и которая—чудо из чудес!—позволяет уничтожать ошибочно продиктованные слова и заменять их правильной диктовкой.

Работу машин мы измеряем „лошадиными силами“ и, чего доброго, пожалуй, настанет время, когда мы будем говорить: „это учреждение работает в сто лошадиных сил“.

Но если и не наше поколение, то следующее, смена наша, пожалуй, доживет и до фантастической картинки, которой мы заключаем этот коротенький очерк.

Директор сидит один в своем кабинете и председательствует на конференции с заведующими филиальными отделениями. Работает „конференцмашина“. На белой поверхности стены жестикулируют люди разных национальностей. И, тела находятся в Америке, в Японии, в Италии, в Голландии, но их радио-изображения и голоса присутствуют на конференции в этом зале заседаний нового типа.

Разве уж так фантастична эта картинка, когда в скромной комнате студента-рабфаковца, при помощи дешевого или самодельного детектора, принимается концерт за тысячи верст, когда передаются уже на тысячи верст изображения, и дальновидение становится в порядке не завтрашнего, а сегодняшнего дня?

В погоне за морскими сокровищами.

Фантазия романистов давно уже наделила морские глубины несметными богатствами, лежащими там вместе с разбитыми кораблями. Жюль Верн заставляет капитана Немо черпать из неистощимой сокровищницы бухты Виго, где двенадцать лет тому назад погиб испанский флот, везший тысячи пудов золота из Бразилии, но даже и его пылкая писательская фантазия вряд ли могла охватить действительную величину ценного груза, скрытого от нас в разных местах под волнами морей и океанов. Возьмем несколько

примеров из старого времени — сокровища бухты Виго, огромные ценности Великой Испанской Армады, разбитой бурей около берегов Шотландии, (см. рассказ „Затонувшие Сокровища“ в № 1 „Мира Прикл.“, „Черный Принц, утопший у берегов Крыма с жалованием союзной армии, осаждавшей Севастополь, и сотни других кораблей всех наций, лежащих сейчас на дне морей, ожидая своих капитанов Немо...

Несколько тысяч судов с ценными грузами было потоплено за время последней войны. Особая карта морей Европы, изданная в Англии, прямо испещрена черными точками, обозначающими место гибели того или иного судна.

Немудрено, что водолазная техника последних лет потратила немало усилий на то, чтобы извлечь обратно хоть часть наиболее ценного груза. Там, где глубина дна не превышает 40—50 метров, еще применяются прежние скафандры, — резиновые мягкие водолазные костюмы, но на больших глубинах водолаз должен был-бы работать при давлении выше пяти атмосфер, а это составляет предел выносливости человеческого организма.

Поэтому для больших глубин входят в практику недавно изобретенные жесткие водолазные аппараты в виде стального панциря с гибкими сочленениями, воспринимающего на себя все давление воды и позволяющего человеку работать при обычном давлении.

Помещенный рисунок дает представление о новом водолажном аппарате во время работ по подъему с глубины больше 100 метров нескольких миллионов рублей золота и серебра в слитках с одного затонувшего английского парохода.

Русское изобретение — раньше.

В № 1 „Мира Приключений“ за этот год помещена заметка (см. стр. 159) о способе борьбы с неприятельскими аэропланами при помощи особых сетей, предложенных японским офицером-летчиком Талако. По этому поводу известный русский изобретатель Е. Е. Горин, живущий в Москве, человек богато одаренный и зарекомендовавший себя остроумными техническими идеями, сообщает нам, что мысль о такой борьбе с неприятельскими аэропланами давно уже разработана им и сдана в комитет по делам изобретений, на что у Е. Е. Горина имеется официальный документ еще от 1 Июля 1921 года.

Современная сверх-реклама.

В погоне за рекламой за границей, кажется, использована вся окружающая нас природа. Предприимчивые коммерсанты как будто задалась целью в самом деле осуществить красивую гиперболу Гейне, который мечтал стволом исполинской сосны, погруженной в лаву Везувия, написать имя своей милой огненными буквами на темном небе...

Только, увы, имя этой милой теперь — „Лучшее мыло Сенлайт“, „Шины Денлоп“, „Подтяжки Смита“, или что либо в этом роде. Исписывать гигантскими буквами скалистые склоны это уже черезчур мелко.

Недавно в „Мире Приключений“ мы сообщали о новом способе рекламы—засевать поля травой или хлебом более яркого цвета в форме огромных букв, четко читаемых с аэроплана.

Реклама прожектором на фоне облаков уже несколько лет применяется за границей и, как слышно, скоро и на нашем поднебесьи засияют „Мосельпромы“ и „Госпромцветметы“...

Большой успех имеет в Америке воздушная реклама при помощи струй дыма или светящегося следа, которые летчик оставляет за собой, выписывая своим аэропланом

целые буквы и слова, при чем от него требуется исключительная ловкость в маневрировании и проделывании ряда „мертвых петель“.

Более простой способ реклам в воздухе был недавно предложен англичанином Бейли: реклама из букв, цифр, или в виде торгового знака просто „печатается в воздухе—целиком или последовательно, частями. Для этого служит особый ракетный аппарат, из которого выпускаются круглые светящиеся облачки или дымки на расстояние около 100 метров позади самолета; из этих кружков и образуются нужные знаки, которые при спокойной атмосфере довольно долго держатся на одном месте. Аппарат этот состоит из ряда коробок, укрепленных на крыле аэроплана, внутри которых имеется известным образом расположенные светящиеся ракеты или бенгальские огни. Достигнув известной высоты, летчик одним нажимом на электрический замыкатель может выпустить их группами или по одиночке.

В спокойном и ясном воздухе такая светящаяся реклама действительно должна достичь своей цели—т. е. привлечь к себе внимание находящихся внизу жителей и запечатлеться в памяти, что и требуется...

Ковер-самолет и сапоги скороходы.

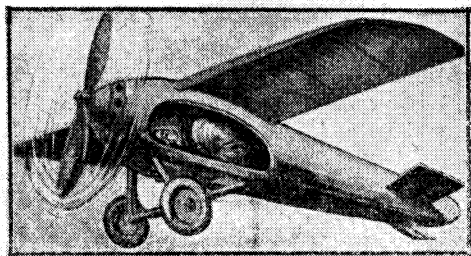

Рис. 1.

Грезы человечества с незапамятных времен связывались с быстрым передвижением, открывающим большие возможности перед человеком, обрывающим его прикованность к определенному месту. В дошедших до нас от седой древности сказках Востока встречаются упоминания о „ковре-самолете“, который было достаточно „развернуть“, усесться на него—и владелец ковра уносился по воздуху, подобно птице, за тридевять земель, в тридесятое царство. А сапоги-скороходы. Кто в детстве не зачитывался историей мальчика-с-пальчик и людоеда, гнавшегося за детьми в чудесных сапогах, переносивших их обладателя, что ни шаг, на семь верст.

Многое из того, что ранее казалось лишь проявлением беспочвенной мечтательности, ныне становится фактом, благодаря техническим достижениям последнего времени. Чем, в самом деле, не ковер-самолет — перенос-

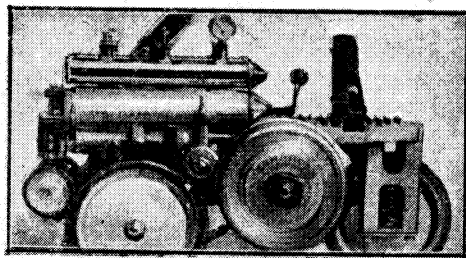

Рис. 2.

ный и складной аэроплан, сконструированный только что мюнхенским инженером Гебхардтом (см. рис. 1). В сложенном виде он уместается в ящике 5 футов длиной и 4½ фута шириной. Вес его равен всего 132 фунтам. Он может таким образом с удобством перевозиться с собою в багаже. Сборка его очень легка и проста. В виду его малого веса, для него достаточно мотора весьма небольшой мощности. При полете, летчик лежит в самом корпусе аэроплана.

Тот же Гебхардт изобрел еще другой прибор, напоминающий легенду о сапогах-скороходах (рис. 2). Это роликовые коньки, снабженные небольшими ацетиленовыми моторчиками, позволяющими развивать скорость до 20 английских миль в час. Расход горючего очень незначителен — около 3½ коп. в час езды.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Вопрос № 16.

Почему сахар имеет приятный вкус?

Вопрос № 17.

Почему кислый вкус обыкновенно считается неприятным?

Вопрос № 18.

Чем вызывается эхо?

Вопрос № 19.

Почему при выстреле из ружья слышен громкий звук?

Вопрос № 20.

Чем вызывается напоминающий прибор морских волн шум в раковине, когда ее прикладывают отверстием к уху?

Вопрос № 21.

Почему волосы растут гуще на голове, чем на иных частях тела?

Ответы просим присылать в редакцию, в Отдел задач.

Вопрос № 22.

Почему борода растет только у мужчин?

Вопрос № 23.

Почему на вершинах гор холоднее, чем внизу, несмотря на то, что они ближе к Солнцу?

Вопрос № 24.

Почему в южных пустынях бывают очень холодные ночи?

Вопрос № 25.

Какое животное впервые появилось на суше?

Вопрос № 26.

Какое животное было впервые приручено человеком?

Вопрос № 27.

Существовали ли на Земле бактерии до появления человека?

Почтов. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Стремянная, 8

Телегр. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Издатсойкин

Телефон № 58-02.

А. К. (Здесь). Все у Вас фальшивое, надуманное. При личных приемах Вам ведь не раз уже говорили, как нужно избегать этого.

Л. К. (Москва). Охотно верим, что зверская расправа одного арестанта над другим произошла на Ваших глазах, но все же „Копшарная расправа“ по характеру и сюжету не подходит для нас.

П. Д. (Киев). Замысел у Вас был хороший, но технически сделано не умело и неправдоподобно все, начиная с частной яхты, отправившейся из СССР в устье р. Оранжевой в Африке...

Д. Я. К. (Киев). Ваш роман-утопия „Настоящее в будущем“ для нашего журнала не подходит.

Е. И. Д. (Одесса). И „Гим“, и „Часы“ не годятся для печати. Вы не представляете себе условий быта за полярным кругом. Рекомендуем прочитать внимательно как раз в этом номере журнала очерк Н. Н. Боголепова. Совершенно невероятное представление о Гим—богине любви—у первобытных дикарей. Странен состав экспедиции на дирижабле, и не живые люди Аносин и Мэри. Язык книжный, а не разговорный в диалогах.—Нужно представлять себе в жизни все, что пишешь. Неудачно рассказана история с часами—не новая тема для юмористической безделушки.

А. Д. (Уфа). Странно и дико Вы сочетали невероятный, ходульный романтизм и грубый, отталкивающий реализм, доходящий до цинизма. Изощренность языка—чрезмерная и напыщенная. „Ирина... яблочным цветом врастающая (? Ред.) в мое влюбленное сердце“... „Сердце мое переполняло, как дорогое вино чашу—любовь“... „Сердце мое засочилось кровью, насыщенной (?) большим и прекрасным чувством“...

Я. В. Б. (Брянск). Весьма возможно, что описанный Вами в „Оправдании“ случай был в действительности, но художественного-то произведения Вы не дали, а жизнь исказили, между прочим, сделав предсмертное письмо таким неестественным и напыщенным. Таким языком люди не говорят. „История Сверчкова“ не представляет литературной ценности.

Н. Ф. (Серпухов). Роман, который Вы собираетесь еще писать (горюются нынче авторы продавать!), для нас не годится. У Вас нет представления о многом и прежде всего о пространстве и времени. Люди никогда не создадут новой искусственной планеты—солнца, как оптимистически надеетесь Вы. С другой стороны, нельзя быть таким песемистом и полагать, что, когда солнце станет совсем погасать, на земле все еще будет вестись классовая борьба или, как Вы пишете,—между коммунистами и буржуазией.

Л. П. Х. (с. Погреби). Вы прислали весьма слабые стихи и пишете: „Дефекты селянину треба прощать до 50 %“. Стихотворение же Ваше не селянское, а пожилого, много читавшего интеллигента. Но если и 50 % дефектов сносить, то как же быть с остальными 50 % непригодности?

Автору „Трэмса“ (Пятигорск). Ваше обширное произведение переполнено мистицизмом, следовательно, уже по этой причине не может быть напечатано. Много технических недостатков в построении фабулы и в развитии действия. Язык—гладкий, но не живой, книжный и устаревший. В угоду духу времени за волосы притануто внезапно рождающееся у героя намерение отдать „на освобождение всех угнетенных“ давно лелеемое в мечтах богатство. В общем—мелодрама, совершенно непригодная для печати, но симпатичная по замыслу.

В. М. (Баталпашинск). „Из прошлого и нынешнего“ не годится для печати, а все таки честь Вам и слава, что юный подмастерье—шорник так пишет! Вам бы учиться! Способности у Вас хорошие; жаль будет, если так и не разовьются.

В. Б. (Гивань). Юмореска „Шуба“ очень слаба. И конец нелепый: красить шубу... чернилами... Это смешно?

Подписчику № 164 и другим. Вас заинтересовали наклейки на обложках первых двух номеров журнала. Это объясняется тем, что обложки были заготовлены для № 7 и № 8—1925 г., но по техническим причинам от Изд-ва независимых, книжки не могли выйти своевременно. Обложки, как дорого стоящие, пришлось использовать для новых №№, сделав соответствующие наклейки. Читатель от этого не пострадал. Ведь газетная телеграмма через день уже стара, а художественное произведение, опубликовываемое спустя месяц, не теряет своей свежести. Подписчики, не дополучившие книжек в 1925 г., удовлетворятся журналом 1926 г.

Поступил в продажу полный комплект
журнала (с № 1 по № 24 — за 1925 г.)

«Вестник Знания»

В № № журнала «Вестник Знания» в течение 1925 г.
в числе других статей были помещены следующие произ-
ведения наших выдающихся ученых:

Проф. В. А. Вагнер «Пессимизм и перспективы науки». «Поэзия и проза
науки» и др. Проф. Л. Л. Васильев «Биологические лучи» (открытие
проф. А. Г. Гурвича). Проф. Б. П. Вейсбергер «Как влияет человек на
судьбу солнечной мощности» и др. Проф. А. Г. Генкель «Революция
в геологии» и др. Проф. С. П. Гасзенай «Астрономия XX в.» Проф. С. О.
Грузенберг «Художник-бунтарь» и др. Радио-инженер В. А. Гузов «Как
возможно видеть предметы на расстоянии тысячи верст». Проф. Н. С.
Державин «Искусство и литература» и др. Проф. В. И. Ковалевский
«Умственное движение в Китае». Поч. Чл. Всесоюзн. Акад. Наук А. Ф.
Кони «К юбилею Академии». Акад. Нестор Котляревский «О малом
театре». Проф. Н. А. Колосовский «Мироздание в своей современной
науке». К-р Г. О. Манойлов. «Определение пола зародышаго крови».
Акад. Н. Я. Марр «Письмо и язык будущего». Проф. Н. А. Морозов
«Памяти М. В. Новорусского». Проф. М. В. Новорусский «Пути моего само-
образования». Проф. А. М. Никольский «Значение атмосферы в жизни
человека и животных». Акад. С. Ф. Платонов «Из мрачных страниц прошлого».
работы». Акад. С. Ф. Платонов «Декабристы». Проф. В. В. Ситовский «Что
такое поэзия». Проф. В. Г. Тан-Богораз «Распространение культуры
на земле» и др. Проф. А. Е. Ферман «Новые маяки культуры» и др.
Проф. С. В. Фарфоровский «Страницка истории культуры». Проф.
Я. И. Френкель «Мастера мирового эфира». «Открытие академика
Иоффе» и др. Проф. П. Ю. Шмидт — Целый ряд руководящих статей
по вопросам биологии. Э. Э. Эссен «Дарвинизм и марксизм».

Кроме того напечатан цикл статей редактора журнала акад.
проф. Вл. М. Бехтерева по вопросу о гипнозе и ряд его
заметок и очерков публицистического характера.

Цена полного комплекта журнала «Вестник Знания» за
1925 г. без приложений 6 руб. с перес. С приложением
12 книг «Библиотека Знания» 9 руб. с перес.

С требованиями обращаться в Изд-во «П. П. СОЙКИН».
Ленинград, Стремянная, 8.

Цена
1925 г.
№ 12
09601 С

ПЛЕНТ
25 Г.)